

Кто не был - тот добудет;
Кто был - тот не забудет.
/из арестантских афоризмов/

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

1937-й год. Грозные тучи все больше сгущались над страной. Почти не было человека, который не трепетал бы перед завтрашним днем, вернее перед грядущей ночью. Колоссальные массы людей многие миллионы с замирающим сердцем ждали своего неизбежного ареста. Эти люди тщательно уничтожали или же глубоко прятали всяческие "компрометирующие" документы и предметы, как-то: письма из-за границы, письма от родственников или друзей, в которых проявлялась хоть тень недовольства условиями жизни, портреты дорогих им людей, находящихся за границей или одетых в офицерскую, чиновничью или духовную одежду, ордена царских времен, книги дореволюционного издания, особенно же, если в этих книгах, не дай Бог, было изображение царей, правителей или вообще кого либо из "бывших" людей, книги советских изданий, в которых были статьи или фотографии врагов народа - Троцкого, Зиновьева и др. - Было такое положение когда трудно было ориентироваться, кто из вождей уже признан врагом, а кто еще нет. Но стоило в книжном магазине спросить портрет или книгу интересующего вас вождя, как вы сразу заключали "сидит" он уже или еще гуляет на свободе. Дело в том, что абсолютное большинство признанных вождей в том числе Коссиор, Постышев, а затем Петровский и многие другие убивались потихонько без шума. Об этом открыто не говорилось и не писалось нигде. Но книжные магазины и библиотеки получали ежедневно от КНВД списки лиц, книги и портреты которых подлежали изъятию. Человек, хранивший старые номера газеты "Правда", или любой другой, в которой имелись портреты или статьи людей, сегодня "изъятых", сам подвергался опасности быть изъятым, уж не говоря о хранивших письма из-за границы, или книгу написанную каким либо врагом и т.д. - Одним словом все вышперечисленное могло послужить "доказательством" вражеской деятельности и в лучшем случае попросту неблагонадежности лица, хранившего ее. По тем же причинам приходилось прятать религиозную литературу и иконы.

Кто же эти миллионы людей? Прежде всего это так называемые "бывшие люди": помещики и капиталисты, офицеры старой армии, чиновники, /жандармы и полицейские, а также и офицеры белой армии, были уже давно уничтожены/, духовенство как действующее, так равно и отошедшее от службы и отрекшееся от сана, лица дворянского звания, лица имевшие хотя бы отдаленное родство среди дворян, бывшие работники юстиции, бывшие сельские старосты и даже писаря, бывшие "кулаки". Нэпманы в том числе и те чья торговля сводилась к переносному лотку на улице, а также все, кто когда либо побывал за границей, в том числе русские военнопленные, попавшие в войну 1914-18 г.г. в плен, или красноармейцы, побывавшие в плену в Польше, хотя бы несколько дней; лица служившие в белых армиях, все равно добровольно или по мобилизации и независимо от длительности их службы. Далее все без исключения бывшие когда-то членами иных политических партий: меньшевиков, эс-эров, кадетов /хотя последние и октябристы к тому времени были, пожалуй, уже поголовно истреблены/. Если человек был в любой иной партии в том числе и в партиях левых эс-эров и прочих левых, влившихся впоследствии в ВКП/б/, а потом многие годы состоял в рядах большевицкой партии и занимал высокие посты, это его не спасало.

И далее бывшие "правые" и "левые" уклонисты от "генеральной линии" партии, и вообще все бывшие коммунисты, исключенные из партии или добровольно ушедшие /о которых Сталин говорил, что они являются хорошим материалом для разных контр-революционных организаций и иностранных разведок/.

Все кто был в прошлом репрессирован, т.е. арестовывался или был в ссылке и т.д. независимо от причин репрессий, но конечно в первую очередь по мотивам политическим.

Все когда либо в чем либо выражавшие недовольство советской политикой. Все принадлежавшие к народам, имевшим свои государства, как то немцы, поляки, прибалтийцы, турки и т.д.

Все эти люди были в особых списках НКВД как неблагонадежные и каждый год перед революционными праздниками и разного рода кампаниями, как например хлебозаготовки, "добровольное" распространение займов и т.д. понемногу изымались в количествах соответственно разверстке присылаемой вышестоящими органами НКВД. Часть из них в скорости возвращалась, а большинство направлялось в

каторжные лагеря, которыми сплошь покрыт север, Урал и Сибирь. Делалось это для того, чтобы парализовать всякое возможное проявление "разлагающей" деятельности со стороны этих людей во время больших торжеств и в периоды разного рода "выкачек" хлеба, денег и т.д. из населения, а также острастки ради всему населению. Это было предупреждением для каждого.

Теперь же наступила пора поголовного изъятия всех этих людей.

Важнейшая директива о таком поголовном изъятии была дана за подписями Сталина и Молотова в июне 1937 года, которая, в виду ее абсолютной секретности, была спущена лишь до областных комитетов ВКП/б/ и по прочтении подлежала немедленному возврату в ЦК ВКП/б/. Несмотря на сугубую секретность этой директивы, слухи о ней зловещей тенью ползли из дома в дом, из квартиры в квартиру, наводя страх и ужас на миллионы людей, ждущих когда их схватят.

Но не только над этими "запятнанными" людьми повис Сталинско-Ежовский меч. Нет. Он повис также и над головами всех верных слуг большевизма над каждым, кто занимал любое руководящее положение в партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организациях, в воинских частях и учебных заведениях, начиная от Наркомов и кончая председателями сельсоветов и колхозов, а также над учеными и писателями, инженерами и учителями, художниками и артистами и над всем мыслящим и живым. Ничто не могло спасти, ни социальное происхождение, ни заслуги перед властью, ни ордена. Каждый видел, что вокруг бушует какой-то сумасшедший ураган, без конца унося новые жертвы. Из рядов преданнейших, казалось коммунистов вырывают одного за другим и газеты не успевают рассказывать обо всех "фашистских злодеяниях" совершенных и не успевших быть совершенными ими. Не было города и района где не проходили бы показательные процессы, проводимые спец-судами над участниками разных тайных контр-революционных организаций, якобы замышлявших убийства Сталина и его верных соратников, а также проводивших вредительскую и прочую контр-революционную деятельность и замышлявших свергнуть советский строй. Почти сплошь приговор был один и тот-же - расстрел. - Но правители осенью 1937 года спохватились, видя что огромное количество "врагов народа" погибает от пуль НКВД зря, без пользы для строительства социализма. Тогда было решено - сначала пусть поработают, а потом уже погибнут, когда придет

пора. - И законом ЦИКА был увеличен срок заключения до 25 лет вместо 10, бывших до тех пор.

Следует заметить, что чем ближе к власти стояло то и иное лицо и чем больше оно подвергалось пропаганде проводившейся партией вокруг этой волны безпримерного террора, тем больше оно было склонно верить в действительное существование заговоров, подпольных организаций. Конечно, такими людьми были прежде всего коммунисты. Масса же крестьянства, рабочих и интеллигенции не верили в эту сказку.

Я хотя и занимал скромное положение бухгалтера завода, но не менее других чувствовал грозу и предусмотрительно уничтожил все письма родных и знакомых, фотографии многих родственников и знакомых, адреса двоюродных, находящихся за границей, и оставил лишь нашу переписку с женой, носившую исключительно интимный характер. Уничтожил также сотни полторы книг дореволюционных и советских изданий. Тщательно спрятал единственную священную книгу - евангелие.

Жена, тревожно следя за всем этим, спрашивала: - неужели ты ждешь несчастья? -

- Жду не больше, как и все. -

Никаких особых грехов перед советами я за собой не чувствовал.

Вырос и воспитался при советской власти, работал честно и всегда сохранял государственное добро, веря, что в этом залог благополучия народа. Казалось, что решительно не к чему придаться в моей работе. Разные ревизии и проверки отмечали хорошее состояние работы и я не раз получал благодарности и дважды был премирован поездкой на курорт. Однако мой начальник-коммунист Ильин тоже получал благодарности, премии и путевки на курорт. Его грудь украшал орден Ленина за блестящую постановку работы завода, за перевыполнение планов и высокое качество продукции. Его очень любили рабочие за исключительную сердечность и чуткость к их нуждам и всяческую помощь. Но на него неожиданно обрушился карающий меч НКВД. Он уже пять месяцев находился под арестом. НКВД то и дело запрашивало компрометирующие его материалы. Но таковых на заводе не было. Однажды агент НКВД Калинин пришел лично на завод и потребовал от бухгалтерии материалы, уличающие директора во вредительстве. Будучи возмущен заявлением, что бухгалтерия таких материалов не имеет, он злобно зашипел и ушел, сердито хлопнув

дверью.

На собрании рабочих и служащих завода Парторгом по заданию Горкома партии был поставлен доклад о контр-революционной деятельности директора завода И. Обвинение на 100% были вымыслом. Парторг очень волновался. Он говорил о том, что директор уже "признался" в своей принадлежности к подпольной террористической контр-революционной организации и в КРД /контр-революционная деятельность/, он даже приводил выдержки из протоколов дознания, получаемые от НКВД для информации. Очевидно Парторг прекрасно понимал, что все обвинения ложны, но спасая себя, он должен был притворяться, что верит в их действительность, и сам измышлял всякие небылицы против директора, тем самым пытаясь обелить себя, показать свою бдительность, непримиримость и враждебность к "врагам народа".

На собрании присутствовал городской прокурор. Он выступил с погромной речью заявив, что арестом директора дело не может ограничиться, что "враги народа" в одиночку не работают, что обязательно имеют группы и входят в разного рода контр-революционные организации, руководимые из-за границы. Он говорил, что на заводе никто не разоблачен кроме директора не потому, что здесь нет больше врагов, а потому, что эти враги спрятались в глубокое подполье, притаились и прикрывают свою вредительскую и подрывную деятельность хорошей работой на заводе, а парторганизация спит, как и вся масса рабочих и ИТР /инженерно-технических работников/ и невольно пригревают у своего сердца контр-революционную змею. - Нет такого завода, такого колхоза, такого учреждения, даже самого маленького, где не было бы тщательно замаскированных врагов народа и наша задача их разоблачить и выловить дабы без остатка вырвать корни контрреволюции. - Закончил прокурор свою речь. Затем одни за другим выступали коммунисты - члены городской парторганизации. Все они повторяли тоже самое, что говорил парторг и прокурор. Каждый говорил о той ужасной слепоте, о той политической близорукости, которая царила и по сей день царит в парторганизации завода. Здесь же каждый бия себя кулаком в грудь каялся в своей слепоте, обещал все силы приложить к разоблачению подлых соучастников такого страшного и опасного злодея, каким являлся бывший директор завода, который к счастью оказался разоблаченным доблестными органами НКВД. Вряд ли кто из выступавших хоть чуточку верил в то, что говорил, но каждый вынужден был, придавая выражению лица напускную серьезность,

за которой скрывался смертельный страх за собственную шкуру, кричать о несуществующих преступлениях человека, который для каждого из выступавших сделал очень много исключительно хорошаго. Из двенадцати коммунистов, присутствующих на собрании, не выступил только один. Это техник Григорьев. Обращаясь к нему, парторг спросил: - ты что же, не имеешь чего сказать? Почему не выступаешь? - Г. ответил, что он действительно не имеет чего сказать. - Говорить в общем и целом, сказал он, нет смысла потому, что все говорят одно и то же, а чего-либо конкретного я не знаю. - Прокурор вскочил с места и потребовал слова. Он заявил, что молчание Г. не случайно, что он, если не прямой пособник врага народа И., то косвенный, и потребовал выгнать его из партии. Решение было принято единогласно, т.е. 11-ю коммунистами. За исключение из партии голосовал и родной брат Г. /своя рубашка ближе к телу/, член партии.

Затем была предложена парторгом резолюция, принесенная им из Горкома. Резолюция прежде всего выражала благодарность "мечу революции" - НКВД и его гениальному руководителю "соратнику" великаго Сталина" товарищу Н.И. Ежову за блестящую работу по очищению страны от врагов народа, затем в резолюции были требования: 1/ расстрела директора, 2/ беспощаднаго разоблачения и искоренения врагов народа на заводе и соответствующие заверения Сталину.

Резолюция ставилась на голосование всех присутствующих рабочих и служащих. Голосовали единогласно, большинстве понуря головы и имея мрачные лица. Голосовал и исключенный из партии Г. Не голосовать кому бы то ни было значило навлечь на себя подозрение если не в соучастии, то в сочувствии врагу народа, попасть "на карандаш" НКВД, и быть может стать первой жертвой вслед за директором. С великим внутренним протестом, с болью в сердце, идя, так сказать на компромисс с совестью во имя спасения себя и семьи, я голосовал за эту разбойничью резолюцию. У меня не было сомнения, что большинство голосовавших испытывало в душе то же, что и я, но что делать, как поступить иначе, тем более что от резолюции собрания судьба несчастнаго "врага народа" не зависит. Резолюция выражает лишь "одобрение" со стороны "счастливых" советских граждан политики правительства /попробуй не одобрить!/.

Все происходившее на собрании легло тяжелым камнем на мое сердце. Я явно ощущал, как зреет опасность. На следующий день в районной газете

была помещена резолюция, принятая на заводе, сопровождаемая обширными комментариями к происшедшему собранию. Как обычно в статье было много лжи, так напр. говорилось о том, с каким шумом одобрения встретило собрание резолюцию и много прочаго, чего вовсе не было на собрании, как и шума одобрения. Наоборот, стояла гробовая тишина, казалось, что у людей даже дыхание прекратилось. Тишина длилась пока все разошлись.

В этот же день был арестован техник Г.

Мое ужасное душевное состояние усугублялось тем, что не с кем было поделиться своими душевными страданиями без риска быть преданным. Жену же нельзя было волновать, а наоборот ее приходилось всячески успокаивать.

- Почему ты такой мрачный? спрашивала она, - О, если бы ты знал, как мне тяжело на тебя глядеть. - Ты что чувствуешь за собой? - скажи мне. Я так за тебя боюсь! Случись что с тобой, я не перенесу горя. Больше того, я не стану жить. - Такие разговоры продолжались без конца. Я с трудом сдерживался, чтобы не излить все терзания моего сердца. Я всеми силами старался успокоить ее. Говорил, что за мной абсолютно никакой вины нет, но все может случиться, судя по тому, что делается вокруг. Волна арестов уносила все новые жертвы. Вокруг дома, в котором мы жили, почти не оставалось уже ни одного дома, где не были бы произведены аресты. Причем все арестованные как в воду проваливались. Наконец, был арестован мой сосед по квартире Денисов. В других домах уже было арестовано по несколько человек. Мое нервное состояние дошло до предела. Ни к чему не подымались руки, все валилось из них. Я почти ничего не ел, ничто не лезло в горло, по ночам не спал, а если засыпал, то меня давили кошмары. Я сильно ослабел и еле держался на ногах. Внешне же я старался быть спокойным. Но чувство чего-то страшного, неотвратимаго все ближе и ощутительней надвигалось на меня, не покидало меня ни на минуту. Ужасно было подумать о том, что меня лишат самага драгоценнаго - это моего друга, моей любимой и так горячо любящей меня жены. Что с нею будет, когда меня арестуют, что она будет делать, да еще будучи обременена малюткой. Ясно, ее выгонят из квартиры, на работу никуда не примут, будут таскать по допросам, а могут и арестовать. Эти мысли леденили мне сердце и я старался не допускать их, ибо я, казалось, мог тронуться умом. Так тянулись месяцы.

23-го ноября часов в 10 вечера, когда я проходил по улице, меня окликнули. Ко мне подошел начальник НКВД Наумов и предложил пойти с ним "побеседовать".

Я не испугался и не растерялся. К этому я давно был готов. Лишь сердце сжалось до боли, да ком подкатил к глотке. Вошли в кабинет Н. Достав из стола бумажку Н. подал мне - распишитесь! – Это был ордер на арест. Затем последовал личный обыск, после чего Наумов вместе со своим помощником Калининным повели меня ко мне домой. Было около 12 часов ночи. Жена не спала. Она сидела с сестрой в кухне. Яркий свет, падавший из кухни, освещал взошедших на крыльцо. Я осторожно стукнул - открой! - Она взглянула в окно и обомлела, увидев НКВД-истов. Ухватившись за голову и грудь, она беспомощно упала на стул. Открыла сестра. Вошедшие прошли прямо в комнату. Вслед вошла смертельно бледная задыхающаяся жена. - Уже? - спросила тихонько. - Да, совершилось - ответил я. - Мы должны произвести маленький обыск - сказал Н. Его помощник пригласил в качестве понятого соседа из другой квартиры. Обыск продолжался 4 часа. Было перерыто все. Шкаф, стол и кровать были сдвинуты. Прощупана вся одежда до рубчика. В ватных вещах были оторваны подкладки. Проверен пружинный матрац. Все книги проверены по листику. Изъяты все мои документы, вся переписка с женой, почти все фотокарточки, в том числе снимок моего класса, где среди нас, детей сфотографирован священник, что также должно было впоследствии послужить как обвинительный материал.

Во все время обыска несчастная жена не отрывалась от меня. Она бесконечно рыдала и причитала. Несколько раз Н. грозно предупредил, что если она не уймется, то будет удалена из квартиры. Но она не унималась. Она вопрошала к НКВД-истам - что вы делаете, зачем вы губите невинного человека, о, Боже мой, за что вы губите мою молодую жизнь! Берите же и меня, мне теперь все равно, жить мне не нужно! - Н. пытался уговорить ее, что мол проверят, если не виновен ни в чем, то выпустят скоро. Мое сердце рвалось на части. Я пытался ее успокоить, уговорить, чтобы она щадила себя для малютки, а быть может и для меня. Но чем можно было успокоить сердце любящего человека, когда его лишают самого близкого родного. -

Берите меня, ведите меня на муки, на смерть, но оставьте его, не трогайте его честно, ни в чем неповинного, доброго, - кричала она истерически, раздирая одежду на груди и судорожно впиваясь себе в волосы. - Не беспокойтесь, - унимал ее Н., дойдет и до Вас очередь. За время обыска она

трижды лишалась чувств. Но вся эта сцена глубочайшего страдания человеческой души лишь сместила НКВД-истов. Величайшими усилиями воли я подавлял в себе рвущияся наружу рыдания, рвущийся крик растерзанной души. Ведь я знал, что нас разлучают если не навеки, то на долгие годы. Я терял в ее лице не только прекрасную женщину - любимую жену, но и единственного друга, перед которым в условиях жестоких лишений, нищеты и безправия, в условиях постоянного страха, среди шпионажа, подслушивания, доносов, подсиживания, можно открыто излить свою душу, делиться радостями и горем. Не будь ее, что мне жизнь. И жалеть по такой жизни особенно не приходилось бы. Надежды на какие-либо изменения, улучшения, облегчения никакой нет. Родных нет. Часть умерла от голода в 1933 году, часть погибла в ссылках и концлагерях, а те разбрелись по свету. Иного выхода не было как быть лояльным к власти, честно служить и зарабатывать кусок хлеба. Но вместе с тем мне казалось, что многие несчастья народа усугублялись плохой работой на местах по управлению хозяйством, по организации производства. Я чем мог старался помочь людям, старался делать добро. И вот за мой честный труд и доброту - награда...

Когда меня уводили, несчастная измученная жена судорожно вцепилась руками в мою одежду. Она уже не кричала. По ее лицу искаженному ужасом и страданиями и как бы окаменелому, произвольно струились слезы. Ее несколько раз пытались оторвать силой, но напрасно. Меня вели, но она не отрывалась. Вывели на улицу. Тут она загородила дорогу и впивалась в мои глаза бесконечно глубоким, полным величайших страданий взглядом своих больших голубых глаз, как бы стараясь в последний раз и навеки запечатлеть образ дорогого человека.

Наконец, ее грубо оторвали и оттолкнули. Она упала на мостовую. Бешенство охватило меня, вскричав - не смей! - я размахнулся с целью расквасить бандитскую рожу Н. Но в этот момент К. схватил меня за левую руку и с силой вывернул назад. Н. сделал то же с правой и так с вывернутыми руками увели. Жена оставалась сидеть на снегу простоволосая, в разорванной на груди кофточке, как бы окаменелая, обливаемая холодным лунным светом.

Меня привели в дежурку НКВД, где я под строгой охраной, как закоренелый преступник, просидел около часу, после чего двое агентов НКВД в штатском повели меня на ж.д. станцию. Меня усадили в угол и

поочередно охраняли. Много знакомых проходило мимо. Но никто не смел даже поздороваться. Каждый поскорее отводил глаза и удалялся. Я был отверженным.

Здесь я с особой ясностью почувствовал, что все нити с этим миром порваны, что единственным человеком, который не страшась и жертвуя собой за мое спасение, была жена. Я сознавал, что люди, которым я, как и директор завода, делал добро, для которых я добивался значительной денежной помощи, предоставления квартир, перевода на лучшие работы, и спасал некоторым из них или членам их семейств жизнь, помещением их, благодаря моим энергичным ходатайствам и протекциям, в лучшие центральные лечебницы и на курорты юга, что стоило больших денег заводу, что эти люди со страхом пробегающие мимо меня сегодня, завтра, быть может с болью в душе, вынуждены будут отрещиваться от меня и проклинать меня публично, а также голосовать за резолюцию, требующую моего расстрела. И я не мог винить этих людей, ибо слово, высказанное в защиту, или хотя бы выражающее сочувствие вело к аресту, больше того, даже нейтральность представляла угрозу. Попавшего в Ежовские рукавицы можно было только клясть. Главное, что терзало мою душу - это были не проклятия, которые посыпятся на мою голову в целях самозащиты моих друзей и тех, кому я делал добро, /между прочим, факт моих благодеяний для моих лиц в прошлом уже является пятном для них и обвинительным материалом для тех, кому суждено разделить мою участь./ Терзала душу судьба семьи. Семьи арестованных подвергались всяческому репрессиям и издевательствам. Я предвидел, что жена за меня никому не смолчит, что она ничего не испугается, что она будет драться за мое спасение, как львица. Но за это она может дорого поплатиться, ее могут арестовать, и наверное арестуют, ибо малейшее сочувствие к врагу народа рассматривается как соучастие, а тем более энергичная защита хотя бы и со стороны жены. Согласно большевицкой морали понятие родства, любви, дружбы строго подчинено основному закону этой морали - КЛАССОВОЙ НЕНАВИСТИ. Следовательно от арестованного должны отречься не только друзья, но и жена, и родители, и дети, и братья, и сестры. И свою любовь к нему они обязаны заменить ненавистью. Все должны отречься и, раболепствуя перед "отцом и другом" и его храбрыми опричниками, должны проклинать родного им человека и требовать его уничтожения. К великому прискорбию нужно заметить, что огромное количество людей так и поступает в отношении к арестованной родне, - к мужу чаще всего. Приведу один из

многочисленных примеров: после ареста секретаря горкома комсомола Т. его жену комсомолку вызвали на заседание горкома. На руках у нее было малое дитя. От нее прежде всего потребовали отречения от мужа. Для такого случая в горкоме заранее заготовлены подходящие тексты. Желая оградить от неприятности себя и ребенка она, обливаясь слезами, подписала этот ужасный документ, в котором значилось, что она клеймит своего мужа, как подлаго преступника и отрекается от него, а также ... просит "соответствующие органы" учинить над ним надлежащую расправу. Однако, горком не удовлетворился подписанием отречения. Ее подвергли перекрестному допросу о том, отчего она плачет, что ее слезы свидетельствуют о наличии чувств и привязанности к врагу народа /!/, что из этого следует, что отречение ее сделано не искренне, а лицемерно. Некоторые из членов Горкома с неподдельной яростью набрасывались на несчастную и, казалось, готовы были ее растерзать. Секретарь Горкома потребовал сдать комсомольский билет, она сдала. Ее единогласно исключили из комсомола. Она была одной из самых энергичных, грамотных и, безусловно, абсолютно преданных членов комсомола. Хотя она жила в квартире, состоящей из маленькой комнатки и кухоньки, но ее из квартиры немедленно выбросили. За тем, чтобы семья врага народа не осталась спокойно жить без гонений и издевательств следили все: и НКВД, и Горсовет, и партийный, и комсомольский комитеты, и прокуратура. Она умолила председателя Горсовета разрешить ей приютиться пока во дворе в сарайчике для дров. Он разрешил. Об этом узнал Горком партии и на его заседании был поставлен вопрос: "О защите председателем Горсовета К. семейств врагов парода". Бешенствуя и брызгая слюной, секретарь Горкома кричал, что К. совершил "гнусное преступление против партии", ибо вместо того, чтобы эту "подлую фашистку" выбросить на улицу, чтобы она "сдохла со своим фашистским выблядком", он предоставил ей приют /в кавычках привожу подлинные слова/. К. был исключен из партии и снят с должности предгорсовета, а жена Т. с грудным дитем была выброшена на улицу в проливной дождь /дело было в октябре 1937 года/.

Через два с половиной года Т. был освобожден из-под ареста, т.к. НКВД не удалось ничего состряпать против него, чтобы осудить...

Подошел поезд. С револьверами в руках стража повела меня в вагон, битком набитый пассажирами. Грубо выпав из одного купе всех пассажиров, туда усадили меня. Сами же экаведисты расположились у

входа в купе. "Ишь какие господа, им понадобилось целое купе", послышался ропот пассажира, сдавленного соседями. "И ты сюда хочешь?" - отозвался энкаведист - Молчи, олух, это же арестованного везут - пояснил сосед роптавшему. - Ох, а я же не знал, с ужасом произнес тот в полголоса...

По прибытии поезда в Л. меня повели в станцию, откуда по телефону вызвали автомашину НКВД. Спустя несколько минут, прибыла легковая машина с двумя энкаведистами. Меня быстро доставили в местное отделение НКВД, а оттуда повели в КПЗ /камеры предварительного заключения/. В дежурке сделали тщательный обыск. Все, что мною было взято с собой, как-то: кусок хлеба, полотенце, мыло, зубная щетка, зубная паста, носовые платки, бумажник /и самое драгоценное в нем - это фотокарточка жены/, 2 ремня, что были на мне, карандаш, бумага /я по наивности думал во время ареста, что я смогу написать жене письмо/, все это было изъято. Лицо, изымавшее вещи долго, недоуменно и с предосторожностью вертело зубную пасту "хлородонт" и, держа ее двумя пальцами, ушло в соседнюю комнату. Вернувшись, спросило, что это такое? - Зубная паста. - А что ею делают? - Зубы чистят, объяснил я. Хэ, хэ, хэ, последовало хихиканье, а зачем их чистить - ...

Меня повели по корридору. Открыли одну из дверей. В камере до самой двери стеной стояли люди. Меня прижали к человеческой стене дверью и замкнули ее. Послышались выкрики - Эй, покажите же, кого там привели, что за новичек? Стена немного пошевелилась, с трудом пропуская меня в глубь камеры. Камера была набита до отказа. На нарах сплошь сидели люди друг у друга между ног. Таким образом предельно использовалась площадь. Оказывается, для сидения существовала очередь. И те, кто сейчас стоял, в порядке очереди все будут сидеть. Слабые и больные лежали под нарами. В таких условиях люди проводили многие месяцы. - Кто ты, друг, и откуда? - Я не знаю, с кем имею честь говорить - ответил я. - А с кем тебе угодно? Больше всего здесь колхозников, есть рабочие, кулаки, один поп, несколько коммунистов, один секретарь райкома партии, председатель райисполкома, уполномоченный комитета заготовок, ну и помельче разные чины. А вон еще и столик из педтехникума. Хорошая компания, ну, а я бухгалтер из С.

- О, брат, бухгалтеров-то, пожалуй, у нас не хватало.

Открылась дверь, принесли кипяток и хлеб. Я немного выпил кипятка, а хлеб отдал другим арестантам, с радостью схватившим его. В камере стояла страшная духота и смрад. Свежему человеку было очень тяжело дышать.

Когда же плюс к этому еще закурили, мне сделалось дурно и я опустился на пол, сел прямо в лужу из содержимаго плевательницы, служившей также парашей для тех, кто был не в состоянии держаться. На пол же плевали и сморкались, да иначе и нельзя было, ибо носовые платки отбирали, а к единственной плевательнице не добраться, да и бесполезно, ибо из нее все идет через край и растекается по полу.

Мне дали возможность сесть на нарах и поближе к окошку, в котором было разбито стекло и оттуда струился свежий воздух.

- О, кого я вижу! Х! Здравствуй! И ты удостоился быть произведенным в звание врага народа. Так, так, брат. Скоро все тут будут. - Здравствуй, Горшков. Откуда ты взялся, друг? - спросил я.- Под юрцами /под нарами/ лежал, вздремнул малость. -

Г. работал в соседнем районе Завземотделом. Мы были хорошо знакомы. После ареста председателя райисполкома Данилова Г. был выдвинут на его место.

Над Д. и так называемой его контрреволюционной группой два месяца перед тем был учинен громкий судебный процесс. На процессе присутствовало несколько сот человек из окружающих районов, получившие специальные пропуска НКВД. Главным свидетелем обвинения против группы Д. как раз и был Г. - Я попросил его рассказать мне, что произошло на процессе и как он из свидетеля обвинения попал сам в тюрьму.

- Я тебе Х. расскажу все подробно, сказал Г. - Я тут уже много рассказывал, каялся в грехах своих и расскажу все как было и тебе. Сразу после ареста Д. меня вызвали в РО /районное отделение/ НКВД, куда приехал из областного УНКВД специальный следователь.

- Что вам известно о контрреволюционной деятельности Д. и других арестованных? - спросил он меня. Я пожал плечами и ответил, что честно говоря я ничего не замечал. - Как не замечали? Значит, вместе в одной шайке орудовали! - закричал он. - Даю тебе два часа сроку. После чего явиться сюда и изложить мне подробно, какую вредительскую деятельность проводил Д. в сельском хозяйстве и промышленности, финансовой и заготовительной политике. Причем ты будешь должен чистосердечно признаться, какую роль ты играл в этом деле, будучи слепым оружием в руках врага. Если придешь опять с таким ответом, то отсюда не уйдешь. Понятно?

– Понятно. - Я ушел, как громом прибитый. Сразу же пошел к секретарю райкома партии, вновь присланному вместо арестованного. - Что делать? - говорю. - Так и так сказал следователь - что делать? А делать нужно то, что велют, ответил секретарь. Надо, говорит, материал давать, если хочешь уцелеть вместе с другими районщиками. Я человек новый и пока не в курсе дела, а тебе придется отдуваться. - Но все же товарищ секретарь, спросил я, где же взять материалы?

- Да материалов у нас хоть отбавляй, чудак человек! Ну, возьми хотя бы протоколы бюро райкома и президиума РИК-а. Выбери оттуда все, где говорилось о недостатках в работе по разным отраслям и кампаниям. И только остается установить случайные эти недостатки, невыполнения, перегибы, недогибы и т.д. или же неслучайно. Факт ареста Д. и целой группы сельских работников подсказывают тебе, что все это не случайно. Теперь, надеюсь, тебе понятно? -

- Короче говоря, я понял так, что причину всех недостатков нужно искать не в халатности, или не реальности планов, или отсутствии нужных средств, или иных объективных обстоятельствах, а в контр-революционной деятельности, что ли? спросил я. - Ну, вот и отлично, раскусил, наконец. Как видишь, на весь обильный материал требуется только, так сказать, соответствующий ярлык наклеить и все в порядке. -

Через два часа я сидел в кабинете начальника НКВД и документально излагал всю "гнусную", контрреволюционную, подрывную, вредительскую, саботажническую и прочую преступную деятельность "врага народа" Д. и иже с ним. Следователь УНКВД остался очень доволен. Мои показания, основанные на "документах", он записал в протокол допроса и мне осталось только расписаться после каждого моего ответа и внизу каждой страницы. Для порядка же, перед началом допроса, следователь меня предупредил, что на основании статьи такой-то уголовного кодекса РСФСР, я должен говорить только "правду". За ложные показания я буду подвергнут наказанию. Под этим предупреждением я также должен был расписаться. И, как видишь, впоследствии говорил только "правду", которую мне было приказано говорить.

Будучи отпущен следователем, я увидел в коридоре еще десяток "свидетелей" обвинения, которые, как и я, расписавшись, что под страхом уголовного наказания будут говорить одну лишь правду, должны были только подтвердить то, что я уже изложил на основании материалов,

почерпнутых из протоколов бюро РК и президиума РИК-а, где в порядке самокритики вскрывались недостатки и намечались меры их исправления. Но по приказу НКВД ко всем этим недостатками пришлось вцепить контрреволюционные ярлычки, обрекая тем самым на гибель невинных людей и спасая, "как мне казалось", свою шкуру. Точнее говоря, делалось это просто из страха, не задумываясь над тем, что те же протоколы полны материалами о недостатках в моей работе. Но вина за все валилась только на арестованных, а что контрреволюционный ярлык с таким же успехом по желанию НКВД или райкома будет приклеен к зафиксированным недостаткам в моей работе и тогда мое место там же, где и Д. Об этом я не думал и не способен был думать. Утопающий хватается за соломинку. Каждый знает, что умрет, но он об этом не задумывается, а когда смерти в глаза приходится глядеть, то многие перестают быть самими собой и часто делают преступления против своих же друзей, не давая себе отчета о том, чем дело в конце концов кончится. Теперь же у нас везде такая обстановка, что почти каждый живет по принципу "хочешь, чтобы тебя не утопили, старайся раньше утопить других", и кажется тебе, что ты тем самым застраховался, проявив свою "бдительность" и непримиримость, а оно - на тебе, оказывается наоборот. Утопленные тобою люди, будучи арестованными являются для тебя неизмеримо более опасными, нежели находящиеся на воле. Я этого не понимал, как не понимают и другие. Ведь арестант это не мертвец, а живой человек. Вот слушай дальше. Так меня вызывали на допрос несколько раз. Впоследствии вызывал начальник РО - НКВД один без следователя из области. Наконец, стало известно, что все арестованные, кроме самого Д. сознались, следствие закончено и на 27-е сентября назначается в районном центре показательный процесс. Я получил повестку на суд в качестве свидетеля обвинения, а кроме меня еще 11 человек районных и сельских работников. С замирающим сердцем жду суда. По газетным и иным информациям слежу за бесконечными процессами идущими по всей стране, по всей области, по районам окружающим нас. Суть обвинений всюду предъявляемым подсудимым, как две капли воды похожа на обвинение состряпанное против Д. и группы, т.е. та же "липа". А приговор то всюду один и тот же - разстрел, о чем ты знаешь не меньше моего. Моя совесть все же не особенно испорчена и если бы ты знал, каково угрызение совести я испытывал, а вместе с тем и смертельный страх. Не раз я готов был пустить себе пулю в висок. Наконец, 27 сентября. Меня и всех других свидетелей до начала суда позвали в райком партии.

Секретарь райкома и начальник НКВД инструктировали нас как мы должны вести себя на суде, мобилизуя бдительность сотен людей, которые должны вынести необходимые наглядные уроки из залы суда для вылавливания "врагов народа", которых столько расплодилось, что выглядывают из всех щелей, что тараканы.

Начался суд. Д. категорически отвергает все обвинения в контрреволюционной деятельности и признает, что имели место обычные недостатки в работе, с которыми боролись общими усилиями. Он решительно отвергает обвинение о принадлежности к подпольной контрреволюционной организации.

Наконец он заявляет, что его и всю группу подвергали жестоким пыткам, вследствие чего все кроме него стали на путь самоклеветания, но судья и прокурор разом его обрывают, грозят удалить из зала суда и разбирать дело заочно. "Мы не позволим никому клеветать на НКВД, предупреждал областной прокурор. И вы не забываете, обращался он к Д., что за подобного рода провокационные заявления о наших кристально чистых органах НКВД ответил еще кое-кто, кто вам не безразличен. - Ясно было, что прокурор делает намек на родственников Д. Д. больше ничего не сказал и сел опустив голову.

Все остальные восемь обвиняемых "признают" себя виновными в полном соответствии с обвинительным заключением. Они заявляют, что были объединены в контрреволюционную группу во главе с Д. ставившую себе целью борьбу с советской властью всеми доступными методами - вредительством, диверсиями, организацией террористического акта против Сталина, контрреволюционной агитацией и т.д. и т.п.

Я и все прочие свидетели также подтверждали, что арестованные вели разнообразную контрреволюционную деятельность.

Д. отказывается от защиты, заявляя, что он не совершил никаких преступлений и ему нет нужды защищаться. Остальные обвиняемые принимают защиту. Речь защитника /адвоката/ свелась к следующему: "преступная деятельность настоящей контрреволюционной группы столь очевидна, столь вопиюща, столь враждебна советской власти и нашему гениальному и дорогому отцу и другу товарищу Сталину, а также его достойнейшему соратнику тов. Ежову, что я не могу взять под защиту этих злодеев. Пусть карающая рука революционного закона опустится на их головы со всей сокрушающей силой."

После этого выступил областной прокурор. Он метал громы и молнии по адресу подсудимых и заканчивая свою речь, потребовал расстрела всем девяти подсудимым.

Я не в состоянии тебе передать, как реагировали обвиняемые. Одни заплакали, другие как-то съежились, побледнели, лица некоторых сразу осунулись. Что творилось у меня на душе можешь вообразить. Ведь я ясно отдавал себе отчет в том, что большая доля вины за смерть этих ни в чем неповинных вчерашних моих сотоварищей ложится на мою совесть. Казалось бы я, как и все другие свидетели, отлично знавшие, что все обвинение до последнего слова есть ложь, подлог, фальсификация, казалось бы мы все в один голос должны были закричать перед лицом всех присутствующих, что эти люди честны и ни в чем неповинны. Но мы были парализованы, как кролик удавом, хотя и знали, что позже каждого из нас может постигнуть та же участь. Не было силы отречься от той подлой клеветы, горы которой мы нагородили на своих неповинных друзей, на предварительном следствии и даже здесь на суде, стоя лицом к лицу с ними и не смея взглянуть в глаза этим несчастным, обреченным ни за что, ни про что на смерть. В сотнях глаз присутствующих мы читали тяжкий укор и презрение к нам. Злодейский поступок! Но мы были абсолютно безвольны и плыли по течению, делали, что велят и каждый покорно ждал своей участи. После заключительных слов обвиняемых суд должен был удалиться на совещание и, конечно, вынести неминуемый роковой приговор. Но получилось иначе.

Первому заключительное слово было предоставлено Д. как "руководителю" контрреволюционной группы. Все ждали, что он, как и прежде будет всячески отрицать свою вину и настаивать на своей полной невинности. Но он начал: - "Граждане, судьи! Я до сих пор запирался и не давал никаких показаний, ибо надеялся, что мне как либо удастся избежать ответственности. Но после речи прокурора я убедился, что пощады не будет, не зависимо от того, сознался я в своих преступлениях или нет. Я предвижу что приговор будет суровым. Однако, даже кровью я не смогу загладить своих преступлений перед партией и товарищем Сталиным, если я, будучи еще живым не разоблачусь до конца. Я целиком и полностью подтверждаю все предъявленные мне и руководимой мною контрреволюционной группе обвинений и подтверждаю правильность свидетельских показаний. Но это не все граждане судьи. Я решил, расставаясь с жизнью, т.е. неся заслуженную кару разоблачиться до конца и помочь выкорчевать все оставшиеся

на свободе корни моей контрреволюционной группы. Еще будучи на воле, я часто инструктировал своих соучастников, что если случится, что кто либо из нас провалится /т.е. попадетя/, остающиеся на свободе в целях самосохранения и для продолжения дальнейшей контрреволюционной деятельности должны первые ополчиться против попавшагося, проявляя сверхбдительность и создавая громоотвод, т.е. отводя от себя подозрение в соучастии. Интересы контрреволюционной организации для каждого как арестованного так и оставшагося на воле должны быть выше всего. И вот, когда попало нас девять человек, т.е. когда мы были разоблачены и арестованы, все мы свято соблюли этот железный закон подполья. Восемь моих соучастников не в силах были скрыть своей виновности и, поэтому сознались зная все равно безнадежность своего положения. Но вместе с тем, жертвуя собой, ни один не обмолвился о том, что наша девятка есть часть организации причем меньшая ее часть. Оставшиеся на воле наши соучастники также поступили, как и следовало в порядке нашей дисциплины, т.е. они со всей жестокостью ополчились против нас, спасая тем самым себя для дальнейшей контрреволюционной работы. Вот здесь, граждане судьи, перед вами как раз все оставшиеся на свободе корешки нашей организации. Их двенадцать человек: Г., Н.Н. и т.д."

Так, брат, как стояли или сидели мы свидетели рядышком, так нас Д. и забрил, начиная с меня.

"Я кончил, заключил Д. Теперь я со спокойной совестью безропотно приму заслуженную кару".

"Суд удаляется на совещание", объявил с сияющим лицом председательствующий суда Ломакин.

Пока суд находился на совещании прокурор, не могущий удержаться от восторга, энергично переговаривался с защитником. Прокурор, как видно считал, что дело приняло такой блестящий оборот исключительно благодаря его чрезвычайно мудрому построению обвинительной речи: шутка ли, сразу в один прием разоблачено 12 человек врагов народа. Вот энкаведисты то покусуют губы, очевидно думал прокурор. Правда, это первый случай в его практике такого счастливого оборота.

- Суд идет!!! -

Судья зачитал определение суда: делопроизводство отложить и передать органам НКВД для дополнительного следствия. Подвергнуть

немедленному аресту дополнительно разоблаченных участников контрреволюционной группы Д. таких то - следуют наши фамилии, имена и отчества. И оттуда то нас голубчиков увели прямо за решетку, предварительно надев нам на руки "рачки". Так я оказался здесь. Хоть бы в тюрьму уже скорее отправили да скорее следствие вели. Вот уж два месяца без бани, вши заедают - все тело ранами покрылось от проклятых насекомых. А бородачи какая отросла, смотри, - не бреют, не стригут".

- Ну, а как ты считаешь правильно ли тактически поступил Д., что вас молодцов посадил?

- О, еще бы, конечно правильно: и себе и всей девятке жизнь пока что спас. И может, если следствие затянется и останутся в живых. И нам за наше шкурничество, за нашу продажность отомстил. Видимо он разсудил, погибать, так уж вместе с предателями.

- Теперь уже меньше смертных приговоров выносят, - вмешался в разговор один из арестантов. Нынче мудро решено - вместо смерти поработай бесплатно на государство 25 годков или кто сколько выдержит и сам помрешь, не надо и пуль расходовать, тоже ведь стоит денег - 7 копеек, а ежели 10 миллионов расстрелять, а на иного надо и не одну расходовать вот тебе еще и расход многомиллионный совсем понапрасно. А так мудро решено, что не говорите.

- И между прочим интересное явление наблюдается. Всем, кто подал кассацию в Верховный суд после введения закона о 25-тилетнем заключении, сроки данные судами не уменьшили, а увеличили. Я знаю целый ряд людей, которые будучи осуждены на десять лет, в ответ на их обжалованье в Верховный суд, получили по 15 лет, - добавил другой.

Во время нашего разговора открылась дверь.

- Кто тут новый? –

- Я-х!

- Давай с вещами. -

Меня вывели на улицу и повели двое: энкаведист и тюремный-охранник, приказав мне держать руки назад и не смотреть по сторонам.

Привели в дежурку межрайонной тюрьмы. Там опять догола раздели, тщательно обыскали и отправили в камеру № 10. Это была крохотная низенькая коморка с небольшим окошком в толстущей стене, покрытой

огромным слоем инея. Раму прикрывала со стороны камеры толстая решетка и три ряда сетки, один другого гуще.

Через минуту коридорный надзиратель открыл дверь и дал ведро с водой и тряпку, сказав:

- Помоешь пол, видишь сколько тут крови натекло, как с борова. Это вчера, здесь один дурак перерезал себе горло, припрятав бритвенный ножик.

У меня по коже мороз прошел.

- А с неделю назад другой дурак повесился, зацепившись вот за эту дырку. - Надзиратель указал на дырку над дверью в перекладине, как бы намекая и мне.

А как фамилия повесившагося, спросил я.

- Трифонов, а еще учитель. -

Ужас охватил меня. Ведь Т. я хорошо знал. Однажды, когда его вели на допрос он сбежал. Прежде всего, он поспешил повидаться с семьей и направился прямо домой. А там его караулили энкаведисты с комсомольцами и коммунистами. Увидев засаду Т. бросился бежать. По нему стреляли, но он успел вскочить в кусты и скрылся бы, если бы не длинноногий секретарь партячейки К., который догнал его ослабевшего и измученного и оглушил палкой по голове. Т. вернули в тюрьму, предвзвительно избив его до полусмерти. Теперь он покончил с собой.

Чувство отчаяния охватило меня. Хоть бы один живой человек был бы тут со мной. Быть одному в этом гробу. Мне в жизни не приходилось испытывать такого страшного и странного чувства одиночества. А здесь оно было особенно невыносимым когда я знал, что два моих предшественника одиночника отправились на тот свет. И вот кровь одного из них еще совсем свежая. Ужасно.

Вымыв пол и посидев немного, я стал ходить по комнате. Я мог сделать всего два шага так крохотна была комната. Голова же не доставала до потолка всего на один вершок.

Я в полумраке, царившем в камере заметил на стене нарисованный вензель и в середине него инициалы. Я принялся разсматривать стены. Эге, да тут целая летопись!

Присмотревшись повнимательнее я увидел, что все стенки испещрены

надписями и разными знаками, причем, лишь изредка эти надписи и знаки были сделаны карандашом, а по большей частью выцарапаны в штукатурке и потому на первый взгляд незаметны, и поэтому в течение многих месяцев оставались незамеченными тюремщиками.

Я занялся чтением: "здесь сидел Г.В., из колхоза имени Ленина с 12/VI-37 года..." Сколько сидел неизвестно.

"И скучно и грустно, и некому руку пожать".

"Ничего нет хуже одиночества. Это страшная пытка. Уже второй месяц, кроме тюремщиков не видел человека. Не с кем слова выговорить. Даже не допрос не зовут. Заживо погребен". Были и разные вульгарные надписи. "П.В.С. присужден к расстрелу 3 августа. Жду восьмью сутками. Как ужасно ждать смерти каждую минуту в одиночестве". /имена и фамилии людей я умышленно ограничиваю инициалами/.

"Затем я увидел какие-то видимо зашифрованные надписи в роде: 24.13.11.33.34.13.15.21.41.22.24.42". Расшифровать их я конечно их не мог, как не гадал на все лады.

В самом углу было выцарапано большими буквами: В.С. из колхоза "Путь к социализму". Страдаю за коростового мерина "Сталина". Тут я вспомнил, что в колхозе "Путь к социализму" нашего района колхозники называли "Сталиным" самую отвратительную покрытую коростой лошадь. Понукая ее и ударяя кнутовищем кричали: "эй Сталин, чтобы ты сдох!" В результате было арестовано два человека, а через месяц были арестованы все мужчины колхоза, обвиняемые в принадлежности к контрреволюционной организации.

Разглядывая дальнейшие надписи я вдруг услышал тихий отрывистый стук в стенку, отделявшую одиночку от общей камеры.

Боже, ведь там люди! Они подают сигналы, нет, они что-то передают: стук-стук, стук-стук-стук. Я когда то читал о существовании азбуки, которой пользовались политические заключенные в изоляции, изобретенной Рылеевым, что-ли. Эта азбука состояла из вертикальных и горизонтальных рядов букв, но тогда не думалось, что она мне может когда либо понадобиться. А вот тут и есть эта азбука. Как узнать эту тюремную азбуку. Это было неразрешимой задачей. Отломав от сетки, закрывавшей окно кусочек проволоки я начал располагать на стене буквы алфавита по горизонтали и вертикали, пробовал стучать, но меня не понимали. Я был в

отчаянии, неужели придется провести здесь месяцы в одиночестве, изолированным от мира, и главное от семьи, о которой я ничего не буду знать. Несчастливая моя жена, что с нею? Ужас леденил сердце при мысли об ее судьбе.

Принесли мне тюремную баланду /суп/ но я не стал есть.

Вечером в коридоре послышался сильный свисток. Вслед за тем стали открываться двери камер. Открыли десятую камеру.

"Встать!", заорал коридорный надзиратель - "Что ты порядка не знаешь?! Мы тебя, так раз-так, туда пере-так, скоро образуем!"

"Товарищ начальник"... наугад обратился я к дежурному по тюрьме, производившему поверку.

"Какой я тебе товарищ?! Что я с тобой свиней пас?! Чемберлен тебе товарищ или Гитлер! Ну, чего ты хочешь?"

Я хотел спросить, когда же меня позовут на допрос, что-ли; а также я очень прошу вас вернуть мне фотокарточку жены, изъятую вместе с бумажником"

- А тебе очень хочется допроса? Не спеши, еще поплачешь от допроса, рад будешь этой камерке, мечтать о ней будешь. А на счет бабы, то скоро отвыкнешь, забудешь" и ушел.

Это предостережение каким то холодящим предчувствием пахнуло на душу. А что если это правда, если действительно допрос - это не просто вопросы и ответы. Я уже не раз слышал о пытках и насилиях, применяемых при допросах, но как-то мало этим рассказам доверял, уж больно склонны люди лгать, привирать действительность, делать из мухи слона. Тем более, что по советским законам строжайше карали за применение представителями власти рукоприкладства. Даже учителя, который ударит ученика за шалость и хулиганство, лишали права учительствовать и могли запереть за решетку. Пока нечего заранее себя разстраивать. Будь, что будет.

Открылась крышка "волчка" /или "глазка" дырочки, проделанной в двери для наблюдения за камерой/. Оттуда сквозь стеклышко заглянул надзиратель.

"Спать"! И вслед затем громко просвистел.

Я лег. Мысли одна страшнее другой лезли в голову. Несколько раз я

засыпал, но по-видимому на мгновение, и с великой тревогой пробуждался, с ужасом осознавая где я нахожусь. Сердце сильно колотилось в груди, на душе была невыносимая тяжесть. Такая борьба между смертельной усталостью и страшными душевными терзаниями длилась может быть пару часов. Потом сон оставил меня окончательно. Мысли одна страшнее мучительнее другой роились в голове. Невыразимая тоска глодала сердце. И все это не только из страха за свою судьбу. Я слишком смутно представлял что меня ждет, да и старался не думать о себе. Все мысли вертелись вокруг семьи.

Я никогда не плакал. Теперь же слезы текли произвольно. Хотя это не был плач. Плач облегчает страдания. У меня же слезы появились сами по себе от невыносимой горечи в сердце. Я даже не стал вытирать их, но постарался взять себя в руки и не позволять себе, чтобы эти слезы появлялись с наступлением утра.

Отчаяние забиралось в душу...

Проходили дни. Я внимательно считал их, и говорил себе - нужно набраться духу и терпеть. Нужно беречь себя для семьи. Что то будет например через месяц. Может быть что-нибудь принесут выборы в Верховный Совет С.С.С.Р.

Баланда из гнилой капусты и свеклы и тюремный хлеб - черный как земля, с песком, кислый и жидкий как тесто не лезли в горло. Пришлось силой заставлять себя съесть хоть что-нибудь, дабы чрезмерно не ослабеть физически.

На 8-й день меня вызвали из камеры. И тут и каждый раз потом, когда вызывали меня инстинктивно вспыхивала невольная надежда: "куда ведут? А вдруг свобода!"

Я упрекал себя за эту глупую размагничивающую мысль. Ибо не о свободе нужно мечтать, а приготовить себя в лучшем случае на десятилетие каторги. После разговора с Г. в КПЗ мне стало окончательно ясным, что не нужно иметь никакой, даже самой ничтожной вины, чтобы быть арестованным и разстреляным.

Меня привели в дежурку догола раздели, обыскали и даже не дав как следует одеться, повели в сопровождении конвоира с наганом в руке в НКВД, находившееся от тюрьмы в десяти минутах ходьбы.

Старший лейтенант УГБ /управление государственной безопасности/

НКВД Яковлев сидел за столом. Он достал папку и раскрыл ее. Я издали увидел нашу переписку с женой и фотокарточки.

Вошел лейтенант УГБ Сукин.

- Ты читал эту переписку? - спросил Яковлев.

- Да, ответил тот - сплошь фашизм. -

- Известно ли вам в чем вы обвиняетесь? - спросил Яковлев.

- Понятия не имею. -

- Так вот прочтите и распишитесь. - Он подал соответствующий документ, где на бланке заготовленном в типографии было написано на машинке, что свидетельскими показаниями, а также рядом материалов установлена принадлежность моя к подпольной антисоветской организации и активная деятельность в ней. На основании чего я обвиняюсь по ст. 58 Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. по п.п.: 6 - шпионаж, 7 - вредительство, 8 - террор против вождей партии и правительства, 10 - анти-советская агитация, 11 - принадлежность к контрреволюционной организации.

- Все это наглая ложь, заявил я, и расписываться я не стану. —

- Дело твое, можешь не расписываться. А на счет «наглой лжи» ты полегче. Мы хорошо уже изучили вас – контру. Ни одна собака не скажет, что виновен. Все, как один отвергают обвинение. Да еще «наглая ложь» говорит. погоди, будет тебе наглая ложь. Ты у нас запоешь не так...» закончил Я. Крепким матом.

Взяв пачку писем и потрясая ими в воздухе С. Закричал:

- А это что? Тоже «наглая ложь»?

- А что там интересно обнаружено? иронически спросил я, - шпионаж или террор? -

- Ты зубы не скаль. Тут, что не фраза, то фашистическая психология. -

- Да что вы на моих глазах измышляете. Это вам приснилось, прочтите ка повнимательнее! - выходя из себя почти закричал я.

- Ты еще смеешь оспаривать?! Вот слушай Я.: "Как мучительно скучно без тебя, моя радость. Жду не дождусь дня, когда полечу к тебе. Эти две недели проведенные тут на курсах кажутся годом, а еще долгих четыре недели. Страшно подумать... Без тебя у меня нет ничего дорогого и святого в мире..." - Разве это не фашистическая психология? Да что читать, каждая

фраза может служить обвинением."

Я начал писать протокол дознания. Он ставил общие вопросы вроде такого: "вы уличены в принадлежности к контр-революционной организации. Признаете ли себя виновным?"

На все подобные вопросы я давал отрицательные ответы. Наконец Я поставил такой вопрос: "признаете ли себя виновным в том, что в своих письмах к жене вы выражали явно фашистическую психологию, усматривая свое счастье не в строящемся социализме, а в своей проститутке?"

- Вы негодяй, какое вы имеет право оскорблять мою жену и влазить своими грязными сапогами в чужую душу! Больше ни одного слова вы не услышите от меня! - закричал я. Меня просто всего колотило. Я готов был броситься на этих извергов.

Оба энкаведиста засмеялись: - ишь рыцарь нашелся! Может быть на дуэль меня вызовешь? Ха-ха-ха! - Хохотал Я.

А С. добавил: "вот тебе явное доказательство фашизма. А если твоя жена еще не была проституткой, то теперь уж станет наверняка. -

Возмущенный и потрясенный до глубины души я больше не отвечал ни на какие вопросы и отвернулся в сторону, чтобы не смотреть на эти подлые и похабные физиономии.

Спустя несколько минут меня отвели в дежурку, а оттуда в тюрьму. Я долго не мог прийти в себя от пережитого. Будучи на свободе я все же никогда не слышал, чтобы официальные лица при исполнении служебных обязанностей, так грубо, безцеремонно поносили человеческую честь. Для меня становилось ясно, что для людей находящихся на воле существует одна терминология, а для обреченных другая, в отношении к ним все позволено. Но все же как далек я был еще от того, чтобы понять, что позволено относительно заключенных. Все это я понял лишь постепенно, не сразу, по мере наглядных уроков, преподносимых мне. Такой же путь, примерно, проходили все кто еще не сидел в НКВД твердо по настоящему.

Неотвязчивой мыслью в моей голове стояла проблема, как дать весть о себе моей жене и получить какое либо известие от нея. Если бы встретить ее когда меня будут вторично вести на допрос. Рискуя быть тут же пристреленным я бы крикнул ей все что нужно. Или хоть бы встретить кого либо из знакомых, может быть удалось бы узнать что-нибудь о ней и сказать

несколько слов для передачи ей. Все что я собирался сказать ей, я заранее тщательно обдумал и много раз передумывал. Тоже самое я думал сказать ей в случае если она принесет передачу. Ведь разрешат написать подтверждение в получении.

Но передачи все не было, и на допрос меня не вызывали. Страшное черное чувство отчаяния вспыхнуло с новой силой и начало все больше овладевать мною.

Как-то странно витал передо мною образ двух покончивших с собой людей в этой камере, которые видимо тоже также мучились и переживали, как и я и были не в силах дальше терпеть. Как будто ни вешаться, ни резаться я не собирался. Да резаться и нечем было. Однако... я смотрел на патрон электрического освещения. Стена мокрая, можно смочить слегка пол, и чтобы действовало быстрее разуться. Вольтаж 220, неужели недостаточно? Кроме того в кармане обнаружил незамеченную почему-то при обысках английскую булавку. Разогнул ее, выровнял. Прободевание стенки сердца можно сделать вполне... Нет, я никогда, никогда этого не сделаю, ибо это было бы преступлением перед семьей, а кроме того этим я засвидетельствовал бы свою ничтожность. Нет, этого никогда не будет! Но такие странные мысли, как назойливые мухи порою наседали на меня... А не попробовать ли бежать, когда будут вести на допрос или с допроса. Рассказать жене все пережитое и все что ждет меня, по-видимому. А потом скрыться вместе. Но это конечно также бессмыслица. Ибо во-первых при попытке к бегству наверняка убьют, а если и удастся сбежать, то арестуют ее и я сам тогда приду, да и она отсюда не уйдет. Нет! Прочь такие проекты! И все таки нет, нет, да и поверчу в руках булавку, или на патрон погляжу, иногда даже со странной улыбкой...

Однажды вечером послышался сильный крик в какой-то камере. Человек кричал, как будто его резали. Кричал без конца какими то дикими вспышками, порывами. Корридорный надзиратель несколько раз сильно орал на него. Загибая таким стоэтажным матом, что уши вянули просто. Он грозил карцером, если тот не уймется. Наконец из всех этих криков и ругани я понял суть дела. Кричавший был старик. Он только что вернулся из карцера. Он болел язвой желудка. Пока он сидел на карцерной диете /200 гр. хлеба и стакан воды в сутки/ язва его беспокоила не особенно сильно, теперь же вернувшись к ужину в камеру, он поел баланды, и язва разыгралась так, что несчастный терпеть был не в силах. После проверки и

отбоя /сигнал ко сну/ старик продолжал кричать, несмотря на ругань надзирателя и угрозы избить его и снова отправить "на лечение" в карцер. Но старик не унимался. Тогда надзиратель вызвал дежурного по тюрьме. Старика, избивая, выволокли из камеры и вопящего что есть силы от боли, поволокли в карцер. Дежурный по тюрьме кричал на весь корридор:

"Вот посидишь опять пятеро суток в карцере так не будешь кричать, и болезнь пройдет".

"Замечательное лечение", подумал я. "Как соответствует оно хваленой заботе о людях о живом человеке - самом ценном капитале, как говорит Сталин".

Когда меня водили в уборную /дважды в сутки/ все камеры были закрыты. Из других камер водили партиями так чтобы вся партия поместилась в уборной.

Однажды у моей двери расположилась женщина, которая идущим в уборную выдавала белье и носки, которые ей были сданы для починки. Прижавшись ухом, к волчку я слушал. Но вот почему то выпустили целую камеру, из которой половина пошла в уборную, а остальные толпились в углу корридора около женщины. Я услышал шопот в волчек: кто здесь, кто здесь? - Я назвал себя, Мне назвали ряд фамилий знакомых мне людей. На вопрос мой много ли народу сидит здесь, ответили, что тюрьма рассчитана на 130 человек, а сидит 1500, т.е. в двенадцать раз больше нормы. В небольшой камере сидит, вернее стоит, по 80-100 человек. В камере № 10, в которой я сидел, говорят, сидело по 15 человек, хотя размер ее всего два с половиной на полтора метра. Я просил объяснить мне азбуку для перестукивания, но появился корридорный надзиратель, (который в это время спускался в нижний этаж) и люди отскочили от моей двери.

Но разговор их в корридоре между собой и с женщиной продолжался и я почти все слышал, тщательно улавливая каждое слово. Арестанты спрашивали женщину давно ли она сидит и за что. Оказывается она сектантка евангелистка. Ей больше 60-ти лет от роду. Два года тому назад ее и еще нескольких мужчин и женщин осудили за контрреволюционную деятельность, заключающуюся в том, что они собирались своей группой для молитвы. Всем им дали большие сроки заключения. Она получила семь лет тюрьмы. Ввиду старости и слабости ее не отправили пока в дальние концлагери, а оставили временно при этой тюрьме для принудительных работ. Ей осталось отбывать еще пять лет с лишком.

- Вся моя вина, как и всех осужденных, говорила она, в том, что мы верили в Бога. -

Спустя несколько дней, меня повели в дежурку. После обычного обыска вывели на улицу, где у самых ворот стояла закрытая легковая машина. "Вот несчастье, куда то еще повезут?" думал я. Меня усадили в машину, где сидело два энкаведиста. Машина помчалась и остановилась около здания НКВД. Меня ввели к Я. Злорадно улыбаясь Я. спросил: - жену не видел? Она недавно только отсюда ушла. -

Вот оно что. Я понял тогда зачем машину за мной погнали. Очевидно боялись, чтобы мы не встретились.

После нескольких вопросов Я. и данных мною на них отрицательных ответов меня увели и снова усадив в машину отвезли в тюрьму. Мне было ясно, что машину гоняют не зря, что жена где то здесь близко. На душе посветлело. Слава Богу. Значит она на воле и здорова хотя бы настолько что может ходить. Так мечта моя о встрече с нею не сбылась.

Наступило 12-е декабря. - День выборов в Верховный Совет. С улицы доносились отдаленные звуки музыки. В моем воображении рисовались картины голосования людей. Я как будто видел, как люди свободно без конвоя идут улыбаясь разговаривая между собой. Опускают бюллетени и удаляются, чтобы весело провести время, ибо этот день объявлен большим праздником. Хотя я находился под арестом не долго, но мне уже трудно было вообразить себя свободно идущим по улице. Мне казалось, что я уже мертв, что выход когда либо на волю равносильен воскресению из мертвых. По новому понял я старую, давно известную истину, что нет ничего на свете дороже свободы, для каждого человека.

Что же принесет этот день стране? Что-то принесет он политическим узникам, которым к тому времени уже не было числа. На амнистию теперь, пожалуй, рассчитывать не приходится, даже если бы она была объявлена. Ведь по моему делу еще и следствие не начиналось. Хотя бы скорее вели это следствие, не мариновали бы...

Утром 14 декабря неожиданно открыли камеру и впустили человека. Узнав, что это свежее-арестованный я очень обрадовался, ибо во-первых он принес вести с воли, а во-вторых будет с кем слово промолвить.

Это был диакон одной из немногочисленных уцелевших в целом округе церковей Агафьев. Осуществляя Сталинскую конституцию ему и прочим

служителям церкви дали возможность наряду со всеми прочими гражданами, как равным с равными проголосовать чего не было со времени революции, ибо духовенство было лишено избирательных прав. Правда, это была лишь инсценировка, потому что на бюллетенях была отпечатана лишь фамилия одного человека, кандидатура которого была давно утверждена в Москве, обсуждена и проголосована открытым голосованием на собраниях партийных, профессиональных, колхозных и т.д. по всему данному избирательному округу, а теперь лишь соблюдая формальность каждый избиратель должен был опустить в урну полученный им бюллетень. "Но дело не в этом" говорил диакон А." - а в факте действительного уравнивания духовенства в правах со всеми гражданами. И я, и священник нашей церкви были в восторге. Вот это чудесный поворот в политике советского правительства. Теперь за него не грех будет и помолиться. Гляди за этим пойдут и другие свободы, открытие церквей и т.д. Но, к сожалению, наше торжество было напрасным и непродолжительным. Вчера вечером был арестован священник, а сегодня и я. Попользовался равноправием два дня и доволен. Как бы не зазнался. А ведь вы смотрите, продолжал А., как глуп, как доверчив человек. Ровно 20 лет душили церковь, разстреливали или ссылали десятки тысяч священнослужителей осталось каких-нибудь несколько процентов их в живых. И вот стоило издать закон, что оставшиеся, случайно конечно, уцелевшие получают избирательные права, как мы уже поверили, что это делается искренне всерьез и мы были в восторге, забыв об ужасающих кошунствах, делавшихся властью, о чудовищном гонении на церковь, о почти полном ее уничтожении."

Я осведомился о новых законах, о новых арестах, об отношении к семьям арестованных. В политике не произошло никаких изменений. На предвыборных митингах говорилось больше всего о беспощадном истреблении врагов народа, стремящихся лишить счастливых граждан страны социализма тех благ, которые дала им советская власть и которые закрепляются навеки конституцией данной народу мудрым Сталиным.

Очень много арестовано было накануне выборов. Несмотря на многочисленные аресты, производившиеся ежедневно до выборов, в ночь с 11 на 12 декабря в городе было арестовано человек 150. А всего-то в городе 15.000 населения.

Через два дня диакона вызвали на допрос, и предъявили ему обвинение в контр-революционной деятельности, главным образом в антисоветской

агитации. Кроме того, потребовали, чтобы он отрекся от сана. Если он чистосердечно признается какую он контрреволюционную работу вел и отречется от сана, то его обещают освободить из под ареста.

А. решил, что много не потеряет, если формально отречется от сана. - Главное выйти на волю, говорит, а там и сан можно восстановить уехав где либо подальше. - Он подписал отречение, причем ему даже не пришлось трудиться для составления своего заявления, потому что старший лейтенант Я. продиктовал ему его, начиная такими словами: "я на протяжении девяти лет обманывал народ, сеяв в его умах религиозный дурман, направленный на торможение и срыв социалистического строительства..." и т.д.

Контр-революционной агитации А. за собой не признал. На волю его не выпустили. Но он был уверен, что его освобождение дело лишь нескольких дней. Духом он совершенно не падал. Был весел, распевал разные песни и веселил меня. После мучительного одиночества такое сообщество для меня являлось большим счастьем. На душе у меня немного посветлело и я начал постепенно свыкаться с мыслью о своей участи.

Еще через два дня А. вызвали из камеры. Спустя пол часа надзиратель открыл камеру и взял оставшиеся вещи А. Я был уверен, что его действительно освободили.

Для меня опять потянулись мрачные дни одиночества. Вернулась прежняя тоска, душевный гнет, порою доходивший до отчаяния. Но все же луч надежды не покидал меня. Я успокаивал себя тем, что раз уж однажды посадили ко мне другого человека, то наверное посадят и еще кого-нибудь.

Как то продолжая изучать надписи на стенах я прочел: "берегись провокаторов!" Меня как огнем обдало. А вдруг этот диакон был провокатором нарочно ко мне посаженным. Я не мог из чего бы то ни было убедиться, что он был диакон. Ни длинных волос на голове, ни бороды у него не было, хотя многие священнослужители стриглись и брились, чтобы меньше обращать на себя внимание. Да и здесь же его могли остричь. Теперь я удивлялся до какой степени я был наивно доверчивым, и все больше убеждал себя, что мне пришлось иметь дело с провокатором. Вот несчастье. Язык мой, враг мой. - Пропал я теперь из-за глупой доверчивости - думал я, вспоминая как А. много спрашивал о моих взглядах на те или иные политические вопросы и интересовался даже такими вопросами, которые мне никогда и в голову не приходили. Я совсем упал духом. День

шел за днем. Но с течением времени я стал успокаиваться на счет опасности грозившей мне в случае, если А. провокатор. Я полагал, что если бы он был провокатор и сообщил Я. о наших разговорах, то тот наверное уж меня вызвал бы на допрос...

Забегая вперед сообщу, что несмотря на то, что А. отрекся от сана и в камере, куда его перевели, вел себя, как заправский безбожник-хулиган /надеясь тем самым умиловить НКВД/, его все таки присудили к 15-ти годам заключения концлагеря на севере СССР.

Прошла неделя. 25/12 утром после раздачи хлеба и кипятка, зазвенели ключи и звякнул отпираемый замок. Я думал пришли за мной и мысль о провокации молнией пронеслась в голове. Но оказывается нет. Привели новичка: 65-тилетняго старика, начальника железнодорожного узла, он состоял в большевицкой партии с 1905 года, участвовал в обоих революциях, был когда то 7 лет на каторге при Царе, т.е. он принадлежал к старой большевицкой гвардии подготовившей и совершившей революцию. Говорит, что никогда не был замечен ни в каких уклонах. Всегда шел в ногу с Лениным, а затем со Сталиным, и вот на тебе! В чем его обвиняли он еще не знал. Старик был совершенно убит горем. Дома осталась одна больная старуха. Квартира их была при вокзале. Значит старуху немедленно из квартиры выбросят. К тому же старик сильно страдал зубной болью. Такое сообщество не только не улучшило, а наоборот ухудшило мое душевное состояние. Хватало своего горя, а тут еще было на лицо горе и слезы другого человека, которые как бы дополняли мое собственное страдание. Мне было очень жаль старика и как мог его успокаивал.

На следующий день после подъема мне принесли передачу: валенки, две пары белья, туалетные принадлежности и с пол килограмма сахара. А самое главное - записку от жены.

Навернувшиеся слезы мешали читать, а тюремщик принесший передачу торопил: "скорей читай, да пиши ответ, пиши два слова всего: получил, жив, здоров и все. Если напишешь больше, записку не передадим!"

Жена писала: "любимый мой... молю тебя: береги себя для меня и для ребенка. Помни, что я никогда и ни за что не оставлю тебя. Твоя на веки..."

Ниже следовало "передаю тебе..." дальше все было оторвано, даты тоже не было.

У меня путались мысли, рука дрожала, но я написал хоть и прыгающими

буквами давно составленный и зазубренный ответ:

Спасибо дорогая моя...
Получил вещи, туалет
А также сахар.
Себя береги для ребенка
И для меня

Пламенно целую тебя. Твой...

Тюремщик ушел. Великая радость, неизмеримо великая, равной которой я не испытывал никогда в жизни смешалась с величайшим горем. Я продолжал стоять и без конца перечитывал записку заливая ее слезами. В таком виде с расплывшимися от слез буквами писанными химическим карандашом и сохранилась у меня эта записка.

Голова кружилась как от опьянения, так велико было потрясение. Подумать только человек, изъят из мира и брошен на погибель. Мир его отверженного проклинает. Ближайший друг встретившись с ним шарахнулся бы в сторону как от нечистаго, или вернее как от страшной смертельной заразы. Но вот есть на свете один человек, только один единственный, который с наслаждением готов принять муки за меня. Этот человек - любимая жена. Вот в руках у меня документ, эта маленькая измятая записка, в которую она только что державшая ее в своих руках, вложила всю свою душу. Нет, она не смогла вложить в нее всю душу, она не в силах излить на бумаге то, что она переживает. И я был не в силах постичь осмыслить того, что происходило в моей душе...

В девять часов утра того же дня меня вызвали с вещами. Распростившись со стариком я ушел в неизвестность.

Два конвоира-тюремщика с винтовками на перевес повели меня к станции. Я все время внимательно с волнением смотрел, не встретится ли жена. Всего три часа тому назад я получил передачу и теперь ясно, что меня увезут куда то далеко. Может быть уже никогда не увижу города и своей семьи. - Ах, думал я, хотя бы она догадалась прочесть сверху вниз начальные буквы строк моей записки, в которых я одним словом - "спаси" старался выразить свое положение. -

Меня сдали конвоем арестантского вагона и был помещен в одну из многих купэ-клеток. В купэ уже сидел один человек, изможденный, обросший седой бородой, в низко натянутой кепи, в измятом и чрезвычайно

грязном пальто. Я сел против него.

"Ты меня не узнаешь?" спросил сосед.

Удивленно посмотрев на совершенно незнакомого человека я ответил, что нет.

Он снял кепи. - "А теперь?"

"И теперь не узнаю"- ответил я. "Кого то как будто знал похожего"...

"Послушай, да неужели я так изменился, что не узнаешь?"

Говорить приходилось шопотом, иначе я, конечно, узнал бы своего спутника по голосу. Молодые энкаведисты-конвоиры из украинцев на цыпочках расхаживали по длинному корридору вагона, прислушиваясь не разговаривает ктонибудь из заключенных. От корридора купэ были отделены только решеткой, вроде той, за какой возят диких зверей. Поймав когонибудь на перешептывании конвоиры дико ругаясь в Бога и отчаянно коверкая русский язык с побоями тащили виновного в холодный карцер, устроенный тут же в вагоне. Привязались и к нам с соседом. Мы клялись, что не шептались. Однако, соседа загнали пока на третью полку, приказав даже голову спрятать. Но как только конвоиры удалились взаимное любопытство заставило нас возобновить разговор.

"Да я же сосед твой Д. Неужели ты не узнал?"

"Боже мой... Д. и это ты?! Невероятно!" Я был поражен. Ничего общего не было между красивым, круглолицым, всегда элегантно одетым Д. живущим годы в одном доме со мной и этим жалким, согбенным, как будто зачумленным истощенным человеком, с провалившимися и потухшими глазами, с заострившемся носом и полуоткрытым ртом.

- Вот что сделали со мной за четыре месяца! –

Помолчав немного он зашептал далее:

- Особенно мучают конвейерные допросы по сутки, по двое, по трое и более, когда следователи меняются через несколько часов а ты сиди, или стой. А покажется им, что дремлешь, могут и глаза выбить. Здорово бьют. Я терпел, а вот когда начали душить за горло, не выдержал и наговорил на себя, а затем отказался от добытых у меня таким образом показаний. Но отказа моего не признают и пуще прежнего бьют. Теперь вот везут в областную тюрьму. Там говорят похлеще. Уж никто не выдержит. -

Все это как громом поразило меня. Не даром на допросе у Я. последний пригрозил, что в случае заперательства, меня отправят в областную тюрьму, где я буду плакать по их тюрьме и своей одиночке. Так вот какая перспектива нас ждет в областной тюрьме, находящейся ближе к правительству.

Но вместе с тем и червь сомнения появлялся на лицо. Все же мне казалось, что Г. преувеличивает, что невероятно же чтобы так издевались над неповинным человеком. Что быть может действительно так мучают в том случае, если за человеком хоть какая либо вина имеется. У меня не вмещалось в голове представление о том, чтобы власть была заинтересована в мучениях и в уничтожении невинных людей. Если же где либо на местах это и делается, думал я, то в центре наверное об этом не знают...

- О род неверный! Мог я вскоре после того воскликнуть, обращаясь к себе и мне подобным. - Тебе все мало было доказательств, мало того, как чины НКВД вели себя вызывая тебя на допросы, мало того, что рассказывал тебе о показательном процессе Г., мало того, что рассказывал тебе твой сосед Д. все мало. Ты все сомневался, ты все не доверял, ты все, если не сознательно, то подсознательно старался свести к исключениям. В твоём мозгу не вмещались утверждения людей, что пытки и уничтожение неповинных являются не исключением, а правилом и не загибом местных органов, а законом исходящим из центра от отца народов и его помощников по заплечной части; что исключением является спасение от гибели невинного человека, попавшего в лапы чекистов. - Но для постижения этих элементарных истин понадобилось пройти муки ада. Лишь они просветили мой ум, как многих других.

Но вернусь к нашей беседе с Д.

Д. осведомился у меня о его жене и сыне. Я сообщил, что все у них в порядке. Дабы не волновать этого морально убитого и физически истерзанного человека я не сказал ему о том, что его жена, с которой они так хорошо жили и которая так убивалась после его ареста будучи готовая наложить на себя руки, познакомившись с соседским сыном молодым инженером, приехавшим в отпуск сразу преобразилась. Куда девалась тоска и страдания. Спустя несколько дней после знакомства они поженились и уехали в Вологду по месту его работы. Товарный поезд, к которому был прицеплен наш вагон, шел очень медленно, подолгу стоял на всех станциях

и в областной город Н. пришел лишь на вторую ночь. Арестованных из вагона выводили по одиночке. Наконец вывели и меня. Вагон стоял вдали от вокзала в тупике. Перелезли через глубокую канаву в сопровождении двух энкаведистов. Я вышел на глухую улочку, где стоял "черный ворон", темно-зеленая машина НКВД, на подобие тех, в которых развозят мясо и другие продукты. Она представляла собою домик на колесах без окон, с входной дверью в задней стенке, ведущий в узенький продольный коридорчик, по обе стороны которого было расположено по несколько кабинок, закрывающихся дверьми запираемыми на крепкие замки. В дверях были устроены глазки. Конструктор этого "черного ворона" некий инженер, которого за это дьявольское изобретение проклинали тысячи людей, впоследствии был арестован и его детище десятки, а то и сотни раз возило своего изобретателя из тюрьмы на допросы в НКВД, воздавая ему должное за свое рождение.

Меня поместили, вернее при помощи двери, с трудом втиснули в одну из кабинок машины. Мне было очень трудно поместиться в кабинке. Сесть на приделанную к стенке узенькую скамеечку не было возможности, так как некуда было девать колени, упирившиеся в противоположную стенку. Стать нельзя было, ибо мешал потолок. Плечи тоже не вмещались по ширине кабинки. Так в неопределенном, полусогнутом, полу-висячем положении, прижатым дверью увезла машина меня и других узников. Нас предупредили, что за переговоры между кабинами всех выдержат целый день на трескучем морозе, а сверх того посадят в карцер.

Минут десять машина прыгала по каким то ямам, нанося толчки и ушибы. Потом пошла плавно и легко, видно по хорошей дороге, часто заворачивая то в ту, то в другую сторону. Наконец остановилась. Раздались крики, переругивания, загремели затворы, с лязгом и визгом открылись ворота и закрылись вслед за машиной. Арестантов по одному начали выводить. Эта процедура тянулась очень долго. Я совершенно окоченел. В других кабинках сильно стучали ногами, пытаясь согреться и сыпали проклятиями. Густо матовый окрик то и дело предупреждал несчастных "врагов народа" о ждущих их карах за поднимаемый шум. Но жестокий мороз был нестерпим.

Меня вывели пятым. В дежурной комнате меня прежде всего обыскали раздев догола. Затем зарегистрировали и сделали оттиски всех пальцев обеих рук. Эта процедура по тюремному именуется "игрой на рояли". Затем

нас вместе с Д. повели в баню где прежде всего лишили всей растительности на теле, начиная с головы посредством стригущей машинки лишенной нескольких зубков, причиняя нестерпимую боль. Затем повели мыться, а вещи отправили в дезинфекцию. Пока мы с Д. окатившись водой намыливались, приведший нас тюремщик /как впоследствии оказалось, начальник особаго или спецкорпуса/, закурил папиросу и сидя на стуле заснул. Прошло не более десяти минут от начала мытья. Тюремщик проснулся и заорал - кончай мыться, пошли! - и сам направился к двери. Но видя, что мы только принялись смывать мыло он схватил метлу и бросился к нам. Пришлось с мылом на теле бежать в предбанник, в холодное с раскрытой прямо на улицу дверью помещение.

Одежда и чистое белье были брошены на мокрый и грязный пол. Спасаясь от холода мы одевались с предельной быстротой. Но тюремщик еще подгонял одеваться быстрее. Не успевших застегнуться он вывел нас из помещения и повел дальше вглубь двора. Тут мы увидели, что собственно тюремные корпуса были окружены забором вышиной метров в пять, затем колючей проволокой, затем опять забором и колючей проволокой. Это не считая заборов и колючей проволоки, которыми была обнесена вся огромная территория тюрьмы. Между заборами, вдоль их, бегали на цепях ворча и скуля от холода огромные псы. На вышках одетые в тулупы и валенки стояли часовые.

Нас привели в самый центр тюремной территории и повели к очень длинному низкому зданию. Под самой крышей были расположены близко друг к другу окошки закрытые спереди и с боков специальными щитами /"намордниками"/. Таких окошек вдоль передней стены было около 40-50.

Нас ввели в неширокий корридор невероятной длины. По обе стороны его виднелось бесконечное количество темно-зеленых дверей, окованных сплошь железом. На каждой двери висел огромный замок. Пол был застлан дорожкой, так что шаги "попок" /так именуют в тюрьме корридорных надзирателей/ были не слышны.

Надзиратель приказал опять раздеваться догола и сделал тщательный обыск. Затем повел нас вдоль корридора и остановил перед дверью, на которой большими белыми цифрами было написано: 109.

Ототкнув замок и отодвинув засов он открыл необыкновенно толстую и тяжелую дверь, мы вошли в камеру. Зрелище представившееся нашему взору поразило меня. Камера производила впечатление погреба пять метров

длины, полтора метра ширины и четыре метра высоты. Небольшое окно, расположенное вверху передней стенки было затянуто сеткой. Стены до половины выкрашены чем то вроде грязи. Передняя стена и боковые на ширине двух метров от нее, как равно и потолок были покрыты сплошь разноцветной плесенью, которая вытиралась лишь на такую высоту, на какую можно было достать рукой, но это не меняло вида стен, ибо плесень глубоко проникла в штукатурку. Углы образуемые стенами и потолком были покрыты плесенью во всю длину, тоже стены под кроватями. Пол состоял из утрамбованного шлака, покрытого сверху цементом, но цемента почти нигде не осталось и пол представлял из себя черную угольную грязь. Камера освещалась тускло мерцавшей лампочкой, укрепленной над дверью под самым потолком. К стенам были прикреплены железные кровати. Кроме того имелась тумбочка и больше ничего. Удручающее впечатление дополнялось ужасным видом троих заключенных помещавшихся здесь, которые при открытии двери приподняли головы и их широко открытые глаза особенно выделявшиеся на небритых и замученных лицах полные ужаса были устремлены на дверь. Увидевши, что к ним прибыло пополнение выражение ужаса на их лицах сменилось величайшим любопытством и как бы надеждой. Крайний у двери совершенно изможденный и грязный, кутавшийся в жалкие лохмотья и находившийся в постели с сапогами, в кепке натянутой на уши, лет 60-ти на вид обратился к нам шопотом с вопросом, не имеем ли мы закурить. Услышав в ответ, что не имеем, он безнадежно опустил голову в свои лохмотья. Остальные двое обратились к нам с вопросами, кто мы и откуда, в чем обвиняемся и когда арестованы. Мы ответили. В глазок заглянул попка и тупо бросил - Ложись - Эти двое потеснились уступив нам место около себя на кроватях. Вдвоем можно было лежать лишь на вытяжку. Кровать имела всего три поперечных перепонки и то расположенных на ребро. Матрацы же были наполнены щепками и проваливались между перепонок, вследствие чего приходилось лежать на трех острых перепонках врезающихся в тело. Я поражался как можно лежать на таких "постелях" но мой сосед оказавшийся профессором Андреем Михайловичем Михайловым, объяснил мне что все дело в привычке, что он, в свои пятьдесят лет и крайнее истощение чувствует себя совсем не плохо на такой постели. - Ровно 8 час. мы имеем право нежиться в постели, говорил М., ни минуты больше, а уменьшение этого времени весьма часто и обуславливается оно примерно раз в месяц обысками, а также ночными допросами, каковые бывают иногда довольно часто.

Остальными обладателями камеры были: инженер химик Максим Григорьевич Иванов и экономист Рыбкин Павел Михайлович, бывший офицер царской армии, затем в годы гражданской войны командовавший полком красной армии и состоявший сначала в партии левых эс-эров, а затем перешедший в коммунистическую партию. После демобилизации из красной армии он работал в разнообразных отраслях, но преимущественно в органах народного образования. Со времени вступления в компартию его раз семь исключали из нее, как бывшего офицера и левого эс-эра, это несмотря на то, что всю гражданскую войну он провоевал на стороне большевиков и его грудь украшали боевые ордена красной армии. В зависимости от исключений из партии менялось его положение. Как очень способному и талантливому организатору и довольно образованному человеку ему поручались весьма ответственные посты вплоть до республиканских масштабов. После же исключения он летел со своих постов и катился вплоть до положения канавокопателя и пильщика дров, после же восстановления в партии, чего он с большой энергией и решительностью добивался, он направлялся снова на какую-либо ответственную работу и постепенно подвигался вверх, но каждый последующий раз, будучи исключен, не достигнув своего предыдущего положения, опять летел. Перед арестом он занимал скромное положение плановика-экономиста при райисполкоме. Видно, что это исключение его из партии и арест повлекший за собой изгнание детей из учебных заведений и комсомола сильно потрясло его и он порою заговаривался и вообще весьма странно себя вел. Однако он создавал впечатление фанатика-коммуниста, считающего что он является жертвой разного рода козней.

Профессор М. находился под арестом уже год. Р. - шесть месяцев, И. - три месяца. Всех их на допросы пока вызывали немного. А М. уже шесть месяцев вовсе не вызывают. Он дважды писал заявления с просьбой ускорить следствие. Ему предъявлено обвинение в принадлежности к подпольной меньшевицкой организации. Зацепкой для такого обвинения служит то, что он в 1917 году ровно за три дня до октябрьской революции вступил в партию меньшевиков, с каковой сразу же и порвал, отойдя от политики не успев к ней как следует приблизиться, как только большевики захватили власть. И. обвинялся в принадлежности к террористическим организациям. Причиной ареста явилось то, что он когда-то служил около месяца в армии адмирала Колчака, будучи в нее призван по мобилизации, откуда он бежал на сторону красной армии и сражался в ее рядах два года, и имел серьезные

ранения. Но это теперь не в счет, ему говорят, точно, как Р., что он перешел в красную армию и сражался против белых в целях маскировки своей контр-революционности как в те, так и в последующие годы, хотя ни одного факта доказывающего такие обвинения привести не могут, а требуют, чтобы "сам рассказал".

Р. предъявлено обвинение в принадлежности к право-троцкистской подпольной организации, как равно то, что он бывший офицер и бывший эс-эр. Одним из главных обвинений предъявленных ему является "анти-советская агитация", выражавшаяся в том, что он в кругу своих сослуживцев однажды критически отозвался о статье помещенной в областной газете, где секретарь Обкома П. изображался как человек безпримерных качеств, кристальной чистоты, что он являет собой идеальный образец большевика и т.д. Он был земляком П. и очень хорошо знал его и его родителей. Секретарь Обкома П. был избран в Верховный Совет С.С.С.Р., а через неделю арестован как враг народа, а одновременно с ним и целая группа лиц, обвиняемых как его соучастники в контрреволюционной организации, которую он, якобы, возглавлял. Рядом в 107 камере сидит один из этой "группы", которому в частности предъявляется обвинение в том, что он яро выступал в качестве агитатора за избрание врага народа П. в Верховный Совет. Когда же Р. на допросе заявил, что ему стало известно что секретарь Обкома П. арестован, как враг народа и что, следовательно, обвинение выдвинутое против него /Р./ за критические замечания по поводу восхваления П. в газете должны, теперь отпасть, на это следователь ответил, что не имеет значения кто как выступал, - все вы одна фашистическая шайка и между вами были распределены роли, кому как говорить о своем вожаке. Поэтому одни говорили за него, а другие против.

Пока мы шепотом переговаривались, корридорный попка несколько раз заглянул в глазок.

Время приближалось к утру. Все чаще и чаще раздавался стук в двери разных камер. Попка то и дело спрашивал: "кака-а-а-я?" затем подходил к разным камерам и, выслушав что нужно ругался отборнейшим матом. М. объяснил, что это люди просят в уборную. На протяжении суток в уборную водят лишь дважды, в камерах же параш нет, так что и по малой нужде можно сходить лишь два раза. Мы, объяснил М., облегчаемся тем что мочимся в свои кружки. -

Стук в двери превращался постепенно в грохот. Слышен был крик из

отдельных камер, сопровождаемый настойчивыми требованиями. Из других же доносился плач и подлинный вопль. - Это несчастные старики, говорил М. За время нахождения под арестом в условиях постоянного передерживания мочи, а также "физических методов воздействия" происходит расслабление мочевого пузыря, особенно же у стариков, кроме того, постоянные запоры из-за недоедания, отсюда ужасные мучения. Такой вопль вы услышите каждую ночь. -

Попка в бешенстве метался по корридору. Временами он открывал какую-нибудь камеру и слышен был окрик "стать к стенке на сутки". Или: "вся комната лишается на два дня прогулки". Из одной открывшейся камеры была слышна мольба: "начальничек, отец родной, поставьте меня к стенке или лишите хлеба, но умоляю вас пустите сперва в уборную, ведь кишки разрывает, имейте же человеческое сострадание. Иначе я вынужден буду на пол сделать" - "а ты только сделай, кричал попка, подлец буду, заставлю съесть да еще и пол вылизать." Я был поражен этим чудовищным издевательством над людьми. Оказывается, как сказал мне М., что попка не пугает, грозя заставить есть, если кто наделает на пол. Это уже делалось неоднократно и были такие, что съели, других же которые несмотря на избиение отказывались есть сажали на десять суток в "красный карцер". На вопрос, что это за "красный карцер" М. объяснил, что это маленькие комнатки без окон и с такими же кроватями как здесь, но без всяких матрацев. Стенки выкрашены в ярко красный цвет. В карцер не разрешают брать пальто. Дают двести грамм хлеба и стакан воды в сутки. Человек не может в этом карцере ни сесть, ни лечь, а кроме того сильно перемерзает ибо карцера, как и камеры, не отапливаются несмотря на большие морозы.

Перемерзшие в "черном вороне", а также увлекшись разговором я и не замечал, что камера обогревалась лишь человеческим теплом. Я также не заметил, что наружная стенка не только мокрая и плесневелая но и покрыта льдом, а на полу около нее замерзшие лужи воды, стекающей сюда днем когда лед на стене немного оттаивает.

В камерах есть батареи парового отопления, но пар по ним пускают лишь на пол часа в сутки и то изредка и так, что они бывают еле-еле теплые, но не горячие.

Было часа четыре утра. На дворе слышался шум и фыркание мотора. Загремела наружная дверь: Это привезли людей с допроса. - Сейчас посчитаем сколько шептал М. Людей водили по одному. Когда открылась

дверь в третий раз, мы услышали сильный истерический крик: "Ой, ой, ой, ой-йой-йой-йой, ой, ой, ой, ой." Кричавшего впустили в камеру и он продолжал так кричать до утра. Всего привезли с допроса пять человек.

С пяти часов утра стали водить камеру за камерой в уборную.

В шесть часов попка прокричал: "подымайсь!" и все схватились, как ошпаренные и не напрасно, ибо через минуту он уже проверял через волчки все ли поднялись. Здесь и ложиться и вставать нужно мгновенно после крика попки, иначе следуют разные наказания.

Подходила очередь идти в уборную. Наши трое старожилы достали из под кроватей свои кружки, наполненные мочей и осторожно сунули их в карманы.

Открылась дверь. - Выходи в уборную! И мы один за другим гуськом пошли вдоль корридора. - Руки назад, нагнуть головы! Прокричал попка заметив, что я гляжу по сторонам и руки держу свободно. В уборной нас продержал не больше пяти минут, в которые нужно успеть совершить весь туалет включая мытье. После возвращения из уборной мы сразу же услышали стук из 107 камеры. Это было наиболее подходящее время для перестукивания как и во время обеда. Расположившись так, чтобы в глазок нельзя было подсмотреть, И. стал отвечать выбивая мелкую дробь пальцами. Соседи сообщили, что истерический крик издавал бывший директор совхоза из Б. и что сейчас он, как передают из его камеры ведет себя как помешанный. Затем соседи осведомились кто прибывшие новички и что нового мы сообщили. И. простучал им. Я был приятно удивлен, узнав, что за стенкой находится мой приятель Пастухов. Всего в этой камере находилось 7 человек, среди них немой "агитатор", это некий рабочий, обвиняемый по ст. 58 пункт 10, т.е. в контрреволюционной агитации, выразившейся в том, что он якобы плюнул на изображение серпа и молота.

По окончании перестукивания я попросил обучить меня этому прекрасному искусству, являющемуся почти единственным средством связи между камерами.

Азбуку я записал щепкой на мыле и в течении получаса зубрил.

Вот эта азбука.

	1	2	3	4	5
1	А	Б	В	Г	Д
2	Еэ	Ж	З	Ий	К
3	Л	М	Н	О	П
4	Р	С	Т	У	Ф
5	Х	Ц	Ч	Шщ	Я

Сначала делается столько ударов сколько показывает цифра стоящая в вертикальном ряду, а потом после коротенькой паузы цифра стоящая в горизонтальном ряду. Например: слово "Петр" выстукивается таким образом:

3-5--2-1--4-3--4-1, чтобы отделять букву от буквы интервалы между буквами делаются подлиннее.

Затем инженер И. достал из шубы связанный пучек соломинок, спрятанный между мехом и покрывающим его сукном и начал гадать вызовут ли его на допрос, а также о дальнейшей судьбе его. Все получилось хорошо. Вслед за ним гадал и И. и у него выходило не плохо. Здесь люди делаются суеверными и всеми силами стараются верить в предсказания своей судьбы соломинками, снами и всякими приметами.

Около 8 часов утра выдали хлеб и по кружке кипятку. Хлеб был точно такой же как и межрайонной тюрьме. Отвернувшись один из арестантов назвал кому какая пайка. М. и И. разрезали посредством ниток свои куски на три части, после чего принялись завтракать одним таким ломтиком, а П. сразу съел всю пайку, посыпая ее невероятным количеством соли. Я удивлялся как можно съесть столько соли, однако со временем я съедал ее почти столько же - это как будто утоляло немного голод. Кипяток никто не пил, дабы было поменьше жидкости в организме. На дворе по-видимому уже давно был день, но в камере по-прежнему была ночь, ибо стекла окна были замазаны белой краской, затем изнутри они были закрыты необычайно густой решеткой, прутья которой были вставлены один от другого на расстоянии не более полутора сантиметров, а затем окно прикрывала густая как сито сетка. Снаружи окно было закрыто щитом, так

что свет мог скупо проникать лишь сверху, но в камеру он вовсе не попадал. Стекла лишь белели но не просвечивали. И так целый день изо дня в день из месяца в месяц. Мне было суждено провести в этой камере 23 месяца!

Около половины девятого слышно было как закружились и зафыркали "черные вороны". Наружная дверь и решетка прикрывающая внутри, то и дело с лязгом открывались и закрывались пропуская новых и новых узников, увозимых на допрос. Вот проковылял человек на деревянной ноге, вот прошел кто-то мучимый сильным кашлем, что раздражает конвоира и он ругает его и грозит наказанием. Вот покашливание женщины, которую конвоир торопит идти быстрее. С затаенным дыханием и видно с замирающими сердцами, напряженно слушая не замедляет ли своих шагов у двери нашей камеры вошедший снаружи конвоир наши старожилы следили за всем происходящем в коридоре. Головы у всех неизменно были повернуты в сторону двери. Многих прошедших по коридору они узнают по кашлю, по скрипу обуви и т.д., а также почти безошибочно узнают какая камера открывается по лязгу запоров и скрипу дверей. Такое напряженное состояние длилось около полутора часов пока десятка полтора "черных воронов" сновали взад и вперед, отправляя в НКВД, расположенное в 3-х километрах арестованных и возвращаясь за новой партией. Как ни жаждали все ускорения ведения следствия, но все облегченно вздохнули когда закончилась отправка на следствие, после чего почти спокойно можно было провести день часов до 7-8 вечера, так как среди дня брали на допросы сравнительно мало. Взятые же с утра будут находиться на допросе до 5 час. вечера. - 8 часов непрерывного допроса - это минимальное время установленное для него НКВД.

Обращаясь к моим новым друзьям, я спросил как много среди заключенных людей действительно боровшихся так или иначе против советской власти, или хотя бы действительно выразивших свое враждебное отношение к ней на словах. М. ответил, что таких людей он почти не встречал и что они безусловно являются редкостью. Затем я рассказал о показательном процессе как это мне передал Г., на что М. заметил что такие обвинения и такие процессы являются типичными и что за ними полная невинность людей. "Это не случай", говорил М., "но как эпидемия, охватившая теперь всю страну - система". "Но какие же это политические преступники, если многие понятия не имеют о политике вообще и ни в чем неповинны, за что же они отвечают?" "Вы конечно читали басню Крылова "Волк и ягненок". Помните как волк объяснил ягненку его вину; вот

примерно можно то же самое сказать о нашей виновности. Миллионы людей арестовываются и буду арестовываться вовсе не потому что они виноваты, а потому что.... а впрочем мы об этом поговорим какнибудь в другой раз!" сказал М.; затем улучив момент он мне сказал потихонько "вы избегайте ставить такие вопросы перед всей камерой - это небезопасно, помните золотое правило "ешь пирог с грибами - держи язык за зубами", а также о том, что "молчание золото". Тоже на следствии и суде - "Нет" это самый благоразумный исчерпывающий ответ, ибо при всей вашей невиновности, если вы начнете доказывать свою правоту вас будут путать и спутают, ибо единственная цель следователя - это отнюдь не выяснения виновности или невиновности человека, а исключительно доказательство его виновности. Такую установку имеют и прокуратура и суд, ибо раз вы арестованы значит предрешено, что вы должны быть осуждены как виновный, хотя бы вы были не только неповинны, но имели бы любые заслуги перед властью. Вам нужно также знать, что длительность следственного периода может тянуться годы, следовательно нужно взять себя в руки и крепиться духом, не теряя надежды на спасение. Помните время работает на нас. Вы очевидно знаете, что все политические мероприятия в стране в том числе и террор, производятся в строгом раз навсегда установившемся циклическом и волнообразном порядке. Дается приказ и начинается так сказать "закручиванье" как например в данном случае начинается все нарастающая волна террора, уносящая многомиллионные жертвы. В эту стадию закручивания все идет под единым лозунгом - искоренить "врагов", вырвать с корнем и т.д. и нечего думать в этот период все нарастающего шквала доказательством своей невиновности спастись. В этот период нужно все делать от вас зависящее, чтобы продлить следствие. Даже если бы понадобилось, то как крайнее средство для спасения, нужно использовать замечательный прямо таки блестящий образец Д. во время показательного процесса. Но конечно на такой путь нужно становиться лишь в том случае, когда приговор о смертной казни является делом нескольких минут. Но вот в самый разгар "закручивания", когда кажется не будет этому конца, волна достигает кульминационного пункта, цель достигнута и появляется новый приказ, бьющий отбой. Начинается стадия "раскручивания" - волна идет на убыль. Здесь другие лозунги, ставятся другие цели - это спустить на тормозах то бешеное напряжение, которое возникло в стране, отвести глаза народа от действительных организаторов террора, обелить себя наказав некоторую

долю исполнителей приказа под видом "перегибщиков" и врагов народа, которые якобы злонамеренно пытались уничтожить честных и верных власти людей в целях истребления кадров и возбуждения недоверия к власти. На этой стадии лозунг будет примерно такой: "искореня врагов народа, вместе с тем выявить и освободить неповинных людей, ставших жертвой вражеской провокации, клеветы, строго карая виновников их ареста". Так вот голубчик, если мы с вами благополучно доберемся до второй стадии, т.е. до стадии "раскручивания" мы приобретаем значительные шансы на спасение - поэтому, повторяю главное в нашем поведении это отрицание какой бы то ни было вины; но вместе с тем имеется такое противоречие: с одной стороны нужно сохранить себя и физически до прихода этой второй стадии, с другой же стороны методы следствия, которые начинаясь обычно дьявольской психической атакой, затем переходят к атаке физической, так называемым "физическим методом воздействия" таковы, что очень трудно сохранить свое здоровье. Поэтому, кроме тех заключенных, которые становятся на путь самоклеветания, будучи попросту не в силах перенести "физические методы", а таких абсолютно большинство, есть не мало и таких, которые сознательно в целях спасения своего здоровья оговаривают себя и других избегая тем самым "физических методов", но зато обрекают себя на расстрел или вечную каторгу, увлекая одновременно и оклеветанных ими друзей и родственников. Попытка отказаться от своих показаний, как вынужденных на суде кажется ни у кого еще не увенчалась успехом. Поэтому единственное средство для сохранения своего здоровья - это укреплять себя ежедневно физически посредством гимнастики, а также строгое соблюдение во время "физических методов" необходимо правило предосторожности, а именно: чтобы спасти зубы - нужно крепко сжимать челюсти; при ударах в грудь обязательно наполнять легкие воздухом; при ударах в живот, дабы избежать повреждения внутренностей нужно напрягать мышцы живота; при ударах по другим частям тела - стараться напрягать мышцы. В том, что это не пустая наука вы безусловно рано ли, поздно ли убедитесь сами. А пока закончим наш разговор, сейчас поведут на прогулку. Помните, что наш разговор совершенная тайна. Мне жаль вас вы так еще молоды и так наивно доверчивы. Ваша доверчивость может погубить вас. Помните, что здесь и стены имеют уши. В камере сплошь и рядом сажают провокаторов, и кроме того среди заключенных очень и очень многие довольно быстро, и легко превращаются в камерных сыщиков

в надежде на обещанное им облегчение, или же просто продаваясь за кусок хлеба и в особенности за папиросу".

Таким образом этот, как оказалось добрейший, благороднейший человек, открыл мне некоторые тайны, о которых я не имел ни малейшего представления. Ужасом веяло на меня то, что мне предстояло впереди, но вместе с тем я получил некоторое оружие для отвращения неизбежной гибели. Нас повели на прогулку. Порядок тот же - руки назад, голову вниз. Привели в маленький дворик шагов в 20 длины, шагов 5 ширины, обнесенный со всех сторон плотным без единой щелочки забором в 6 метров высоты, откуда вид на небо был как из колодца. Не останавливаясь ни на минуту и все время держа руки назад мы должны были двигаться по кругу также гуськом. С одной и другой стороны были такие же дворики, где "гуляли" заключенные из других камер, каждый дворик, именуемый заключенными "собачник" был обнесен самостоятельным забором, так что между двориками было пустое пространство в метр шириной. Над всеми двориками возвышался мостик, по которому расхаживал тюремщик, наблюдая за всеми двориками одновременно. Для этой службы подбирались особенно зоркие и жестокие тюремщики, долженствующие следить, чтобы из дворика в дворик не перебрасывались какие либо предметы папиросы, спички, записки и т.д. Хотя за кусочек графита из карандаша нещадно карали, но все же люди прятали их и некоторые умудрялись вести переписку. А стенки в уборной очень часто были покрыты условными надписями и цифрами так что попки не успевали стирать и соскабливать написанное. Гуляли мы пять минут; после отвратительной удушливой атмосферы царившей в насквозь гнилой и непроветриваемой камере заключенные с наслаждением вдыхали свежий живительный воздух, как быть может никогда никто не вдыхает с таким упоением лучший аромат цветов. Вернувшись в камеру мы как слепые пробирались в потемках вытянув вперед руки, хотя лампочка все также неизменно мерцала под потолком. Таков был непроницаемый мрак в нашем обиталище в сравнении с улицей.

Вскоре принесли обед. В коридор приносился обед заключенными уголовниками или бытовиками. Раздавался обед самим коридорным надзирателем - попкой. Строжайше было запрещено даже издали показать нам кого бы то ни было кроме тюремщиков и энкаведистов. Обитатели каждой камеры жили абсолютно изолированными не только от внешнего мира, но и от других заключенных. С этой же целью в "черном вороне" были

устроены отдельные кабинки, ибо люди брались на допрос с разных камер. Пользуясь занятостью попки, в это время велось энергичное перестукивание с обеими соседними камерами. Обед состоял из жидкой похлебки, в которой плавало несколько гнилых зерен чечевицы, а также изредка попадались кости, правда очищенные от мяса до последней степени. Говорят, что с костями варят суп уже целую неделю и якобы это будет тянуться еще неделю. Так оно в сущности и оказалось. На второе было дано по полторы /именно/ ложки жидкой каши, которая скорее была не кашей, а густым супом. Приказано было все кости возвращать; твердые кости были возвращены, а мягкие после их обсасывания все собрал к себе инженер И., который в 43 года имел довольно крепкие зубы и все их съедал, забыв давно что такое брезгливость. В свою очередь Рыбкин после всех нас вылизал тарелки, что впоследствии по мере истощения практиковалось почти всеми заключенными, с которыми мне приходилось сидеть.

В пять часов вечера начали возвращаться с допроса. Пока попка обыскивал арестованного из 110 камеры, расположенной напротив, тот спросил "гражданин начальник может быть обед остался?" "Я очень есть хочу, ведь три дня был на допросе без пищи". В голосе была слышна подлинная мольба слабого еле шевелящего языком человека. Попка серьезно и даже деловитым тоном отвечал: "А вот я н...у и ты поешь". Глубокое отвращение и тяжкую обиду за попираемое человеческое достоинство вызвал столь омерзительный разговор вполне нормального, как казалось, человека, которому внушили, что здесь не люди, а чудовища которых он, попка, может лишать прогулки, обеда, ставить на сутки к стенке, избивать, заставляя поедать из под себя и т.д. Он мог услаждать сколько ему было угодно свою садистическую натуру, главное же это то, что ему за это платили. Чем он безчелочевнее вел себя с арестованными, чем он больше издевался над ними, терроризировал их, тем он был больше в почете у начальства, тем он был в большей доверии у него, тем скорее мог рассчитывать на то, что ему нашьют на петлицу лишний угольничек и увеличат жалованье. Его начальство точно также поступало перед более высоким начальством и т.д. Рассказывают, что в этом же корпусе сидит бывший начальник тюрьмы за проявленную мягкость и человечность к арестованным, за что его обвинили в покровительстве и сочувствии врагам народа. Время от времени открывались наружные двери, пуская привезенных с допроса. После этого раздавали ужин. Это была какая то неопределенная и необыкновенно вонючая, изготовленная из гнили и из

отбросов похлебка. Можно было только удивляться откуда такое невероятное количество порченных продуктов, которых хватало для того, чтобы только ими кормить арестантов.

Часов с семи вечера снова начали брать на допрос. Опять те же тревожные ожидания с замирающим сердцем, что длилось часов до 9 вечера. Увезенных будут допрашивать всю ночь до 4-5 часов утра, после чего привезут в тюрьму кроме оставляемых на "конвейерном" допросе. Следующая ночь ничем не отличалась от предыдущей. Уснув ненадолго с вечера потом я уже не мог заснуть - слишком глубоки впечатления были от столь многочисленных и необычных явлений прошедших за сутки во взаимоотношениях людей являющимися братьями по крови и по социальному происхождению, сделавшихся убийцами друг друга. Убийцами мало, мучителями, дикими, жестокими, безсердечными, садистами, наслаждающимися невообразимыми страданиями своих братьев. Затем как и в прошедшую ночь начался стук, вопли, мольбы об уборной. Дальше повторялась та же известная нам история. Утром придя в уборную я прежде всего стал мыться, но мои коллеги, крикнули мне, чтобы я немедленно вытер глаза не открывая их. Пока я разобрался в чем дело мне стало нестерпимо больно глазам. Оказывается, что весь пол уборной был основательно посыпан хлорной известью, едкие пары которой забирались в глаза и глотку сильно раздражали их, особенно если смочить глаза водой. Я надеялся, что как и вчера через пять минут нас выведут из уборной, но не тут то было. Хлорная известь предназначалась очевидно не столько для дезинфекции, как для мучения людей. Все ждали с закрытыми глазами и закрыв рты и носы полотенцами. У меня была столь невыносимая резь в глазах как будто мне туда сунули по куску луковицы, я не мог удержать их закрытыми и они то судорожно сжимались, то произвольно раскрывались изливая потоки слез, которые поглощая известковые пары совершенно выедали глаза. Не было сил терпеть. И вот в то время как обычно попка не дает больше пяти минут и часто, если случится что кроме него появится кто-то из тюремщиков, и он может ворваться в уборную стаскивает людей с сидений или сажает их в кал и сразу же выгоняет всех из уборной, - теперь же он продержал нас не менее двадцати минут....

Утром 2 января 1938 года когда людей выводили в машины для отправки на допрос, открылась наша камера и на пороге стал конвоир, "Кто на букву Ж?" спросил он. "Нет у нас такого" ответили мы. "Как нет, а Пожаров куда девался?" Такого у нас не было" ответили мы. Ему что-то шепнул попка,

очевидно сообщая в какой камере Пожаров. "Ну хорошо, сказал конвоир. Кто у вас на букву "Р". "Я" ответил Р. "Пошли на допрос." И бедный Р. надев свой рваный бушлак и натянув поглубже кепку, служившую ему также для чистки сапог и, силясь сжать непослушные стучавшие зубами челюсти, поплелся согнутый маленький несчастный. Мне трудно передать ту глубину сострадания, которую я испытывал к этому несчастному, замученному, запуганному старику. Это сочувствие усугублялось еще жалостью к нему из за его ослепленности коммунистическими идеалами, которым он верой и правдой служил так много лет и когда его гнали из партии он опять рвался к ней как к родной матери, думая, что его гонят несознательные и неразумные дети ея. Теперь он также ни за что не согласен с теми, кто говорит, что бушующий в стране террористический ураган - дело организованное центром. Он же сводит все к перегибам и к перестраховкам местных работников, которым, мол, когда дело дойдет до центра, накладывают как следует по шеям. Спорить с ним бесполезно. Он фанатически верит в чистоту и непогрешимость партии и ея руководителей и смертельно ненавидит всех "белых", усматривая в них все несчастья и причины его личного ареста. По его классификации на белых и красных он также подходит к категории "белых", однако считает, что он давным давно перекрашен в "красного" посредством крови, пролитой им на полях сражения за дело коммунизма. Конечно в душу к нему никто не проникал, но все вышеизложенное следовало из его разговоров и необыкновенной враждебности к белым и даже беловатым, рисуящимся таковыми в его воображении...

Часов в 6 вечера Р. привезли с допроса, на нем не было лица. Широко открытые и ненормально мигающие глаза, землистость и как бы какая то зеленость в лице, трясущиеся руки - все это выдавало, что ему бедняге попало во время допроса. В сапогах у него чвякало. Говорит, что его сильно били, и он обмочился так как несмотря на просьбы повести в уборную его не повели, он пустил в штаны и все потекло в сапоги, тогда ему еще подбавили и отправили в "черный ворон", где он просидел часа полтора на лютом холоде, пока его отвезли в тюрьму. 4.1 вечером взяли на допрос Д. Вернулся он под утро никому ничего не говоря, показал мне знаками, что его били в грудь, живот и по лицу. Вечером 5.1 во время ужина позвали на допрос меня. Сердце необыкновенно тревожно билось. От волнения спирало дыхание и пересыхало в горле. Если я раньше все же имел какую-то надежду на оправдание, то за эти дни особенно после разъяснения М.

всякая надежда исчезла. Я не в силах был подавлять волнения, обусловленного ждущими меня пытками и гарантированной на 99% смерти. О как тяжело было, как мучительно было мое переживание. А ведь я тогда еще не мог себе представить, что такое пытка даже в том ее как бы "игрушечном" виде, в каком переносили ее например Р. или Д. Выдержав меня порядком в машине во дворе НКВД, меня наконец повели по глухой лестнице наверх. Пахло железом, хорошей пищей и хорошими папиросами. Этот запах каждый раз предшествовавший допросам, и затем в периоды перерыва между допросами во время нахождения в камере вдруг ощущавшийся мною, повергал меня в трепет и такая комбинация запахов и по сей день заставляет меня содрогаться.

Когда меня подняли на предпоследний и затем на последний этаж, до моего слуха донеслись со всех сторон грозные крики следователей НКВД, требующих показаний. Крики эти состояли по крайней мере на половину из самой гнусной похабщины. Доносились также вопли избиваемых. Мое сердце как бы зажалось в железный кулак. Ничего для меня в то время не существовало кроме страха. Он проник насквозь мое существо и парализовал всякую способность к мышлению и каким либо посторонним ощущениям. Протекала одна за другой мысли - о как бы скорее. Меня провели в одну из комнат, каковым не было счета. Ее номер исчислялся числом более 200. В глубине комнаты за большим письменным столом сидел красивый молодой человек, голову его окаймляли, спадая во все стороны русые кудри. Он встал и улыбаясь предложил мне сесть на стул, стоявший посреди комнаты в двух метрах от его стола. Взяв от вахтера препроводительную он расписался в ней и вернул ему обратно.

- "Ну вот", начал следователь, "теперь мы с вами побеседуем. Вы знаете в чем вас обвиняют?"

- "Как сказать, то что мне предъявили в Л. - явная бессмысленница, в которой нет даже тени правды".

- "Так как же вы считаете, что вас арестовали ошибочно?" - спросил он любезно.

- "Безусловно. Здесь какое то недоразумение! Прежде всего я попрошу вас объяснить мне в чем же собственно говоря я обвиняюсь, какие же конкретные преступления, совершенные мною вменяются мне в вину".

- "А следствие хочет, чтобы вы сами нам чистосердечно рассказали о

своих преступлениях. А мы проверим насколько вы будете искренни, от этого во многом зависит ваше будущее." Подкупающая улыбка не сходила с уст следователя.

Если бы я не был подготовлен проф. М., я не сомневался бы в искренних намерениях этого милаго такого благородного на вид молодого человека. Затем он меня попросил, не спеша и подробно сказать о себе, о своей работе, о семье. Время от времени он мне задавал вопросы, а также делал пометки на бумаге. Я обратил внимание на то, что на столе около него лежала большая стопка бумаги, прекрасной белой бумаги, которой нигде ни за какие деньги не достать. Даже для завода мы получали ее в весьма ограниченных количествах и то дрянного последнего сорта. Ученики в школах не имели тетрадей. Он же брал лист за листом этой чудной бумаги и то вытирал перо целым листом, который затем бросал в корзину, то вытирал запачканный палец в чернилах, то еще что-то делал при ее помощи. Все решительно я о себе рассказывал ибо у меня нечего было скрывать. Единственно что я скрыл это то, что у меня в США имеются родственники, а также то, что много родственников репрессировано. Но зато я постарался перечислить всех своих даже самых дальних родственников, которые чем либо отличились перед советами. Когда я закончил свой рассказ он спросил: "А вы давно получили последнее письмо от родственников из-за границы?" Я сильно растерялся, но кажется, не выдавая своего волнения, спросил как бы удивленно: "откуда из-за границы от кого?" - "А из Америки?"

Чтобы не вызвать подозрения, что я умышленно молчал я ответил, что я об этих родственниках и забыл и не помню когда они уехали и каковы они из себя. Хотя у меня первое сильное волнение сопровождавшее меня до допроса прошло, но я все же был в весьма напряженном нервном состоянии и чтобы чем то хоть чуточку отвлечься, я выдергивал из разорванного рукава вату, вертел ее на все лады. Мне очень хотелось узнать который час, и я несколько раз намеревался спросить, но как то удерживался. Настольные часы, стоявшие ко мне боком, следователь спустя некоторое время после моего прихода повернул к себе.

Так в беседе со следователем прошла вся ночь, показавшаяся мне необыкновенно длинной. В 5 час. утра меня отвезли в тюрьму. Войдя в камеру я не застал здесь Д. Его также вызвали с вечера на допрос. Мне уже не было возможности лечь, так как до 6 час. оставалось несколько минут и я надеялся отоспаться будущей ночью. Настало утро, но Д. не

возвращался и так и не вернулся в камеру. Утром меня опять повели на допрос. Со мной беседовал тот же следователь, ~~которому оказывается тоже не приходится спать~~. Беседа проводилась в том же духе, но сейчас он мне уделял значительно меньше внимания, ибо был занят разными бумагами, а также к нему все время заходили другие сотрудники. В 5 час. вечера он меня отправил в тюрьму. Хорошо что я попал к ужину. Обед же был потерян. Не успел я сидя вздремнуть после ужина, предвкушая сладость предстоящего сна после бессонной и столь нервировавшей меня ночи, как открылась дверь и меня снова повели на допрос, где на этот раз со мной беседовал один из писарей работавших в предыдущей проходной комнате. Спустя пару часов появился тот же неутомимый следователь и, кажется не испытывая вовсе усталости, беседовал со мной до утра, очень часто повторяя вчерашние вопросы. Я насторожился, понимая что он делает попытку поймать меня на каких либо отклонениях от вчерашних ответов. Перед утром я снова был отправлен в тюрьму. Голова моя отяжелела, я чувствовал сильную усталость и мне нетерпимо хотелось спать. Это было 7 января. Утром меня снова позвали на допрос и вечером привезли обратно с тем, чтобы на ночь опять везти. Это повторялось утром и вечером ежедневно, т.е. 8, 9, 10, 11 и 12 января. Таким образом, проводя со мной беседы в очень вежливой форме меня лишили сна в течение 7-ми ночей. Я не мог стоять. Во время допросов меня то и дело подбадривали, чтобы я не дремал вежливо замечая: "у нас нельзя спать". А главное посредством беседы, не давая мне буквально минуты передышки. Весь мой отдых заключался в том, что после приезда с допроса я сидя засыпал быть может в общей сложности на час. Однажды будучи не в силах держаться я сидя же положил голову на постель. Вслед за этим открылась дверь и попка заорал: "Что в карцер захотел! И я больше не пытался положить голову. За эти семь суток меня также ослабило лишение обедов. Наша камера как обычно перестукивалась с соседними камерами, обмениваясь новостями. В 111-й камере находился мой знакомый Кузьмин, директор одного завода. 7-го 1 утром его взяли на допрос, и вернули только 10.1 утром, т.е. продержав трое суток. По возвращении он сам простучал: "вернулся после чистосердечного признания в троцкизме." На что я ему ответил. "Зря ты поспешил". Он же в свою очередь простучал: "Ты через двое суток расколешься (т.е. сознаешься, признаешь себя виновным)." Я надеялся что поскольку меня и в выходной день брали на допрос, что обычно делается редко, то хоть в наступающую ночь дадут передышку. Как бы не так. Часов около 10 вечера

перед самым отбоем меня опять позвали на допрос. "Черный ворон" вез всего двух человек. Это внушало мне большую тревогу. Сколько же так можно выдержать и чем же это кончится и что же мне делать, не стать же мне в самом деле на путь самооклеветания. Мои сокамерники искренне сочувствовали мне. Благородный М. отламывал каждый день от своей жалкой пайки хлеба кусочек и давал мне. Я сперва отказывался, мне казалось безчестным брать даже крошку от этого куда больше моего вымученного за год сидки человека. Но он с такой неподдельной искренностью и с такой настойчивостью предлагал мне этот кусочек, что я в конце концов должен был брать.

В эту ночь с 12-13 января со мной говорил тот же следователь. Затем он после семи с половиной суточной подготовки начал писать протокол допроса. В задаваемых мне вопросах, опять таки никаких конкретных улик не предъявлялось. Вопрос ограничивался в общих постановках: "Вы обвиняетесь в принадлежности к контррев. организации. Признаете ли вы себя виновным?" Я отвечал, что ни к какой к-р. организации и не принадлежу и виновным себя не признаю."

"Вы лжете, гласил следующий вопрос. Вы изобличены многочисленными материалами и показаниями ваших соучастников." На такой вопрос я мог ответить только усмешкой и опять следователь, записал мое "нет". После еще ряда вопросов, на которые я отвечал отрицательно, ибо все они были совершенной бессмыслицей, следователь зачитал мне показания моих "соучастников", каковыми оказались мой директор И., а также мой приятель П., находящийся в 107 комнате и работавший техноруком соседнего завода нашего треста. Обе выдержки гласили только одно: "мне известно, что Х также состоит в нашей к-р. организации". На это я заявил, что это гнусная клевета и просил так и записать, но следователь не согласился, а ограничился лишь словами "я отрицаю". Наконец он поставил вопрос: "Последний раз от вас требую чистосердечного сознания, - кем, когда и при каких обстоятельствах вы завербованы в вашу к-р. организацию. Кто ваши соучастники и какая к-р деятельность вами проводилась?" Я дал как и на все предыдущие вопросы отрицательный ответ. После каждого своего ответа я должен, был расписаться, а также внизу каждой страницы и в конце протокола.

Вызвав вахтера следователь отправил меня в тюрьму. Я тщетно пытался ломать свою совершенно обалдевшую за восемь суток без сна голову, что

меня может ждать в дальнейшем, каков будет ход следствия. В камере мне предсказали, что раз я и протокол подписал, то теперь наверное меня на некоторое время оставят в покое. Но к превеликому моему прискорбию оказалось другое. Часов в девять утра 13 января меня снова позвали на допрос. Я за 8 суток настолько был вымотан, настолько был усталый, что еле плелся. На этот раз меня повели уже в другой кабинет. Здесь меня принял лейтенант УГБ Васин. Мы с ним хорошо знали друг друга, так как он работал года два в С. Усадив меня на стул посреди комнаты, В. как его предшественник начал с разспроса о работе, о родственниках и прочее. Иной раз он скупно улыбался. Говорил он очень тихо, еле слышно, в движениях был медлителен и вял. Так прошел день. Напрасно я ожидал, что в 5 час. вечера буду отправлен в тюрьму. Около этого времени В. принес из соседней комнаты высокий табурет и поставил его поближе к накалиной печке, усадил меня на него, проинструктировав как я должен себя держать, чего до сих пор не было. Я должен был сидеть как "аршин проглотивши", т.е. совершенно ровно не смея согнуть спину. Ноги еле достававшие пола, должны быть согнуты в коленях под прямым углом, а колени держать вместе. Руками я не смел шевелить и держать их в разных положениях. Они были уложены на коленях и в таком состоянии должны оставаться. Поддернув мне подбородок В. предупредил - "держать голову выше по солдатски и смотреть прямо в рефлектор, головой не вращать и глаз не закрывать." Пуговицы моего ватного пальто были расстегнуты. Тут В. также проявил свою "заботу". Он аккуратно застегнул меня на все пуговицы и приподнял меховой воротник, приговаривая ехидно на распев: "нужно за врагом народа поухаживать, чтобы он не простудился, да не умер, а то кто же показания будет давать, если он умрет". Затем он отошел и стал рассматривать мою позу со стороны, даже приседая. Вся совершаемая процедура напоминала подготовку к фотографированию. Но я все еще не мог понять что это делается и зачем. Я склонен был думать, что В. попросту решил позабавиться. Осмотрев меня со всех сторон он сказал: "ну теперь хорошо, теперь ты Х. молодец. Вот так и сиди не поворачиваясь, не шевеля пальцем. Помни, что ты не у тещи в гостях, а на допросе. Смотри в рефлектор". Рефлекторная лампа стояла на столе, обращенная ко мне. Лампа была не менее 500 свечей. В. включил электричество. Нестерпимо яркий сноп света болезненно ослепил меня и я невольно закрыл глаза и отвернул голову. В глазах сверкали разноцветные круги. В. закричал: "что не нравится? смотри в рефлектор тебе говорю!" - "Не буду я смотреть в

рефлектор", говорил я возмущенный совсем нарушив позу, в которую меня усадил В. Я не хочу ослепнуть". В. кричал и ругался требуя выполнить его распоряжение. Я встал и решительно заявил: "Хочешь допрашивать меня - допрашивай, но знай что ни тебе и ни кому я не позволю творить издевательства!" В. выбежал в корридор, что-то кому-то сказал, вернулся сел за стол и погасил рефлектор. Спустя минуту вбежал молодой енкаведист, лет 28, очень жирный и чрезвычайно элегантно одетый. На нем все до последней складки было тщательно разглажено, сапоги сверкали, прическа блестела и разносились целые волны духов, которыми он должно быть в изобилии обливался. Знаков отличия он никаких не носил. Я и не знал тогда, что это знаменитый Шойхет, начальник следственной группы, один из жесточайших палачей. Рассказывали потом, что желая доказать свою верность властям он собственноручно пытал своего отца, бывшего раввина и так тот бедняга и умер в тюрьме. Ш. быстро направился ко мне. Вытянув шею, приблизив ко мне голову и заскрежетав зубами он прошипел: "Ты кто?" - "Я человек", ответил я. - "Ты человек? Ты человек? Проститутка ты фашистская! Ты будешь давать показания? Будешь?" Своей физиономией он приблизился настолько ко мне, что мне казалось он хочет укусить меня. Я чувствовал, что должно произойти нечто решающее и безповоротное. Во мне исчезло всякое чувство страха, закипела такая неудержимая ненависть, презрение и гнев против этих людей, что я готов был схватить табурет и хоть одного уложить. Я закричал просто в лицо Ш. "Для моего уничтожения вам требуется мое самоклеветание. Не будет этого! Никто не дождется!" я чувствовал что вместе с неудержимым гневом во мне как бы вырастает страшная физическая сила сейчас же требующая применения. Отодвинувшись немного Ш. заорал: "Ты контра, так-перетак тебя, еще будешь клеветать на следствии" и ударил меня наотмашь по зубам - "Без рук!" кричал я схватившись на встречу Ш. Я готов был смять его, но неудержимая ярость бушевавшая во мне боролась с сознанием, подсказывавшим быть осторожным, ибо в камере говорили, что достаточно хоть слегка "дать сдачи" следователю, как немедленно же оформляется новое обвинение "о покушении на чинов НКВД при исполнении служебных обязанностей" и тогда уже крышка - пуля обезпечена на 100%.

Ш. и В. держали наготове револьверы. Подавляя величайшее волнение и обиду я беспомощно опустился на табурет. Терпение, только терпение - мелькало у меня в голове, помни советы профессора М. и что у меня есть семья. Где уже тут до защиты человеческого достоинства. Такие мысли

молниеносно пронеслись в голове и не выразимая горечь навернулась на душу. Обращаясь к В. Ш. строго проинструктировал его и закончил: "держаться здесь, не отправлять в камеру, пока не сгинет на стуле".

После ухода Ш. В. быстро взялся устраивать меня на табуретке как уже однажды усаживал и заставил смотреть в рефлектор. Вначале я не мог глядеть, слезы заливали глаза, а затем привыкнув глядел и кроме яркого, как солнце, света ничего не видел. Время от времени В. подходил ко мне и подвигал ногу к ноге, которая сама отходила в сторону или укладывал руки по всем правилам или приподнимал голову или взяв руками за плечи и впершись коленями в спину выгибал мне ее. С утра я ничего не пил и не ел. Однако из-за сильных волнений я не ощущал голода, зато чем дальше, тем больше мучила жажда, усиливавшаяся от того, что будучи одетый в ватное пальто и с приподнятым воротником, а также обутый в валенки и сидя у раскаленной печи я сильно потел. В. следил, чтобы печка не остывала ни на минуту и слышно было как из коридора часто подбрасывали в нее топливо. Но я терпел, мне казалось, что легче умереть так сидя на табуретке чем унижаться до того, чтобы о чем бы то ни было просить этого безжалостного ехидного палача. Особенно меня поражало то, что этот мерзавец хорошо же знал меня и все же ни сочувствия, ни жалости. Никаких человеческих чувств нет у этих подобий человеческих. Мне также нестерпимо хотелось в уборную, но я также решил что будет, то будет, но у этого типа я проситься не стану. Через пару часов казалось мне, что я сижу уже целые сутки - так было мучительно. Все тело как бы деревянело. Спину как будто бы действительно был вставлен кол, ноги сильно болели в коленях. О, как бы вытянуть ногу, хоть немножко вытянуть, но нельзя - палач глядит, не спуская глаз, как бы гипнотизирует или же старается насладиться до предела моими страданиями, выпитывая их в себя и боясь как бы не упустить даже секунды. Ноги то и дело расходились в стороны и дрожали. В шее разыгралась невралгия с такой остротой как никогда в жизни. В боку также что-то болело. А тут кроме всего этого комплекса страданий неудержимо хотелось спать. Я изо всех сил старался держать глаза раскрытыми, но отяжелевшие и опухшие после 9 бессонных ночей и при столь страшном раздражении рефлекторов, веки слипались как магнитом притягиваемые друг к другу. В. то и дело окрикивал: "Не дремать!" Но видя, что окрики его действуют мало он поставил около меня стул и без конца меня тормошил. Затем усевшись удобнее он начал щелкать меня своим огромным пальцем по носу, по глазам и по бровям, а носками сапог то и дело с размаху ударял

по ногам ниже колен. Этими средствами В. "поддерживал" бодрствование и требуемую выправку. Боль причиняемая невралгией была столь нестерпима, что я вынужден был чуть чуть шевелить шеей, чтобы облегчить страдания. - "Что у тебя?" как бы с участием спросил В. Я возьми да и пожалуйся. Он же ухватился за это новое средство для дополнительных мучений, как за находку. - "А бедненький, вражек", нараспев выводил ехида, "как же тебе помочь". Он взял мою голову в руки и начала вертеть туда и сюда. Когда он поворачивал ее в левую сторону, где была боль, было ничего, когда же он поворачивал ее вправо, то боль выростала до такой мучительности, что я был на грани лишения чувств - даже в сердце отдавало, как бы острым ножом и глаза лезли из орбит. Это мое мучение ему доставляло величайшее удовольствие, он даже повеселел и сделался подвижной. Такая нестерпимая боль на время даже отогнала дремоту. Однако усталость брала свое и В. опять вселял в меня "бодрость", вращая мою голову и наслаждаясь моими страданиями. Шли часы, может быть уже было близко утро, страдания мои все возрастали и обострялись, чему всячески содействовал палач. В. не говорил ни слова о следствии или о чем бы то ни было. Все звуки, которые он порою издавал, касались исключительно моего мучения. Из комнаты где я находился вела дверь в соседнюю комнату. Всю ночь там было тихо. Вдруг там завозились. Кто-то очень похабно ругался. Кто-то другой в пол голоса говорил что-то плачущим голосом. Затем слышны были избиения и стоны. Я явно слышал как человек упал на пол и его били ногами. Он тяжело, но сдержанно стонал. - "Вставай, вставай, говорили ему" прибавляя нецензурные выражения. Эта возня длилась около получаса. Затем открылась дверь и оттуда показался Ш. Подбегая ко мне и водя кулаком под носом он шипел: "вот теперь ты у меня сознаешься, пойдем!" Он повел меня в соседнюю комнату. Здесь за столиком сидел какой то сержант УГБ, а далее у большого стола, стоящего в углу сидела тень моего директора завода, одетая в летний плащ, вернее в его остатки, так как он был весь изорван. Я кивнул ему, он сделал легкий еле заметный кивок головой. Он не поворачивал головы и поводил только глазами, которые глядели где то из глубины, производя впечатление, что это был не живой человек, а именно мертвец, вставший после длительного пребывания в могиле.

Ш. усадил меня у противоположного конца стола и предупредил: "запрещаю смотреть друг на друга".

Затем обращаясь к И. Ш. прочел ему вопрос: "какое ваше отношение к

к.-р. организации?" И добавил: "Но не смейте называть вашу организацию и ее членов."

И. еле слышно, как бы исторгаемый великими усилиями откуда-то из глубины голосом ответил: "Я участник антисоветской организации и активный ее деятель".

Ш. - "каковы были ваши взаимоотношения с X?"

И. - "Нормальные".

Ш., обращаясь ко мне, - "А ваши каковы были взаимоотношения с И. "Личных счетов у вас не было никаких?"

Я ответил, что взаимоотношения были нормальные, преимущественно официальные.

Ш., обращаясь к И.: - "Что вам известно с принадлежности X. к вашей к.-р. организации и ее деятельности?"

Несмотря на запрет переглядываться мы быстро переглянулись с И. При моем строгом взгляде, И. должно было нелегко произнести мне в лицо вынужденную клевету. Он что-то замычал, но Ш. схватился и закричал - "Ну!" Тогда И., у которого в выражении его лица, казалось, собрались все страдания души и тела какие он перенес за все время своего многомесячного пребывания в этом аду, спутанно произнес "Ну, так как вы говорили, ну, как вы писали". Не дав ему закончить своих слов Ш. бросился на него, избивая его кулаками по голове и физиономии и приговаривая: "Что я говорил, что я писал? фашистская проститутка, ты будешь провоцировать следствие, а, говори /нецензурное слово/ что тебе известно, тебе, тебе!" Он тыкал кулаком в жалкую грудь И. так что тот только икал. Затем собравшись с силами взглянув на меня и пожав плечами ясно давая понять, что он невиновен, что иначе ему нечего делать как говорить то, что требуют, он сказал: - "Мне известно, что X. также состоял в нашей организации." Ш. опять схватился: "Он что только состоял, а активная его работа где, а, где?" Но И. лицо которого уже окончательно превратилось в одно страдание, судорожно пожимал плечами и больше ничего не мог сказать. Тогда Ш. заскрежетав зубами и поднеся кулак к носу И. зашипел: "ну, /нецензурное выражение/ обожди я тебе дам!" Затем обращаясь ко мне Ш. поставил вопрос: "Вы изблечены в принадлежности к к.-р. организации, признаете ли себя виновными?" Быстро и решительно я проговорил: "Провокациями и пытками никто не заставит меня оклеветать себя и

других." - "Молчать завопил Ш. не ожидавший такого дерзкого ответа, могущаго подбодрить даже несчастнаго мученика И. Ш. выскочил из-за стола и схватив меня сзади за воротник быстро поволок меня на мое старое место. В душе я торжествовал. В комнате уже не было В. - Ш. прыгал около меня, поднося к носу кулаки и грозя разными мучениями. Ко мне возвращалось бешенство, охватившее меня с вечера. Как будто сам сатана так и подмывал меня. Во мне закипело странное неудержимое рвение к мести. Очевидно сильное нервное напряжение вызвало одновременно напряжение всех физических сил. У меня было такое ощущение, что от одной моей хватки Ш. не уйдет живым и это должно быть отражалось в страшном выражении лица. Я тихо, но внушительно бросил ему - "меня ничем не запугаешь, а попробуй тронуть сейчас!..." Во мне все клокотало и пожалуй только одна мысль о семье удерживала меня.

Ш. видно был не из храброго десятка, ибо предпочел молча удалиться. Ко мне сразу же пришел сержант, не замедливший усадить меня по всем правилам.

Слышно было как Ш. принялся обрабатывать несчастнаго И. И тот рыдал, как дитя, что на меня действовало, кажется не меньше чем мои собственные страдания.

Я попросился у сержанта в уборную. Он повел меня. Вернувшись из уборной я просил его дать пить, но он сказал, что запрещено. На столе стоял графин с водой, я просил хоть глоток. Но он сказал, что боится неприятности и никак не может, и рекомендовал просить В., - "хотя этот режим для тебя, говорил он, установлен свыше."

- "А сколько так меня могут держать" - спросил я.

- Пока не дашь показаний. -

- Я показания уже дал о том, что все в чем меня обвиняют есть подлое измышление и на путь самоклеветания даже муками ада меня не поставят.

- Ты не один такой храбрый, вначале многие так себя ведут, а потом сдаются - заметил он.

Как видно меня усадили здесь всерьез и надолго. Может быть и умереть придется так на стуле, но только не оклеветать себя, не погубить семью и не погубить своей клеветой других людей. Мне было ясно, что я арестован благодаря показаниям директора завода И., затем П., а может быть еще кого, добытым у них вот таким дьявольским конвейером и избиениями.

Нет, думал я, лучше умереть чем стать на путь величайшего позора и преступления. Сержант сам дремал и не особенно следил за мной. Так что я мог более или менее свободно сидеть и не глядеть на чертов прожектор, даже дремал пока сержант меня не подбадривал...

Наступило утро. На дворе было уже совсем светло, но окно оставалось закрытым тяжелым непроницаемым занавесом и по прежнему горел прожектор. Часов в 9 утра появился В. Как истый палач, он меня сразу же усадил по всем правилам и со своей сатанинской жестокостью и ехидством продолжал пить, как жаждущий воду, мои мучения превращавшиеся в его проданной черту душе в наслаждение. Я готов был скорее умереть, чем попросить эту сволочь о чем бы то ни было. Я даже подчеркнуто старался соблюдать все правила сидки и созерцания рефлектора, как бы желая подчеркнуть, - вот гляди палач, я ничуть не страшусь мук, причиняемых мне и даже порою улыбался. Это верно сердило палача и он искал средства, которыми можно было бы побольше донять. Подойдя он попробовал повертеть мою голову, но я никак не реагировал, так как за время его отсутствия боль прекратилась. Тогда он решил меня просто подразнить "ну что приятно сидеть, а?" - "Ничего," отвечал я, "лишь бы не стоять, а сидеть еще можно." - "А ну-ка встань!" Я стал на ноги. Для меня было большим облегчением переменить позу. В течение всего дня окно было закрыто и мне в глаза лил свой мучительной свет прожектор. Время от времени В. спрашивал меня: - "ну что может быть надумаешь дать показания?" - "Нет уж, благодарю покорно, уж лучше я постою", отвечал я невозмутимо. - "Ну стой, долго по выстоишь, сдашься."

- "Нет не сдамся!" с натиском говорил я. Чем дальше, все тяжелее было стоять, ноги отекали, невралгия опять начинала несносно мучить меня, но я ломая зубы от боли крепился, чтобы не подать этому извергу вида, дабы он снова не начал вращать мне голову. Вечером В. удалился. Его подменил младший лейтенант П., который на протяжении 4-х часов непрерывно уговаривал меня сдать. Фразы его густо пересыпались нецензурной руганью, но в его устах это не звучало, как ругань, он просто иначе не умел говорить. Эта ругань в его представлении должна была придавать большую убедительность его речам. Он пытался мне доказать, что всякий даже самый закоренелый враг может не боясь раскаться и что это ему и его семье очень выгодно. И что мне, как "врагу" не особенно больших масштабов раскаяние принесло бы прямо большую пользу в сравнении с тем, что ждет меня если я не раскаюсь.

- "Теперь, говорил он, с тобой пока говорят "по-хорошему" но после придется применять более острые меры физического воздействия".

Под его разговор я спросил не могу ли я сесть. Он, видимо в надежде на мою податливость разрешил. Но воды ни за что не дал. Опять вернулся В., который сразу же поставил меня на ноги. Однако когда через пару часов он спросил у меня, приятно ли стоять я ответил, что мол все равно, даже пожалуй стоять приятнее. Я конечно хитрил и не без удачи.

- "А ну ка садись!" повелел В. Я сел. Всю ночь напролет он меня бодрил щелчками, так что и глаза опухли и нос распух и брови нависли. В 5 часов утра его снова подменил П., который как и вечером непрерывно тараторил. К 9-ти часам утра пришел В. еще с большей жестокостью он принялся меня щелкать и колотить носками сапог по ногам. По прежнему жарко горела печка, а окно было завешено. Все больше и больше оставляли меня силы. Все труднее становилось переносить нестерпимую боль в спине и шее в избитых и отекавших ногах, в опухших глазах, пылающем огнем избитом до синевы носе. Кроме того я ощущал сильную тяжесть в области сердца, а также меня донимал нестерпимый голод и мучительная жажда. Голова не держалась уже на плечах. Ведь столько без сна и все это дополнялось величайшей невообразимой усталостью. Ведь уже 11 суток как ни минуты не полежал. Не зря меня выматывали с 5 по 13 января. Вежливо, мягенько, по "хорошему". Оказывается меня готовили к "конвейеру", а сколько же он будет длиться, сколько же можно терпеть эти страдания. На эти расплывчатые и полубредовые порою мысли я сам себе отвечал: "пока не умру." Я всеми силами старался вселить в себя терпение и готовил себя для любых испытаний, которые завершатся смертью. Но мучения оставались мучениями и все возрастали. Вечером, а затем и утром опять подменили В. Он дежурил около меня каждые сутки, 16 часов, а на 8 часов в два приема его подменяли. Пить мне никто не дал. В 9 часов утра 16.1 В. занял свой пост. По мере того, как я слабел и степень моих несносных страданий возрастала В. становился все активнее, надеясь, что ослабленного, измученного и потерявшего надежду на окончание "конвейера" меня может быть удастся "расколоть". Но я каждый раз резко и решительно заявлял, что тщетны попытки добиться от меня самооклеветания, я приговорен только к смерти, но не к подлости. Как только не мучил меня этот изверг целый день. Два раза забегал Ш., бросивший на ходу: "сгниешь тут бандит, а не уйдешь", - "я и не собираюсь выйти отсюда", отвечал я с горькой, но вместе с тем иронической усмешкой. Мой палач избрал новый метод

издевательств. Заметив, что у меня сильно потрескались, кровоточили и распухли губы, он говоря - надо подлечить врага народа - начинал мне жечь папиросой трещины на губах, в результате губы сплошь представляли трещины и ожоги. Садист В. был очень доволен. В его сатанинской физиономии отражались целые потоки наслаждений. Уже дней шесть как у меня не было стула и хотя внутри последнее время было болезненное ощущение, но потребности не было, теперь же появилась потребность и становилась с каждым часом нестерпимой. Внутри все горело огнем, кишечник разрывало. Трудно себе вообразить как велико нестерпимо это страдание. Я решил терпеть - что будет. Понимая, что дальнейшее задержание стула может оказаться даже весьма опасным, я готов был даже умереть, но не проситься в уборную у этого разбойника. К вечеру временами состояние было таково, что мне казалось вот-вот внутри что-то разорвется и конец всему. Голова и без того болевшая, теперь совсем сделалась несносной, порою сильно кружилась и я готов был упасть, но я изо всех сил крепился стараясь не подавать виду. Но вот страшная боль прорезала живот; в голове сильно зашумело, все предо мною завертелось и я свалился на пол. Хватаясь от страшной боли за живот я проговорил - "в уборную". В. меня повел ехидно дразня, говоря: "что симулировать вздумал". Я шел с трудом переступая. Сильно отекавшие и пылавшие огнем ноги как бы омертвели и я их переставлял с большим усилием. Желая как бы вымыть руки и пользуясь тем, что В. смотрит в зеркало я припал к крану ртом. Но я успел сделать лишь пару глотков, как палач так рванул меня от крана, что чуть не разорвал рот. Бывшие уже на губах трещины и ожоги были сильно разорваны и из них струйками потекла кровь. Вечером когда В. удалился я попросил у сменившего его сержанта разрешения переобуться. С трудом стянул валенки, хотя они на меня были слишком велики, я был поражен увидев свои ноги - они были настолько распухшими, что сами имели вид валенок кроваво-красного цвета. Снявши портянки и носки и сунув их в карманы я обулся на босу ногу и то не без труда. Утром когда около меня дежурил младший лейтенант П. подменивший как обычно В. во время его непрерывного разговора я услышал пение. Хор исполнял какой то неведомый мотив дивной красоты. Музыка лилась волнами, то усиливаясь до раскатов грома, то затихая до комариного жужжания. Я - полумертвец был так поражен, что невольно насторожился. П. спросил меня - "к чему я прислушиваюсь. Он засмеясь объяснил, что это у меня в голове такая музыка и что единственные очень громкие звуки, слышимые

сейчас - это стук молотков и визг пилы в коридоре, где сейчас работают плотники. Я был поражен и очень напуган тем, что у меня появились галлюцинации. Но после этого я тоже не в состоянии был слышать пилу и молоток и мне все продолжало чудиться пение. Придя, В. не замедлил применить ко мне все свое палаческое утонченное искусство. Кроме всех уже известных своих приемов он начал мне откручивать пуговицы на пальто, вырывая их вместе с сукном и ватой и приговаривая: "врагу народа" не нужны пуговицы; все равно ему дырка в коробке обеспечена, а там уж и пальто не понадобится. Я как мне казалось, был уже на грани смерти. Вся боль разлитая в отдельных частях моего тела сливалась воедино. Сознание вот-вот готово было оставить меня. Попытка В. поставить меня не увенчалась успехом. Я бы сам рад немного постоять поскольку я совершенно отсидел зад и не было сил уж терпеть, но я не мог устоять на ногах, ибо голова так кружилась, что я терял равновесие; кроме того ноги подламывались и я падал. Никакими подбадриваниями В. не удалось меня поставить. Ему пришлось примириться с тем, чтобы я сидел, но и в сидячем состоянии я не в состоянии был соблюдать "правил". Голова беспомощно валилась на все стороны, спина тоже отказывалась держать меня. Глаза почти ничего не видели, им было все равно прожектор или тьма. Я напрягал последние силы стараясь удержаться на стуле. Порою я как бы переставал ощущать боль и даже свое существование. Я переставал соображать где я, и оглядываясь во все стороны, напрягая мозг, чтобы вспомнить и не мог припомнить. В., следивший за мной и неустанно "подбадривающий" меня спрашивал, что со мной - я тогда припоминал где я. Вот я забыл кто я, как моя фамилия; я даже сердился до боли напрягал сознание, но никак не мог вспомнить свою фамилию. Очевидно рефлектор был более не нужен и В. погасил его, оставив гореть одну лампочку. Я ясно видел физиономию В. и различал все ее детали, но вот на столе я увидел страшную физиономию черта, в которую превратился телефонный аппарат. Рядом со столом стояла этажерка, где были книги, но на полках на месте книг я ясно увидел человеческие головы, стоявшие в ряд и из перерубленных шей стекала кровь. Подбадривание В. вроде щелчков, поджиганий и т.д. не в силах были прогнать видение. Затем за столом следователя в образовавшуюся там дверь повалил в комнату народ, наполняя ее шумом, затем я видел лишь туман, сизый туман, а из тумана появились змеи; они заполнили весь пол, они извивались и шипели. Я в ужасе схватился и дрожа взобрался на табурет. В. бросил свои упражнения и быстро вышел из комнаты. Вернувшись он

отодвинул занавес с окна. Яркий дневной свет наполнил комнату и змеи исчезли. В голове стоял невообразимый шум и стук молотков. Я с трудом уселся на табурет опустив голову на колени, будучи совершенно безразличным ко всему и имея еле мерцающее сознание. В комнату внесли неполный стакан чая и ломтик хлеба и поставили на столике у стенки. В. велел мне пересесть на стул к столику и есть. Передвинувшись с трудом к столу я старался быстрее съесть и выпить чай, чтобы не отняли. Есть к этому времени уже вовсе не хотелось. Жажда же была несносной. Принятая капля пищи шуточку подкрепила меня. Во всяком случае галлюцинации больше не появлялись. Как я не старался хоть как нибудь сидеть на табурете я не в силах был удержать свой корпус. Спина время от времени совсем теряла способность держать меня и голова вместе с корпусом падала на колени. В. неустанно "поддерживал" мой дух тумаками, носками сапог и прижиганием губ, распухших до невероятных размеров, а также щелчками по носу и глазам, которые были почти закрыты опухолью. Он применил также новое средство против сна, неудержимо одолевающего меня после двенадцати бессонных ночей. Это было выдергивание ресниц. Я не в силах передать какую боль это причиняло, даже в моем полумертвом состоянии, как равно не берусь изобразить сколько это доставляло удовольствия В. Думаю, что В. был очень доволен, так как порою вырвав пару волосков он даже хохотал. Вернувшись после вечернего отдыха, В. стал особенно назойливо приставать ко мне на счет показаний. - "Подумай, ведь тебе осталось жить несколько часов, а в лучшем случае ты тронешься умом, что сегодня было уже началось с тобой, брось напрасно запираяться, я тебе "по хорошему" советую давать показания, ибо все равно ты отсюда не уйдешь - или сдохнешь, или показания дашь." Где-то около полуночи зашел какой то высокий чин с тремя шпалами на петлицах. Это был громила большого роста с огромными кулаками и с обесцвеченными мутными глазами убийцы. Саданув меня пару раз кулачищем в живот, громила спросил: "Почему показаний не даешь?" Я ответил, что у меня нечего давать. - "дашь, а нет - в помойку" - и указал куда то пальцем. После ухода громилы В. спросил меня придавая таинственность своему голосу: "Ты знаешь кто это?" Это капитан Уркин - начальник 4 секретно-политического отдела. Уж если он сказал в помойку, значит в помойку". А мне все равно, ответил я, в помойку или на свалку, но показаний я не дам таких как ему хочется." Будучи мастером утонченных методов В. решил объехать меня с другой стороны. - Послушай, говорил он, ты здесь проживешь максимум день и

умрешь, хоть ты и враг народа, но мне все же жаль тебя. Я ведь знаю, что в это дело впутан недавно, я же не один год тебя знал, как хорошаго и честного человека, может быть ты не столько и виновен, как тебе вменяется в вину и вот ты из-за своего запираательства погибнешь. Я тебе как человек человеку советую написать только несколько слов, что ты признаешься в своей принадлежности к к-р. организации и больше ничего и тебя сразу же отпустим. А в камере ты отдохнешь, окрепнешь, подумаешь хорошенько, а потом через несколько дней вызовем тебя и побеседуем поподробней. В. даже по плечу меня похлопывал. В его словах было столько подкупающей лицемерной искренности, у него таким благодушием и добротой светились глаза, что если бы этот изверг не издевался надо мной так жестоко, так безчеловечно в течении вот уже пяти суток, так я мог бы поверить в его искренность. Однако я подумал, ведь мне все равно придется здесь умереть и никто и знать не будет, что я претерпел и как погиб. А что если я в самом деле подпишу такую бумажку для того, чтобы меня отпустили в камеру, где я все расскажу и соседям сообщу, а потом чтобы со мной ни делали, уж худшего что я здесь перенес я не могу представить; пусть и убьют или умру на конвейере, но от этой бумажки откажусь, а люди будут знать как я погиб и что я выстрадал, а там гляди какнибудь и до жены дойдет эта весть. С такими мыслями я боролся долго и наконец решился подписать такую бумажку. О своем решении сообщил В.

Он в великом восторге выбежал из комнаты. Через минуту пришел вместе с Ш. Меня усадили к столику на стул, положили передо мною бумагу и дали ручку. Ш. поднес мне открытый портсигар и хотя я уже несколько месяцев не курил, но так перестрадав, что не задумываясь решил закурить - хоть этим отвести немного душу. - "Я буду диктовать", говорил Ш. "А ты пиши". Под диктовку я стал писать: "Начальнику Управления НКВД по № Области от заключенного Х.

Заявление.

После длительных запирательств я решил чистосердечно сознаться в том, что: дальше, как говорил Ш. я должен был указать кто, когда и при каких обстоятельствах завербовал меня в к-р. организацию, какие соучастники мне известны и какая антисоветская деятельность проводилась организацией и в частности мною. На что я ответил, что такого заявления писать не стану. Вырвав из рук и бросив на пол выкуренную лишь на половину папиросу, Ш. закричал: "А какое же ты заявление думал писать

фашистская твоя морда!" И начал хлестать меня по физиономии. Теперь мне уже поздно было думать о сопротивлении, к которому я был готов еще четыре дня назад.

- "Сядь на свое место, проститутка! Тут ты издохнешь!" и Ш. убежал. В. от своих подлых слащавых речей перешел к своим дьявольским "физическим методам". Я не видел конца страданиям. Я готов был бы скорее умереть, хоть меньше мучиться, раз уж не суждено мне вернуться в камеру, которая со всеми ее невзгодами казалась теперь обетованной землей. Я мечтал о том, чтобы попасть в камеру как о каком то высоком идеале. Спустя пол часа из боковой двери вышел Ш., подошел ко мне свирепо глядя в лицо и приказал следовать за ним. Я поплелся. В той же комнате и на том же месте стола на этот раз сидел мой приятель Пастухов, находившийся в соседней камере. Началась процедура очной ставки. П. был хорошо надрессирован и отвечал без запинки и на вопрос признаю ли я себя виновным в принадлежности к к-р. организации я ответил как и в первый раз, что это спровоцированная клевета. Ш. набросился на меня и яростно избивал кулаками по лицу. Потом опять спрашивал и я повторял то же, но еще в более резком тоне и решительным тоном. Он опять зверски избивал меня совершенно окровавив физиономию. На вопрос в третий раз я заявил: "вы меня можете убить, можете держать на конвейере еще десять суток, но на провокацию я на пойду!" Ш. опять меня избил и вытерши окровавленные свои руки несколькими листами бумаги стал писать. Мой ответ он сформулировал одним словом - нет. После чего протокол был подписан П. и мною.

- "Марш на место!" скомандовал мне Ш. Минут через десять Ш. снова вбежал в комнату и крикнул В.: "Держи по всем правилам пока не сдохнет!" и удалился. Мое состояние было таково, что мне и без правил очевидно оставалось недолго жить. В. принялся за меня снова.... Спустя пол часа в комнату вошел вахтер с бумажкой в руке.

- "Убирайся вон!" сказал мне В. и добавил несколько отборных слов. Напрягая силы, чтобы не упасть, я поволок свои опухшие ноги по корридору, порою хватаясь за стенку. В машину я не мог подняться и вахтеры меня вволокли туда и замкнули в кабинку, где я повис в не определенном положении и почувствовал, что куда то проваливаюсь... Я очнулся тогда, когда конвоир вытащив меня из кабинки волок по корридору "черного ворона". - "А я думал ты уже издох", говорил он.

Это было утро 18 января. Мои товарищи по камере были потрясены увидев меня потерявшего человеческий образ. Поскольку лежать за-прещало для меня устроили нечто в роде гнезда подмостив под низ, под спину и под один бок, а ноги уложив на противоположную кровать. Я попросил снять мне валенки. Разув меня они отшатнулись пораженные видом ног невероятно распухших и совершенно красных от отекающей крови. Подняв штанину я показал им места избиения сапогами. Здесь были сплошь синяки и ссадины. Меня спросили "раскололся" ли я? Я сказал, что нет. - "Герой и мученик, вы подлинный герой!" произнес профессор М. Две слезы, покатались у него по лицу и он осторожно обнял меня. - "Вот друзья образец человека достойный подражания", обратился он к И. и Р., стоявшим и глядевшим на меня с глубоким сочувствием. Из соседних камер не замедлили сделать запрос. И. ответил кратко в каком я состоянии, а главное, что не "раскололся", на что последовали восторженные одобрения. Не скрою, я чувствовал себя победителем. Не следователей, конечно, ибо моя жизнь и смерть была в их руках. Я чувствовал себя победителем слабости человеческого духа, вследствие которой, как показывает статистика, редко кто выдерживал конвейер. Силу и терпение мне в значительной мере придала безусловно моя глубокая любовь к жене, я боялся оказаться в ее глазах тряпкой и боясь за ее судьбу. Принесли хлеб и кипяток. Я с трудом пережевывая хлеб съел сразу всю пайку и пять кружек кипятку, который как обычно никто в камере не пил. После этого, несмотря на непреодолимое желание спать, я решил рассказать пережитое мною, боясь, что если я умру то все оно останется тайной. Мой рассказ слушали так, как быть может слушали бы человека, воскресшего из мертвых и рассказывающего хождения по мукам. Окруженный заботой людей я уснул. Но спать я мог лишь сидя, нечего было и думать, хотя бы голову положить. В тюрьме "самой свободной в мире страны", особенно в этом особом или специальном корпусе было все рассчитано на создание нестерпимых условий. Особый корпус представлял из себя комплекс пыток, дополняющих пытки на следствии. Лишь с наступлением 10 часов вечера 18.1, т.е. спустя 13 суток, я смог впервые лечь. Нечего говорить какое счастье было для меня лежание, сколько наслаждения доставляло мне весьма некомфортабельная кровать, состоявшая из трех острых перепонок.

19.1 меня не трогали. Но утром 20.1 когда я был еще чрезвычайно слаб меня взяли на допрос снова. Страх, что меня снова усадят на пять дней, клещами сжимал сердце. Допрашивал тот же В. уговаривая "расколоться",

"по хорошему", иначе меня ждут более острые методы следствия нежели те, которое я перенес. Желая сделать мне какую нибудь гадость и получить удовольствие, садист В. посмотрев, что на мне одеты кожаные сапоги, запел. "А, так у тебя и сапоги есть." Ну пусть сапоги будут, а подметки врагу народа не нужны." Он до тех пор "трудился" пока своими каблуками не оторвал мне подошву на обоих сапогах до самых каблуков. Отправляя вечером в тюрьму он напутствовал словами: "Езжай в тюрьму да хорошенько подумай, образумься пока не поздно". Меня заперли в оставшуюся свободной кабинку в "черном вороне". Остальные кабинки были уже заполнены и машина двинулась. Пользуясь тем, что на этот раз конвоир не остался в коридорчике черного ворона, где он обычно оставался и сидел на складном стульчике, приделанном к задней двери, имеющей решетчатое окно, а заперши дверь пошел и сел рядом с шофером, можно было переговариваться, как это ни было рискованно, особенно имея в виду, что часто НКВД подсаживало в одну из кабин шпиона и конвоир в таком случае удалялся с целью развязать языки. Находившаяся в последней кабинке женщина рассказывала своему соседу о происшедшем в их камере. Она сидела в общем корпусе. - "Это было две недели назад. Одной женщине сидящей в нашей камере пришла пора родить. Она неоднократно стучала в дверь и заявляла об этом надзирателю, прося его доложить по начальству, чтобы ее положили для родов в больницу. Но никто не приходил. После обеда у нея начались настоящие родовые схватки и она боясь лечь на нарах, так как лежание днем строго запрещалось, разостлала что имела своего на полу и легла. Это увидел в волчек попка. Он сразу же открыл дверь и скверно ругаясь, велел ей встать. "Ты знаешь," кричал он "что днем нельзя лежать, в карцер захотела, встать сейчас же". Мы пытались уговорить его, что это не каприз и даже не болезнь, что это роды, не рожать же ей сидя или стоя, но он с руганью закрыл дверь и пригрозил, что сейчас донесет начальнику корпуса. Начальник корпуса у нас украинец по прозвищу "дывысь", ругаясь и грозя кому нибудь он обычно говорит "так дывысь мени" /гляди мне/.

Через несколько минут влетает в камеру этот сумасшедший. Ругаясь самой гнусной площадной бранью он заорал: "Встать немедленно, а то я тебя изувечу", и начал таскать роженицу по полу. Родовые муки были, в разгаре и конечно, если бы она и хотела встать, то не могла. Мы попытались уговорить его, но он бросился на нас, избивая кулаками и ногами и крича: "Молчать /нецензурное слово/". Она с трудом сквозь зубы процедила, что

не может встать. - "Раз ты не можешь встать, так рожай же скорее приказываю тебе!" С дикой руганью он стал ее бить сапогом в бок, приговаривая: "рожай скорее /нецензурное слово/!" Видя такую бесчеловечность мы все плакали. Но вот "дывысь" пошел в угол, взял березовый веник, которым мыли пол и говоря: "Вот я тебе помогу родить!" направился к роженице. Но не успел он дойти до нея, как одна женщина схватила ведро, служившей парашей и до половины наполненное и надела ему на голову. Он был весь облит и вымазан. Бешено завопив и зафыркав он бросился в корридор. Через несколько минут вся камера кроме роженицы была заперта на 10 дней в карцер. Особоуполномоченный НКВД по тюрьме всех нас вызвал на допрос, стараясь узнать, кто именно одел на голову "дывысь" парашу, но никто не выдал. Что с роженицей стало мы так и не знаем...

Приехав в тюрьму я рассказал об этом чудовищном происшествии. Это ничуть не удивило старожилов. И. рассказал о том, что однажды когда он был на допросе в соседней комнате допрашивали женщину в то время когда у нея начались роды. Она падала, но ее так били резиновыми нагайками, что она вынуждена была вставать - "и вдруг говорит И, я услышал резкий крик ребенка. Не знаю лежа ли родила или стоя, но потом ее увели, не унесли, а увели..." Видите ли, заметил профессор М., здесь в тюрьме и на следствии любая естественная потребность превращается в средство для мучений человека, чтобы вынудить его оклеветать себя и других единственно с целью их уничтожения. Вот вам роды, то же самое потребности пойти в уборную превращены в жуткие пытки, также потребность в еде; затем жажда пить или же жажда покурить особенно у заядлых курильщиков. Если бы запретили вовсе курить тогда было бы легче и это не мучило так человека. Но палачи хорошо изучили как помучительнее донять человека и они то разрешают, то запрещают курить. Сейчас разрешено, а через неделю, например если почувствуют дым в камере сразу же обыск и всех в карцер, а там опять разрешат. Этими дьявольскими методами они создают такие условия, что человек только и мечтает как бы попить, или поесть, или полежать, для него становится сладостной мечтой время когда он достигнет такого "счастья" пойти в уборную. А чем является для курильщика одна затяжка? Да это же подлинное блаженство. Таким образом для людей, жизнь которых превращена в сплошные муки путем лишения их естественного необходимого стремления к удовлетворению элементарных естественных потребностей - становится главной целью. Даже тоска по воле

и страх перед ожидающей смертью притупляются."

Тут я в свою очередь заметил о том, что в то время как до конвейера я только и думал о семье, что не было ни одной минуты, чтобы я не ощущал тоски и страха за нее; конвейерными же муками настолько притупилось это мое чувство, что там я лишь изредка вспоминал о семье, когда возникал вопрос - как бы не сдать. Лишь тогда передо мною вставала семья, любовь к которой и страх за которую подбадривал меня и я снова исполнялся решимости терпеть и терпеть до смерти, но не сдать. Очевидно тоже и с разными идеями делается. В таком состоянии не до тоски, и не до идеи. Но я все же рад был, что испытал такой ужасный комплекс страданий, каким являлся конвейер. И это было для меня боевым крещением. М. был прав, когда говорил, что таким боевым крещением человек окончательно исцеляется от всяких иллюзий, что из него каленым железом выправляются всякие симпатии к этому режиму, если они у него были. Тюрма НКВД вместе со всем комплексом следственных пыток является замечательной антисоветской школой. Она исцеляет умы людей и превращает в смертельных врагов даже самых ярых коммунистов. Я говорил о том, что не могу понять и увязать всех прекрасных лозунгов, программ, речей, докладов и т.д., которые произносятся вождями и тем ужасом, который творится здесь. Профессор М. пообещал мне обстоятельно разъяснить это.

Ночь я переночевал в камере. На следующий день меня также не вызывали. Причину тому почему меня не вызывают мне объяснили тем, что здесь в областной тюрьме около 10.000 заключенных. Что хотя в НКВД есть несколько сот следователей, а также много прикомандировано от районных отделений и временно мобилизовано из тайной агентуры, все равно на каждого следователя приходится не менее десятка заключенных. А ведь дело же не стоит на месте, аресты продолжаются без конца. У того же В. слишком мало времени, чтобы заниматься долго одним человеком. Придя часов в 10 с прогулки проф. М. выразил свою готовность дать объяснения по некоторым интересующим меня вопросам. Речь свою он повел очень тихо, чтобы не вызвать любопытства у Р., которому все же не доверяли, тем более что тот мог дебатировать некоторые вопросы, как это обычно у него делается при любых разговорах и только мешал бы.

- "Темные силы зла вышли из мрака преисподней", так начал профессор М., "и ставя себе целью покорение мира, ринулись на все доброе, чистое и благородное, на все великое Божественное, святое. Они заливают землю

морями крови, они разрушают самое драгоценное, что свойственно человеческому роду - это любовь, они натравливая брата на брата, сына на отца, жену на мужа, истребляют их во взаимной ненависти и борьбе. Они сеют и пожинают зло. Их оружие - есть ненависть и ложь. К нашему несчастью мы живем в стране, явившейся первой исходной ареной этой смертельной борьбы зла с добром и лжи с истиной; борьбы из которой пока вышло победителем зло. Не важно, что это за мрачные силы, или это сам сатана, или это сатанинские идеи, носившиеся как зловещий призрак коммунизма-большевизма и еще какого либо "изма"; но эти силы нашли свое олицетворение в лице преступных с выродившимися душами людей, каковыми являются заправилы большевизма во главе с самым безчеловечным, самым жестоким, самым кровожадным из всех правителей, каких только знала история. Эти злодеи как бы были рождены для исполнения своей мрачной роли на арене истории.

Явившись первой исходной ареной борьбы за завоевание мира как цели единственной и неизменной, которую преследуют эти темные силы наша многострадальная страна превратилась в плацдарм для мировой революции, в "передовую ударную бригаду" и в "кузницу", в которой куется отравленное оружие для завоевания мира. Посредством индустриализации страна превращается в арсенал мировой революции. Создаются колоссальные запасы боеприпасов, горючего, и склады продовольствия. "Догнать и перегнать капиталистические страны в техническом и экономическом отношении" вот главный лозунг под которым ведут страну ея непрошенные хозяева. Они хорошо знают, что Америку не только не перегнать, но и не догнать, однако бешеные потуги в этом направлении делаются и будут делаться. Но они не могут надеяться только на силу металла и воинственность своей армии, они также рассчитывают на поддержку мирового пролетариата и использование колониальной борьбы. Поэтому, для развращения и обмана посредством лживой пропаганды этого пролетариата и провоцирования колониальных войн, а также для организации пятых колонн во всем мире требуются колоссальные средства. Откуда же взять такие средства? Только у нашего несчастного народа. Человек да и народ в целом не имеет никакой цены в глазах извергов. И каждый человек и народ наш в целом являются только средством в их руках для достижения ими гнусных целей их в мировом масштабе. Им чужды интересы человеческой личности. Им нужен лишь мед, который можно добыть посредством ужасающей эксплуатации этих

175 миллионов пчел. Отсюда все дело сводится лишь к одному девизу: "Давай! Давай! Давай деньги в виде налога, займа и разных других наименований. Давай все, что производит земля - хлеб, хлопок, лен, свеклу, корнеплоды. Все - все отдай до капли! Давай каторжный изнуряющий труд до десятого пота! Мир еще не видел такой беспощадной эксплуатации. Рабы были в несравненно лучших условиях ибо их кормили, чтобы они могли работать. Здесь же работай, а потом кое-что получишь. Только бы мог выжить. В нашей колоссальной стране наблюдается то же, что и здесь в тюрьме, где все устремления нашей жизни сводятся к тому, чтобы съесть кусочек хлеба, чтобы отдохнуть после дьявольского конвейера, чтобы добыть хоть на затылку курева. Борьба за кусок хлеба, за затылку курева заполняет всю жизнь "счастливых граждан" государства. Для выматывания последних сил из народа пускаются в ход разные экономические провокации, как стахановщина, создаются приманки в виде орденов и разного рода наград, служащих тем же целям, что клочок сена прикрепленный на палке и все времядвигающийся впереди падающих с ног, голодных и забитых лошадей, дабы этой приманкой заставить их напрячь свои последние силенки. Там же где народ брыкается, упрямится, не дается взнуздать себя, не желая лишиться последнего куса хлеба, организуется голод, как это было на Украине, на Кубани в 1933 году, ставящий целью сломить сопротивление народа. В результате погибли многие миллионы людей, распространилось массовое людоедство, но сопротивление было сломлено. Где было похоже нечто на брожение, туда были направлены карательные экспедиции НКВД, которые не оставили камня на камне от станиц и сёл. Когда на заводах в больших городах Украины вспыхнули забастовки в знак протеста против сокращения хлебных норм, они были зверски задушены. Десятки тысяч рабочих кончили тогда свою жизнь мученически в подвалах ГПУ. Зато в портовых городах, где ГПУ приканчивало в подвалах забастовщиков, огромные корабли нагружались чистой, что золото, пшеницей, для отправки ее за границу, где она будет продана значительно дешевле местной. Этим убивалось два зайца - во-первых рекламировалась "радостная и зажиточная" жизнь советского народа, отправляющего за границу в качестве "излишков" столь прекрасное зерно, и во-вторых делалась пакость местным "буржуям". Нищета - вот слово которым характеризуется положение народа. Закон желудка уже давно стал главным и основным законом жизни каждого гражданина страны "социализма". Для облегчения порабощения народа, для его безмолвного

подчинения, для удушения даже свободолобивой самостоятельной мысли, всяческими средствами производится так называемая дифференциация - разъединения народа, натравление одних на других, создание атмосферы взаимного озлобления, недоверия, травли человека человеком, зависти, предательства и т.д. Борьба за существование каждого человека в условиях нищеты сильно облегчает разъединение и взаимное озлобление людей. Наш несчастный народ - это народ мученик, который будучи придавлен гнетом жесточайшей диктатуры, опутан и без конца обманываем, несет беспримерные жертвы. Но чрезвычайно отрадным является то, что хотя народ истекает кровью, хотя он обезглавлен, ибо его передовые лучшие благороднейшие сыны, беспощадно уничтожаются, он все же не потерял еще своих основных прекрасных качеств; еще жива его благородная душа как ни стараются изувечить ее агенты сатаны. Дух народа придавлен, но еще окончательно не задавлен, не уничтожен. Естественно, в недрах нашего народа, как и всякого другого есть достаточное количество темных элементов готовых к услугам хоть самому дьяволу ради собственной выгоды, и служащих хорошей опорой для большевистского строя; но, к сожалению, не только эти элементы служат опорой, - есть немало людей среди благородных натур, которые, будучи ослеплены демагогическим учениями, становятся жертвой их и также готовы верно служить банде разбойников. Для управления страной диктатор и кучка его соратников опираются на многочисленный тщательно подобранный и проверенный бюрократический аппарат, представляющий собою паразитический класс, вышедший из недр рабочих и крестьян, забывший о своем происхождении, лакейски верно служащий своим хозяевам. Этот новый класс поставлен в привилегированное правовое положение, а также материально обеспечен за счет эксплуатации народных масс. Хотя в среде его и существует страх, являющийся главным чувством всего без исключения населения страны, а также взаимная слежка, подсиживание, доносы, - все же он имеет много общего связующего его в одно целое: это прежде всего несравнимое с остальным народом материальное положение, общая роль приказчиков, мучителей, эксплуататоров, обманщиков и душителей народа и наконец страх перед народом, боязнь ответственности за свои злодеяния. Все это объединяет эту группу в касту враждебную народу и готовую защищать своих хозяев. Только эти люди занимают все руководящие посты в органах подавления народа каковыми являются НКВД, армия, советские органы, прокуратура и суды; в хозяйственных органах, предприятиях:

промышленных, сельскохозяйственных и других; органах, предназначенных для коммунистического воспитания, агитации и пропаганды, а также в разных так называемых "приводных ремнях" от партии к массам, т.е. комсомоле, профсоюзах и разных добровольных обществах, в объединениях писателей, художников и проч. Цели всех этих органов едины, лишь роли их разные: одни подавляют народ и высасывают из него последние соки, другие убеждают его в счастливой и радостной жизни, добываясь еще большего напряжения сил и сокращения своих мизерных средств и последнего куска хлеба в пользу строительства коммунизма, третьи поют славословия "вождю" и созданному им "раю". Главнейшей опорой власти является НКВД, контролирующее все прочие органы, и имеющее всюду свои щупальцы, свою агентуру, в том числе и в партийных организациях. Отсюда и обеспеченность энкаведистов самая высокая из всех служащих чинов, а кроме того они получают неограниченные безотчетные суммы для подкупа, организации сыска и прочих оперативных надобностей. НКВД пользуется наиболее полной и независимой властью на местах. Все прочие органы на местах руководятся непосредственно партийными комитетами, работники для которых подбираются с такой же тщательностью, как и для НКВД.

ВКП/б/ есть массовая боевая воинственная организация, вступление в которую добровольное. Она отличается от армии и НКВД тем, что кроме непосредственного подавления народа выступает как "организующая, направляющая и воспитывающая" в духе коммунизма сила, как универсальное оружие в руках кучки правителей. Спаяна она железной дисциплиной. О свободе мышления иди действия внутри партии не может быть и речи. Выполняется только приказ свыше. Своими рядовыми членами она вырастает глубоко в широкие народные массы откуда черпает информацию о настроениях, а также посредством этих своих членов ведет агитацию в массах и старается увлечь массы личным примером коммунистов. Вся руководящая каста в стране состоит из коммунистов и прошла школу коммунистического воспитания. Если директор завода или учебного заведения является совершенным невеждой, ничего не смыслящим в производстве или науках, то это не считается большой бедой, был бы он только надежным коммунистом. Но от этих людей требуется впоследствии приобретение знаний, необходимых для управления порученными им делами и к ним относятся слова Сталина: "большевики должны овладеть техникой". Безпартийные на руководящих постах даже в

низах, например среди председателей сельсоветов, колхозов, сельских кооперативов являются редкостью и их коммунисты обычно зовут "беспартийной сволочью". Качеству состава партии придается исключительное значение. Поэтому, в партии, как вам известно, периодически производятся жестокие чистки, посредством которых каждый раз изгоняются сотни тысяч людей, в том числе огромное количество очень преданных и зачастую идейных коммунистов. Деспот вместе с соратниками не останавливается перед отсечением от партии любого количества даже этих слепо преданных коммунистов, лишь бы застраховать себя от возможности оставления в ее видах самого минимального количества ненадежных элементов. Поэтому из партии так беспощадно изгоняются не только те, на которых лежит какое либо пятно, происходящее от родственных связей или попросту связей с неблагонадежными людьми, не только те кто проявил какое-то колебание в оценке правильности линии партии, но и все так называемые "мягкотелые", политически близорукие, т.е. люди, у которых сохранилось еще чувство человечности. Такие люди неподходящи для разбойничьей шайки. Вы можете вспомнить что каждая чистка партии происходит в точном соответствии с тем железным законом, о котором я вам говорил, т.е. сперва бешеное "закручивание", а затем "раскручивание". В этой второй стадии, когда уже чистка закончена проверяют тех, кто апеллируют на свое необоснованное изгнание из партии. Обычно огромное количество восстанавливается. Как и все коммунисты, чистке подвергаются все руководители разнообразных органов подавления, а также органов "воспитания", пропаганды и агитации. Кроме того идет повседневное очищение партии и всех этих органов от неблагонадежных, с точки зрения партии, людей. Вы знаете также, что для превращения коммунистов в "сознательных" и "политически грамотных" их без конца обучают большевицкой науке - "классовой ненависти" и борьбе с народом. Дабы навсегда покончить с разного рода оппозициями и колебаниями все приведено к одному знаменателю, каковым является воля вождя, окруженного ореолом гениальности. Он единственный считается непогрешимым. Самая возможность ошибки у него исключена. Поэтому, всякая мысль и директива, исходящая под этим именем не подлежат сомнению и каждый усомнившийся, будь эго самый заслуженный и ближайший, может лишиться головы, разделив предварительно нашу участь. Деспот превращен в кумир, божество, вера в которое всячески

прививается не только коммунистам и комсомольцам, но и в школах и всему народу посредством органов лжи. В прошлом году я сидел в общем корпусе. В нашей камере было 180 человек. Среди них находилось двое, которые побывали в Бутырке, в Москве, и им пришлось сидеть вместе со вчерашними "соратниками" Сталина. Конечно, им этим бывшим соратникам достается также как и нам здесь и они также "раскалываются". Они много рассказывали о закулисных дрызгах, подсиживаниях и доносах, царивших вокруг Сталина. В частности, они рассказывали какая жестокая борьба велась на протяжении многих лет между Орджоникидзе и Кагановичем, за степень близости к Сталину. Хотя упомянутые соратники, будучи еще в своих комиссарских креслах, знали о том, что их предшественники и коллеги постепенно уничтожаются, им казалось, что их это не коснется. Однако же, пройдя такой первоклассный "университет", как следствие в застенках НКВД, они хоть перед смертью поняли то, что многие наблюдательные люди далекие от наркомовских кресел уже давным-давно прекрасно уяснили себе: - а именно, что проведение всех гнусных и кровавых мероприятий в стране возлагается диктатором на своих "соратников", являющихся в данном случае подставными лицами. Дабы самому остаться вне подозрения, диктатор после исполнения ими кровавых заданий, обычно их удаляет. Причем методы удаления есть разные; в одних случаях над ними устраиваются громкие судебные процессы, как над изменниками и предателями, в других случаях они падают якобы жертвами террора, как это было с Кировым, организация убийства которого и заматание следов тщательно производилась "отцем народов". В этих двух случаях за уничтожением соратников следует уничтожение многочисленных их "единомышленников" или же "единомышленников" их мнимых убийц. В иных случаях соратники попросту "умирают" как например Горький, выполнявший гнуснейшую антинародную роль, после того, как он продался большевикам. Изречения из его гнусных творений вроде "если враг не сдается его уничтожают" - значительно пополнили небогатую терминологию палачей НКВД. Наконец, множество "соратников" попросту исчезают бесследно, как это было например с Петровским, Коссиором, Постышевым и другими. Таким образом непрерывно меняется состав кучки - "соратников". Может ли иначе поступать диктатор, желающий сохранить к себе "доверие" и "любовь" народа? Нет - не может. Если не убрать "соратника", руками которого производилась кровавая баня в стране, то естественно в глазах народа вина за эту баню обратится на самого "отца

и друга", чего допустить нельзя. Само собой понятно, что истреблению подлежат те из "соратников", которые окажутся умнее "вождя" или у которых имеется хотя бы тень критического отношения к "генеральной линии", или по отношению к которым возникает хоть тень сомнения в их абсолютной верности. "Вождь" болезненно подозрителен и этим часто пользуются некоторые из соратников, чтобы убрать своих соперников. Дольше других сохраняются те, кто на протяжении десятков лет абсолютно доказал Сталину свою полную покорность, полное раболепие, совершенное и бесспорное признание за ним всех гениальных качеств и вместе с тем своего ничтожества в сравнении с ним и несомненную готовность служить ему до последней кровинки, будучи готовым не задумываясь убить ради него родного отца или сына. Рабское подражание во всем даже в мелочах, вот первый признак этих людей. На этом основании можно безошибочно сказать, что вместе с волной нынешнего террора кончится и карьера Ежова, который выполнив возложенную на него палаческую задачу, должен будет "устраниться" для сохранения престижа вождя. Относительно чистки партии следует еще заметить, что посредством ее стараются очиститься от так называемого "балласта". Что это за балласт? Дело в том, что в периоды массовых вербовок в партии, как это было например в так называемый Ленинский призыв, принимаются компактные массы людей вступающие за "компанию", но отнюдь не по своим убеждениям. Часть их в последствии "переваривается" партией, превращаясь в активных коммунистов, часть хоть и остается пассивной, но будучи "социально близкой" и способной представлять хотя бы небольшую опору в массах, задерживается в партии. И наконец, некоторая часть для которой интересы и идеалы партии совершенно безразличны своим поведением не способствует укреплению влияния партий на массы и числится в партии лишь формально, не посещая собраний и не уплачивая членских взносов. Все меры для активизации этих членов партии оказались безрезультатными. Вот эта часть и является "балластом". Правда и для "балласта" не безразлично исключение из партии, хотя он и жаждет как бы отделаться от нее. Дело в том, что продав душу черту трудно вырваться из его объятий безнаказанно. Партия - это армия с жестокой дисциплиной. Всякий попавший в нее должен воевать вместе с ней против народа. Тот же кто не хочет воевать подпадает под лозунг - "кто не с нами, тот против нас" и рассматривается как враг, как изменник. Если человек малограмотный и незаметный, то уход или исключение может оказаться иногда безнаказанным. Но если он грамотен и

более или менее видный, путь его неизбежно в тюрьму. Во всех случаях - ухода ли, исключения ли из партии, эти лица попадают в черные списки НКВД и рано или поздно поплатятся. Слова Сталина о том, что всякий исключенный из партии является хорошим материалом для врагов народа и иностранных разведок прямо указывает на неблагонадежность этих людей. Не подлежит сомнению что идейных коммунистов есть лишь ничтожный процент и, по-видимому, главным образом среди молодежи еще напищенной только теорией и не успевшей окунуться в кровавую большевицкую практику. Не подлежит также сомнению и то, что абсолютное подавляющее большинство из вновь вступающих, в особенности же в последние годы, руководствуются соображениями личной выгоды, надеясь, будучи коммунистом, получить лучшую работу и улучшить свое бедственное положение. Весьма показательны, что высококвалифицированные рабочие, не рассчитывающие на улучшение своего материального положения после вступления в партию, очень неохотно вступают в нее, и как правило среди заводских коммунистов эта категория рабочих невелика. Большинству вступивших в партию на предприятии так и не удастся поправить своих материальных дел. Но попав, уже не выберешься, как рыба из верши. Если коммунисты занимающие разные выгодные посты, дерутся за политику партии, чтобы не потерять своего положения, то для рядовых коммунистов, не имеющих никаких материальных выгод, пребывание в партии является тяжким бременем, если учесть те многочисленные и порой чрезвычайно тяжелые задачи, которое им в порядке партийной дисциплины приходится выполнять сплошь и рядом вступая в борьбу со своими товарищами рабочими или сослуживцами или соседями. Взять хотя бы разные компании как например распространение займа, агитация за разного рода кандидатов, агитация за поднятие производительности труда, за сверхурочные работы и за сокращение оплаты труда. А в деревне борьба за сдачу государству хлеба, а в свое время зверское раскулачивание и выселение. Все это проводится в первую голову руками коммунистов, причем от коммуниста требуется более высокая производительность труда на производстве. Он должен везде служить образцом рабской покорности власти и молчаливого несения любого бремени возлагаемого партией на народ. Перед коммунистом ставится партией так вопрос: "ты имеешь только обязанности, но никаких особых прав". Полного доверия в партии ни к кому не существует. Доверие есть лишь относительное и зиждется оно на принципе: "доверять проверяя"

и проверять доверяя". Да это и понятно, ибо деспот знает, что степень "любви" к нему даже самых отъявленных бандитов из НКВД зависит очевидно, на 90% если не больше от тех материальных благ, какие этот бандит получает. Правда, как я уже говорил вначале, кроме материальных благ, которые связуют этих людей между собой и привязывают к "отцу и другу" есть еще ряд связывающих их факторов - это прежде всего та палаческая роль, которую они выполняют совместно все только в разной степени в отношении народа. Эту палаческую роль в какой либо степени выполняет каждый коммунист за исключением разве явного и совершенно безнадежного "балласта" о котором еще ходит в партии довольно распространенное выражение как о коммунистах "не желающих ссориться с людьми". Коммунист должен только ссориться, давить и обманом увлекать своих товарищей безпартийных. "Кадры решают все" - этот лозунг Сталина имеет необыкновенно большое решающее значение во всей политике проводимой большевиками внутри страны и вне ее. От качества и количества кадров зависит все и в конечном счете разрешение вопроса "кто кого" в мировом масштабе, т.е. совершение мировой революции. Не говоря об учебных заведениях, готовящих разного рода специалистов производственников, имеется громадная сеть школ и ВУЗ-ов, готовящих партийные и политические кадры, кадры мастеров лжи, кадры НКВД, обучая их методам пыток и провокаций, кадры шпионов НКВД для заграницы и т.д. Особенное внимание уделяется "вождем" мирового пролетариата подготовке кадров для заграницы. Есть целая сеть высоких учебных заведений при Культпропе ЦК для подготовки таких кадров. Молодежь обоего пола подбираемая в эти учебные заведения проверяется исключительно тщательно. В этих учебных заведениях она изучает в совершенстве иностранные языки, законы и обычаи того или иного государства, танцы, песни, манеры поведения в обществе - одним словом все необходимое для того, чтобы сойти за чистокровного немца, англичанина, француза, итальянца, поляка, т.е. за гражданина той страны, куда это лицо будет заброшено. Само собой разумеется их тщательно обучают марксизму-ленинизму, а паче всего Сталинизму, с тем, чтобы эти люди, будучи заброшены за границу с фальшивыми паспортами данного государству устроились например в качестве рабочих и оставаясь вне подозрения вели бы по мере сил разрушительную и подрывную работу внутри страны, вызывая забастовки, выступая на митингах, помещая статьи в газетах, создавая и обрабатывая общественное мнение и готовя кадры для

революции из окружающих их людей посредством личного контакта. Таким образом эти люди как заразные микробы будучи заброшены в здоровый организм другого государства должны нащупать себе благоприятную почву, плодиться, размножаться, распространять заразу и готовить революцию. А в случае созревания революции делать ее и становиться первыми кадрами при ее победе. Все это я говорил о первой категории господствующей, являющейся опорой власти и ее кадрами, а также более подробно остановился на партии, как массовой организации, уходящей своими корнями в народную массу. Весь остальной народ можно отнести ко второй категории, общим уделом которого является нищета и безправность. Это категория рабов. Единственное обращение к нему со стороны деспота и его опоры, как я уже сказал, заключается в слове "давай"! Конечно не все эти люди одинаково материально обеспечены. Есть среди них например крупные специалисты и ученые, из которых не всегда одним "давай" можно выжать то, что нужно, например для вооружения армии или каких-нибудь важных государственных целей. Тут приходится за счет увеличения нищеты народа немного "подмазывать", чтобы создать некоторую личную заинтересованность в изобретении или поднятия производительности труда. Для этой цели, как я уже упоминал, служат в качестве приманки и ордена и премии, а также разные звания. Естественно, что среди многомиллионных беспартийных масс есть также немало служащих власти не за страх, а за совесть, будучи "беспартийными большевиками", т.е. людьми продавшими свою душу, но еще не успевшими оформиться с членством партии. Есть масса людей, которые работают не за совесть, а за деньги или за страх и занимаются очень гнусными делами, как например сыщики НКВД, которых имеется колоссальное количество. Но есть также немало ученых или например больших спецов, которые работают исключительно за страх, будучи предупреждены органами НКВД и давшими подписку о том, что при невыполнении ими заданий, они и семьи их подвергнутся жестоким карам вплоть до уничтожения. Само собою разумеется, что те целые армии ученых специалистов, которые находятся в заключении в том числе и приговоренные к расстрелу и официально "расстрелянные", вынуждены продуктивно работать ради куска хлеба, так как в конц-лагерях количество и качество пищи зависит исключительно от производительности труда заключенного. Жизнь каждого человека и на свободе так или иначе зависит от власти. Никто ведь не может иметь частной собственности, могущей давать средства к жизни.

Будь ты любой специалист, любой высоко квалифицированный мастер, ты можешь приложить свой труд лишь в государственных мастерских. Если же ты, будучи слесарем думаешь дома открыть мастерскую, то через короткое время ты лишишься не только мастерской, но и свободы ибо такая установка даваемая финансовым органам, чтобы любой ценой задушить всякое частное производство. Поэтому не удивительно, что такой слесарь, или сапожник, который при максимальном напряжении мог бы заработать в год скажем три тысячи рублей, получит налогу не менее пяти, а то и десяти тысяч рублей, выплатить который он будет не в состоянии и придется "отрабатывать" за недоимку в каторге. И вот несмотря на ужасную нищету и безправие народ терпит. Все те, кто не хотел терпеть и хотя бы словом выражал неудовлетворенность, давным-давно погибли. Уж не говоря о бывших политических противниках или же "социально чуждых". Для существующего строя опасен каждый умный и критически мыслящий человек. Вот почему с такой нескрываемой подозрительностью власть относится и к чистокровнейшей советской интеллигенции, вышедшей из недр пролетариата и деревенской бедноты. Уж давно оказались опасными и старые идейные большевики, которые пройдя через подполье, тюрьмы и ссылки во времена старого государственного строя, подготовили и совершили революцию, веря что они борются за подлинную свободу, что они её добудут сами и принесут народу. Эти старые идейные большевики, видя, что делается в стране нечто неладное, видя что на смену так называемому "кровавому царизму" в кавычках пришел безпримерный кровавый деспотизм без кавычек, между собой говорили об этом, порой выражая удивление и возмущение. Это было несколько лет назад, когда они объединялись в разного рода общества: "политкаторжан", "политссылных" и "общества старых большевиков". Конечно такое свободомыслие не могло быть терпимо со стороны Сталина. Эти общества были разогнаны, ибо они давно свою роль сыграли и больше были не нужны, а члены их: бывшие политкаторжане, политические ссыльные и старые большевики пошли в тюрьмы и на каторгу. Если сейчас где либо встретите чудом уцелевшего старого большевика, то лишь потому, что он никогда не был идейным, и скорее всего лишь формально числившагося старым большевиком. В абсолютном большинстве это люди малограмотные рабочие и крестьяне; остальных нет. Но держать многомиллионный народ в подчинении посредством исключительно голага подавления все же долго немислимо. Поэтому на ряду с подавлением проводится неустанная бешеная

агитационная и пропогандно воспитательная работа, построенная исключительно на лжи. Эта, отравляющая сознание людей деятельность власти рассчитана прежде всего на молодежь, не видевшую ничего кроме советского "рая". Людям стараются привить веру в то, что в С.С.С.Р. существует безпримерная свобода, о которой "мечтают" трудящиеся всего мира, "задушенные" буржуями и совершенно "безправные", что здесь в С.С.С.Р. существует подлинно зажиточная счастливая жизнь в то время как в капиталистических странах - "нищета, голод и рабство". Они учат эти "науки" тому, что весь мир ополчается против единственной страны трудящихся, хочет свергнуть власть трудящихся и поработить их вернув те "страшные" времена какие народ испытал при царе. Кроме того, эти науки прививают мысли о том, что Бог - выдумка попов; грех, совесть, честь - это все буржуазные предрасудки и хитрость, которыми капиталисты и помещики пытались удержать народ от борьбы против их власти. Врожденное человеколюбие клеймится как мещанство, как буржуазный пережиток, рассчитанный на воспитание в людях мягкотелости и непротивления злу. Дружба и панибратство рассматривается как преступное государственно-опасное явление, направленное против классовой борьбы, обуславливающее примиренчество к "врагам народа", политическую близорукость и благодушество. Любовь даже к родным, к семье допустима лишь при условии если семья коммунистически настроена и тем самым является как бы первичной коммунистической ячейкой. Где же этого нет, где другие члены семьи имеют не коммунистические взгляды, в отношении к ним может быть только классовая ненависть и борьба как с врагами. Отсюда неизбежно должны следовать доносы и предательства своих родных. Любовь к своему народу, к своей нации является буржуазным национализмом, любовью к своей национальной буржуазии, как единственному носителю национальной идеи, ибо пролетариат и другие слои трудящихся не имеют отечество; их отечество - весь мир. Должна быть любовь лишь к С.С.С.Р. как к передовой ударной бригаде мирового пролетариата и плацдарму мировой революции, но отнюдь не как к России. Отсюда слово русский всюду искореняется. Оно оставлено разве что для анкет, где спрашивается какой вы национальности и то для того, чтобы выяснить не поляк ли вы, или латыш, или немец и т.д. Желание иметь частную собственность, даже маленькую, есть тенденция буржуазная, поему подлежит осуждению и пресечению; так даже мелкая крестьянская собственность осуждена и уничтожена, ибо она является корнями

капитализма, рождающегося из нея "ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе" /Ленин/. Человек может быть счастливым и свободным, будучи гол как сокол. В результате получается, что если хочешь жить - служи власти. Любить нужно великаго и мудраго вождя, окруженного ореолом мученичества, героизма, гениальности и славы. Он не просто человек. Он сверхчеловек, ни одного такого, как он, в стране нет. Он "страдал" "за благо" народа и во имя этого блага /неизвестного народа/ нужно терпеть нищету и лишения и помнить, что жизнь в С.С.С.Р. в сравнении с заграницей подлинный рай за что нужно благодарить и славить "отца и друга", за счастливое детство, за счастливое отрочество, за счастливую и радостную жизнь. И вот вера в вождя прививается не на шутку особенно детям, в результате нет счета случаям когда дети, для которых Сталин стал кумиром, явились доносчиками на своих родителей и погубили их, а вместе с ними погибли сами, попав в ссылку или ужасные дома беспризорных. Главнейшей целью является воспитание вражды и ненависти к человеку, ибо вражда и ненависть составляет краеугольный камень всего советского общественного здания. Эта ненависть так называемая "классовая ненависть", должна быть направлена как против явных врагов советского строя и против разного рода уцелевших "чуждых" элементов, как например духовенство, - так и против "потенциальных". Потенциальным же врагом предполагается всякий человек, начиная от колхозного конюха и кончая наркомом СССР. Не даром и вчерашние стахановцы конюхи и орденоносные наркомы дают сегодня показания в НКВД, а многие сегодняшние будут давать завтра. Поскольку эта наука предполагает в каждом врага, она учит большевицкой бдительности, т.е. взаимной подозрительности одного человека к другому, слежке одного за другим и доносов. Она всячески разнуздывает и поощряет худшие инстинкты человеческой природы против которых и направлено как раз вера, любовь к ближнему, совесть, честь и т.д. - Никаких моральных препятствий для злобного человеконенавистничества не существует. Наоборот все эти злодеяния считаются высшей моралью и объявляются делом доблести, чести и геройства. Такое организованное в государственном масштабе растление человеческих душ, особенно молодежи и детей, над чем работают миллионные армии мастеров растления и виртуозов лжи, - ведет к ужасному извращению человеческой природы и к ее вырождению. У людей и, повторяю особенно у молодежи и детей, юные души которых весьма податливы, развивается чувство злорадства, жажды крови, садизма

- наслаждения человеческими страданиями вместе с завистью и стремлением к наживе обуславливает целые потоки клеветы. Есть масса людей уже давно специализировавшихся на всем этом. Охота за человеком делается любимым их занятием. Есть разные охотники: одни охотятся на зверей и птиц потому что это является их хлебом, но есть и любители охоты, которые убивают искусства ради, это убийство доставляет им наслаждение. Точь в точь та же картина у нас в стране среди многочисленных охотников на людей. Одни из них занимаются этим подлым ремеслом веря, что это нужно для "пользы социализма"; другие делают это ради материальных выгод, а третьи просто ради самой охоты, доставляющей им наслаждение. Но все они выслеживают, их глаза и уши настораживаются и стремятся поймать кого либо на "крамольных" разговорах и даже взглядах. Это является у них жизненной необходимостью. Если не удастся никого поймать, то в ход пускается клевета, ибо в одних случаях за такого "пойманого" так или иначе вознаграждают, а в других это делается ради того, чтобы насладиться его мучениями. Человеконенавистничество, жажда крови, упоение человеческими мучениями - вот те основные большевицкие качества, которые прививаются молодежи. И жутко подумать, что будет через одно поколение хотя бы. Особенно отличающиеся в этих кровавых жертвоприношениях вампиры, предающие своих родителей и родных братьев на гибель, всячески награждаются. О них трубят газеты, радио, о них пишут огромные повести, им присваивают звание героев и ставят им памятники. Вы видите, таким образом, что правда, истина, все доброе и человеческое осуждается, преследуется, истребляется и объявляется злом. Все же чудовищное безчеловечное и насквозь лживое объявляется единственной правдой и добром. Правда для такой власти смертельно опасна, потому нетерпима. Правдой для нея является то, что сегодня выгодно. Поэтому не диво если сегодня будет объявлено как "правда" и "добро" то, что вчера поносилось и третировалось, а через месяц за то, что сегодня считается "правдой" будут сажать в НКВД. Есть лишь одна незыблемая истина у большевиков - это конечная цель, т.е. завоевание мира. Особенно наглядно проявляется лживость политики в ее двойственности. Любое проводимое мероприятие имеет две стороны медали, два лица. Одна сторона лживая, рассчитана на обман своего народа и мирового общественного мнения. Она выкрашена в демократические цвета, разукрашена гуманнейшими лозунгами о свободе и равенстве, о законности и защите человеческих прав, о создании благосостояния народа. Венцом

этой лживой фасадной стороны является "самая демократическая Сталинская конституция". Другая сторона действительная выражается в диком грабеже, эксплуатации, в безпримерном произволе, терроре, лишении всех прав человеческой личности, подавлении свободы слова, собраний и жестоком преследовании веры в Бога. Человек - с точки зрения заправил, это мусор. Никакой ценности он не имеет и нужен лишь как рабочий скот. Чтобы легче загнать рыбу в сети обычно часть рыбаков, т.е. мутители специально мутят воду. Так вот целые армии мутителей посредством газет, радио, докладов, лекций, посредством составления разных повестей и романов, посредством фальсификации истории и наук, мутят умы нашего народа и всего мира, создавая своей сумасшедшей шумихой, восторженными криками и барабанным боем, первую фасадную сторону государственной политики. Они на лету подхватывают всякое сказанное "хозяином" "мудрое" или "историческое" слово, /иных слов у него нет/ облекая его удобоваримую шелуху "исторических", "философских", "экономических" и "научных" обоснований, назойливо всеми средствами трубя в уши народу, доказывая ему и внушая, что эти слова есть единственная святая правда. Такая истерическая шумиха без конца и края идет например вокруг материального благосостояния населения нашей страны. Вслед за "вождем", мутители неустанно кричат о том, что в стране создана "счастливая радостно-зажиточная жизнь". Это в то время когда наш народ задыхается от беспримерной нищеты, когда он гол и голоден, имеет жалкие жилищные условия и лишен топлива в лютые зимы. Мутители вслед за "отцем и другом" поют о беззаветной любви народа к советской власти и коммунистической партии, в то время как в действительности народ смертельно их ненавидит. Мутители надрываясь трубят на весь мир вслед за "самым мудрым" о безпримерной "самой демократической конституции" в то время как этой конституцией прикрывается совершенное безправие народа и лишение всех даже элементарнейших свобод, о которых так звонко проповедывает конституция. Мутители захлебываются от восторга о самых демократических выборах, тогда как в действительности эти выборы явились величайшим лицемерием, величайшим надувательством. Никто никого не избирал, а под страхом попасть в НКВД миллионы людей не заглянув в данные бюллетени поспешно опускали их в урны, да еще вынуждены были улыбаться, чтобы их не заподозрили в каких либо их намерениях. Одновременно же разгулявшаяся в стране волна арестов в

канун выборов и после них сделала бешеный скачек вверх. Вот это и есть две медали: лживая и истинная. Нормально мыслящему человеку не вкладывается в голову, как это можно говорить о счастье, радости и зажиточности человека умирающего с голода или же о том, что самым свободный человеком является тот, который боится даже во сне проговориться, или же своим взглядом вызвать подозрение. Так у нас дело и обстоит, и только так - чёрное приказано считать белым, а белое черным. Безысходную нужду и смертельный страх мы обязаны именовать величайшим счастьем, зажиточностью и свободой. Кто не согласен и дерзнет назвать нужду нуждой, а террор террором - тот должен погибнуть. Теперь заметьте себе вот что, это то что мало кто понимает и замечает: ни одно мероприятие не проводится в стране посредством явных и открытых директив. Такие явные открытые директивы издаются, печатаются в газетах, но это лишь фасад, это все та же лживая сторона дела. Действительными же директивами, директивами действия есть директивы тайные строго засекреченные. Они дождем сыпятся от высших органов к низшим по разным линиям: партийной, советской, НКВД, суда, прокуратуры, профсоюзов, комсомола, промышленных и прочих предприятий. Запечатаны эти директивы сургучными печатями от одной до пяти, имеют разное обозначение. Менее секретные: литера "А" или "В" и совершенно секретные "серия К" и т.д. Особо важные директивы подлежат немедленному возвращению. "Серия К" может быть вручена лишь лицу, которому она адресована. В этих директивах строго установлен круг лиц, который может быть ознакомлен с ними. Много есть таких директив, которые может прочесть один лишь секретарь парткомитета, которому она была адресована и спешно вернуть ее. Не приходится говорить о той строжайшей секретности с которой ведется переписка НКВД. Точно такой же поток тайных бумаг и под аналогичными же обозначениями в зависимости от их секретности, без конца плывет снизу вверх. Для перевозки такого огромного количества тайных пакетов при НКВД есть специальные группы фельдгеров из особо проверенных, надежных, расторопных, смелых и хорошо владеющих оружием коммунистов. Как видите эти тайные бумаги предназначаются для ознакомления лишь того или иного круга лиц. При советских профсоюзных, кооперативных, начиная с районных учреждений, а также предприятиях имеются так называемые "спецсекторы", где за толстыми решетками и окованными железом дверями в несгораемых шкафах под сургучными печатями хранятся

эти тайные бумаги и мобилизационные планы на случай войны. На должность работников спецотделов /секторов/ подбираются особенно надежные коммунисты, тщательно проверяемые НКВД, посредством: составления этими лицами длинных анкет, а также запроса органами НКВД характеристик на такое лицо в разные места его прежнего проживания и работы. Лишь после утверждения НКВД такое лицо может быть допущено к специальной работе, дав предварительно специальную подписку в НКВД о хранении тайны. Само собой разумеется, что так называемые "избранники народа" как например члены районного исполнительного комитета или городского совета, не имеют понятия о том, что все делаемое райисполкомом или горсоветом делается по тайным директивам. Многие из них даже не подозревают о наличии спецсекторов. Да это и понятно ибо все эти "избранники" есть власть фиктивная /фиговый листок/ - подлинная же власть в районе находится в руках бюро районного комитета компартии и РОНКВД, следящего и за райкомом. Как известно все заседания партийных органов кроме партсобраний, имеющих агитационный характер, бывают исключительно закрытыми, тоже комсомола, тоже райисполкома, где могут присутствовать лишь люди, вызванные по делу. Почему же все делается секретно, тайно, от кого прячутся? От народа. Почему? Потому что все эти директивы и заседания направлены против народа иначе не было бы нужды в засекречивании. В качестве наглядного примера того, как проводится двойственная политика, возьмем хотя бы коллективизацию. На пленуме ЦКВКП/б/ в декабре 1929 года Сталин сказал несколько незаметных слов о коллективизации. По директиве ЦК мутители вместе со всей партией подняли подлинный вой вокруг пользы коллективизации. Начали собирать собрания крестьян, объяснять, убеждать, но те ни с места. Но это была только парадная шумиха для прикрытия ею своих черных дел. Подлинные же партийные директивы гласили, что нужно, дескать, наметить всех тех кто может оказывать сопротивление коллективизации, нужно, мол, повести наступление бедноты на кулацкие элементы, ликвидировав их как класс. По линии же ГПУ были даны точные разверстки сколько народу из этих раскулаченных и других могущих мешать коллективизации отправить в ссылку. Ну и началась волна безпримерного грабежа и истребления ни в чем не повинных людей и отправки в далекую Сибирь, где они гибли миллионами. Таким образом прикрываясь красивыми докладами на собраниях крестьян, партия вместе с НКВД и так называемым "активом" руками беднейших слоев деревни, а также разных авантюристов из других

слоев ограбили миллионы крестьян и погнали их в ссылку, а народ в страхе должен был идти добровольно в колхозы. Всякий побогаче или победнее так или иначе противившийся коллективизации изолировался. Тайные директивы летящие сверху одна за другой на чем свет ругали местные органы, за медленные "рабские" темпы коллективизации, грозили снятием с работы местных партийных руководителей, объявляли выговоры и т.д. Из больших городов на подмогу местным органам партии и ГПУ были брошены тысячи коммунистов, студенчества, профессуры и наготове были отборные войска ГПУ. Цель была одна загнать крестьянство в колхозы. Районные комитеты без конца подвергали наказаниям, исключениям из партии, во многих случаях предавали суду коммунистов за неумение или нежелание загнать людей в колхозы, за "кулацкие настроения" - одним словом за слабое закручивание гайки. Целые области были коллективизированы на 100%. Газеты и радио с восторгом повествовали на весь мир о "победе" коллективизации, о величайшем повороте крестьян в сторону социалистических форм земледелия. Конечно они ни слова не говорили о том какой ценой страшного террора крестьяне были "повернуты" в сторону колхозов. Сопротивление крестьянства было огромным. Местами вспыхнули возстания. "Великий вождь" не замедлил потопить в крови взбунтовавшихся. Цель была достигнута и от первой стадии шедшей под лозунгами "громи, крути, бей, нещадно ломай сопротивление", можно было перейти ко второй стадии. Величайший обманщик и надуватель выпускает два письма наверняка заготовленных одновременно с первой тайной директивой о раскулачивании. Эти лицемерные письма назывались: одно "головокружение от успехов", а другое "ответ товарищам колхозникам". Организатор чудовищного насилия и убийств выступил в роли "защитника" несчастных крестьян от ... перегибщиков. В своих письмах он говорил, что никого силой нельзя гнать в колхоз, что это дело добровольное. Вместе с тем посредством тайных директив было велено кое кого для видимости наказать за "перегибы". Парторганы и ГПУ подобрали из менее ценных и конечно меньше всего повинных в "перегибах" и предавали их карам. Специальные агенты партии сновали среди народа, разжигая в нем чувство благодарности к великому и доброму вождю и писали письма благодарности за подписями тысяч обалдевших от радости людей /ведь нашелся же "защитник"/ и одновременно брали "на карандаш" всех так называемых "инициаторов развала" колхозов. Таким образом дело было сделано и убийца был не

только оправдан, но еще и засыпан благодарственными письмами как "отец и благодетель". Местами начался сильный отлив из колхозов. Но вампир и вся его дьявольская шайка не дремлет. Наряду с его письмами, публикуемыми в газетах, летели тайные директивы о том, что "если вы допустите до развала колхозов, то вам не сдобровать". Тут же давались директивы как закрыть выход из колхозов, как обставить дело так, чтобы люди просились в колхозы. Целая армия агитаторов и террористов, направленные в села работали над укреплением колхозов. И вот после некоторого отлива основная масса задерживается в колхозах. Им сделали уступки, вернули коров и кур и еще кое что, но зато изъяли инициаторов развала колхозов. Видит народ положение безвыходное. Кое где подают заявление о роспуске колхоза, подписывая его всеором, чтобы не обнаружили первого зачинщика. Но "зачинщиков" находили, раскулачивали и выселяли, а остальные, если кто ушел из колхоза то поспешили вернуться в него. Это типичный образец по которому проводятся все мероприятия в стране, требующие подавления народа. Во всех случаях будет неизбежно две стороны медали: лживая открытая для наивных людей и подлинная тайная для действия, а также две стадии: "закручивание" и "раскручивание". Теперь вы можете убедиться как наивен, как доверчив народ. Стоило деспоту кровопийце сделать надлежащий шаг, надеть овечью шкуру, наказать для отвода глаз пару "перегибщиков", - и наивные люди поверили, что уже изменилась политика. Вот вам право и законы! На основании какого же права и закона ограблены и истреблены миллионы людей? А ведь еще недавно перед тем были изданы "законы" о развитии среди крестьянства культурных хозяйств, о поощрении их, о помощи им. В результате этот закон оказался "что дышло - куда повернул туда и вышло", как гласит народная пословица. И все "культурные хозяева" охранявшиеся законом, сегодня даже без отмены этого закона оказались истребленными. Можно сказать лишь одно, что право и закон - это сила, грубая сила. Спрашивается сколько же раз можно обманывать? Очевидно без конца. И каждый раз поверят. В этом наивном доверии трагедия нашего народа, да и всего мира, в том числе и больших людей. Все пасуют перед лицемерием, маскировкой, ложью, забывают что существо власти остается неизменным, что цели остаются незыблемыми, что меняется только тактика, что в зависимости от хода надевается и разная шкура. Об этих тактических виляниях, оправдывая целью любые средства, гласит наука и Ленина и Сталина и все же люди без конца попадают на удочку каждый раз

забывая о многочисленных кровавых уроках и хотят верить, что волк может отучиться есть мясо и перейти на сено - наивные надежды. Я уже говорил какую душерастлевающую роль имеют советские науки. А ведь есть множество мастеров опутывать умы людей. Есть попросту шулера и фокусники среди пропагандистов. Я знал некоторых среди молодежи, которые были заядлые противники советского режима, но спустя несколько месяцев я в их лице встретил столь же заядлых комсомольцев. Вот что значит умелая пропаганда, как бы она лжива не была. Поэтому не диво, что огромное количество людей проникается коммунистической психологией. В этом же направлении очень успешно работают газеты, радио, публицистика и художественная литература, драматургия, кино и т.д. Возьмите вы хотя бы следствие. И среди палачей есть мастера убеждать людей. И убеждать то им приходится человека не в пользу советского строя, это куда легче сделать. Им приходится убеждать вас, что вы преступник и что же? Немало есть случаев когда арестованный без единого удара или ругательного слова "убеждается", что он враг и подписывает свой смертный приговор. И это случается не только с простыми малообразованными людьми, может быть с ними это даже реже случается. Случается же это преимущественно с коммунистами. Очень характерный пример с Г...м делом. О процессе по этому делу говорят писали в газетах и вы очевидно читали. По делу проходила группа районных и сельских работников в числе семи человек. Во главе их "организации" был секретарь района ВКП/б/ по фамилии Е. Они здесь сидели под следствием всего два с половиной месяца. Я сидел как раз в камере с Е. Это человек имеющий высшее образование, говорят довольно способный и хороший организатор имеет награду /орден Ленина/ за работу в качестве начальника политического отдела МТС. И вот ему на следствии энкаведисты внушали, что им хорошо известно, что он и вся группа ни в чем неповинны, но для мобилизации бдительности парт-организации области против действительных врагов народа им надо устроить инсценировку процесса над ними как над врагами народа и присудить их к расстрелу, после чего они будут увезены и затем освобождены и переведены в другие места на более крупные должности в виде компенсации за разыгранные ими роли врагов народа. И что вы думаете? Е., а за ним и вся группа согласились. Сколько с ним не спорил бывший секретарь Р.К. А. /это о нем я говорил, как о сидевшем в Бутырке/ доказывая что это провокация, что эта инсценировка закончится их расстрелом. Е. и слушать не хотел, ругал А. за близорукость, хвалил НКВД

и Обком партии за находчивость. Затем Е. забрали из камеры и поместили всю его группу вместе, что совершенно недопустимо с точки зрения ведения следствия. Дали бумагу, чернила и они сообща сочиняли свои безумные показания. Кормили их прекрасно, давали хорошие папиросы. Дали им целую библиотеку, тогда как здесь за клочок от листа книги сажали в карцер. На процессе все обвиняемые обильно поливали себя грязью и все были присуждены к разстрелу. А через 72 часа все были разстреляны. А ведь это не единичный случай. Сколько погибло людей от таких провокаций особенно из числа доверчивых коммунистов. Красиво? Не правда-ли? Вот что значит сила убеждения. Люди могли пойти даже на такую страшную провокацию, столь доверчиво, столь легкомысленно!"

Хотя все то о чем рассказал проф. М. я знал, много видел, но я не понимал и совершенно не представлял себе, что ничего в стране случайно не делается, что делается все закономерно по единой системе. М. попросту открыл мне глаза на то, что творилось в стране. Отсюда нетрудно было предвидеть что будет дальше. Можно было без ошибки предположить, что дальнейшая политика пойдет по линии усиления эксплуатации, лишения народа последних остатков элементарных человеческих прав и что все это пойдет той же двойной линией, с одной стороны линией обработки умов, а с другой стороны линией еще большего террора. Поблагодарив проф. М. за столь ценное объяснение я попросил его объяснить мне причины арестов огромных масс народа даже тогда когда кажется видимой причины для этого нет. После обеда М. продолжил свою беседу.

"Конечно, говорил М.," подобные нынешнему кровавые ураганы не есть случайные или следствие разгула каких то обезумевших выродков "перегибщиков". Большевизм находится все время в состоянии войны. Как с народом нашей страны, так и со всем миром. Поэтому, время от времени, в связи с создавшейся ли обстановкой внутренней или внешней, в связи ли с "боевыми задачами", которые предстоит разрешить в ближайшее время внутри страны или вне ее, меняется тактика большевизма, и изгибается "генеральная линия партии". Когда то Ленин в своих статьях поучал, что "марксизм не догма а руководство к действию", что мировая революция, как уже показал опыт истории, будет развиваться не гладко, а скачкообразно, зигзагообразно, и что в соответствии с этим нужно будет все время менять тактику партии, лавируя виляя. Что линия партии не может быть ровная и прямая, а должна быть гибкая и эластичная приспособляясь к обстановке внутри страны и к международной

ситуации. Ленин дал тогда решительный отпор внутрипартийной оппозиции, выступавшей против введения НЭП-а, каковой является крупнейшим "изгибом" "генеральной линии", о которой Ленин говорил: "отступаем, чтобы разбежаться и прыгнуть дальше". Таким образом изгибание и виляние "линии партии" было благословлено Лениным и Сталин такого рода тактики строго придерживается, неизменно держа курс на единую заветную цель - мировую революцию. Поэтому ничего нет удивительного, что например в армии введены звания лейтенантов, капитанов, майоров, полковников, маршалов. Ничего не будет странного если появятся генералы и золотые погоны. Ничего не будет удивительного, если в хозяйственной структуре произойдут изменения, которые многим покажутся отступлением большевиков от своих позиций. Не должно вызывать удивления, если "великий вождь" провозгласит себя "великим императором". Все это тактический виляния вызываемые конкретной обстановкой. Изменяющаяся обстановка требует изменения тактики и перестройки рядов. На этих изгибах линии особенно многочисленны жертвы. "Боевыми задачами", которые предстоит разрешить в ближайшее время внутри страны или вне ее вызывается необходимость перестройки рядов. Для перестройки рядов производится чистка партии от враждебных слабых и непригодных элементов и сплочения вокруг ЦК, т.е. Сталина оставшихся с помощью страха, который на них нагнала "чистка". С этой же целью уничтожается в стране все разумное и мыслящее, которое могло бы при благоприятных обстоятельствах проявить недовольство и влиять на других. Это называется "парализовать" возможную активизацию врага. Трудно сейчас сказать к каким боевым задачам готовится Сталин. Можно полагать что какие то важные мероприятия будут проведены внутри страны, а вслед за тем намечаются какие то сложные задачи и в заграничной политике. Очень вероятно, что предстоит война. Об этом можно судить по небывалой до сих перестройке как внутри партии так и в армии и во всей стране. Как и каждая волна террора так и эта сводится к следующим трем главным задачам: первая, как говорилось выше - уничтожить все разумное, могущее критически мыслить в случае крутого поворота в политике, имеющее или могущее иметь влияние, а также много знающие. Вы ведь знаете, что сейчас самым несчастным образом арестовываются и уничтожаются все руководящие кадры, т.е. самые опытные, видные и многознающие коммунисты, не взирая на их заслуги и на их таланты и пользу которую они могли бы еще принести. То же делается и в армии.

Значит миссия всех этих людей закончена, они должны быть заменены. Смотрите, ведь за пол года сменено четыре секретаря Обкома партии, четыре председателя облисполкома, три начальника УНКВД и все они арестованы. Ясно видно, что берется ставка на молодежь, причем за умом и талантами особенно не гоняются, главное был бы слепо предан и беспредельно послушен, будучи готов выполнить любое задание во славу вождя. Как видите перестройка кадров серьезная, коренная. Вторая цель, которая неизбежно преследуется при каждой волне террора это запугать народ сделать ему прививку страха, чтобы он не думал поднимать голову, а продолжал бы тянуть свою рабскую лямку. Но вместе с тем известные уже нам "мутители" день и ночь будут вопить надрываясь о том, что великий, мудрый заботливый отец ведет истребление врагов народа посягающих на спокойствие и благополучие страны. Опять "отец и друг" в роли защитника народа и терроризирует народ ради его собственной пользы. И третья задача, являющаяся постоянной - это очередное пополнение армии бесплатных рабов, руками которой и на костях которой строятся гиганты индустрии, проводятся ББК /Беломор. Балт. Канал./ Канал Волга-Москва, разные шоссейные и железнодорожные магистрали на необъятных сибирских просторах, разрабатывается тайга, добывается золото и т.д. Для всех этих колоссальных работ понадобились бы астрономическо большие суммы денег для оплаты труда. Откуда же их взять и зачем, раз имеются десятки миллионов рабов. Эти погибают, новые подрастают. Из разных источников определяется, что постоянный состав заключенных, выполняющий рабский труд исчисляется в 15-20 миллионов человек. Встает вопрос как же осуществить это изъятие людей, предназначенных на истребление и в каторжные колонны? На выручку приходит старое, как большевизм испытанное средство лжи. Тиран дает клич и вслед за ним начинает бить тревогу партия со всеми своими "приводными ремнями" и армия специалистов-мутителей. Подымается сплошной вой об ужасных вредительствах, саботаже, о готовящихся покушениях на "отца народов", о раскрытии неисчислимого количества разных сортов к.-р. организаций. Кстати этих несуществующих "организаций" раскрыто теперь больше чем когда бы то ни было, ибо в соответствии с июньской директивой Сталина и Молотова поставлена задача широчайшей чистки населения страны. Потому среди раскрытых "организаций" можно видеть троцкистские, правотроцкистские, меньшевицкие, эсеровские, буржуазно-националистические в том числе еврейские сионистские и Бундовские и

затем просто террористические. Всех вообще и не перечесать. Конечно эта шумиха приправлена объяснениями, что все эти организации, само собою разумеется, действовали не только против советской власти, но и против советского народа, создавая для него искусственно разного рода недостатки, ущемления, стараясь спровоцировать его недовольство против "своей" власти. Таким образом многомиллионные аресты уже объяснены и оправданы. Тюрьмы пополняются все большим количеством арестованных, в десятки раз превосходящим то количество, на которые были рассчитаны все старые, а также непрерывно строящиеся новые тюрьмы. Теперь нужно этих людей осудить, для чего требуется предъявить им обвинения. В этом деле имеется многолетний опыт. Пускаются в ход испытанный метод пыток, изобретаются на ходу новые. В результате почти поголовно все арестанты признают себя виновными и запутывают многих или почти всех кто их окружал. Здесь в тюрьме есть такие, которые показали на десятки и сотни своих соучастников, которые затем в свою очередь также арестовываются и впутывают новых. Получается нечто вроде катящегося под гору кома снега. Если бы вампир достигнув конечной цели не остановил бы этого катящегося кома снега, то все население поголовно должно было бы быть арестовано. Ведь и теперь уже много есть случаев, когда арестованы поголовно все мужчины колхоза или например все поголовно сотрудники учреждения. Оформив таким путем доказательство "виновности" арестованных их пускают в "расход" или на каторгу. Перед народом же и за границей дело изображается так, что враги народа признаются в своих преступлениях, припертые "фактами". Мы здесь знаем, что это за "факты", но ведь методы следствия окутаны тайной. Знают те кто тут побывал и больше никто. На воле действует какой-то закон! Там вас не смеют ударить, там вы ограждены государством посредством закона. Ограждены вы там не вследствие гуманности власти, а в интересах вашего доверия к власти, в интересах ее престижа в глазах народа. Здесь же те законы недействительны. Государство создавшее их для одной - рекламной - стороны медали здесь попирают их, выступая в лицах своих основных и надежнейших слуг органов НКВД в роли чудовищного по своей жестокости хулигана, насильника и убийцы. Здесь государственный строй обнажает совершенно свое подлинное человеконенавистническое лицо. Неопытные люди здесь в тюрьме часто говорят: "буду жаловаться прокурору" или "на суде раскрою все, расскажу о пытках и пр." Они не понимают того, что прокуратура и суд являются отделами НКВД, его дополнениями для

показного соблюдения юридических формальностей в отношении заключенного. Они не понимают что прокуратура и суд заседают вместе с НКВД и предрешают заранее судьбу того, чье дело должно пройти через их руки. Все они служат одной и той же цели, выполняя распоряжение одного и того же хозяина, поэтому каждый шаг согласован. Раз дан приказ сверху истреблять, то этот приказ всеми ими будет выполняться. Лишь роли распределяются между ними так: НКВД с помощью пыток делает человека виновным, прокурор узаконивает предание суду и на суде требует расстрела или другого наказания, согласно договоренности, а суд выносит соответствующий приговор тоже согласно договоренности. Конечно главную скрипку в определении приговора играет НКВД. После вынесения смертного приговора те же палачи НКВД с наслаждением расстреливают осужденных подвергая их в случае желания "побаловаться" или же с целью добыть дополнительные показания предварительно таким пыткам, которые на следствии редко применяются. Им выжигают глаза, выдергивают зубы, срывают ногти, выкручивают пальцы рук, ног, распарывают живот с извлечением оттуда внутренностей и т.д. Это все чудовищная правда, о которой рассказывают арестованные энкаведисты называя имена замученных таким образом людей. И вот полностью познает, постигает сущность этого дьявольского режима и его меча - НКВД лишь тот, кто попал сюда. Те же кто здесь еще не был не могут этого понять и не могут поверить этому. Так невероятно покажется все то, что здесь делается. Нет сомнения, что заикнувшись о виденном, слышанном или перенесенном здесь, человек немедленно будет предан и уж неверное больше не увидит свободы. Потому-то и является происходящее здесь совершенной тайной, ибо счастливо выскользнувшему отсюда не охота повторить пройденное. Правда есть люди, которые сидят значительное время в тюрьме и тоже не могут или не хотят понять того, что происходит здесь и в стране. Вот к примеру - тот же секретарь РК Е. и вся его группа или наш почтенный Р. Очевидно для того, чтобы человек вполне уразумел все ему нужно пройти полный курс лечения от разного рода иллюзий вроде того, которое вы успели пройти за столь короткий срок. У таких людей навеки вырабатывается иммунитет против любви к советскому режиму и его вождю. Вот о чем я еще хотел сказать вам, предупредить вас. Это касается методов НКВД. Арестованного пытаются, но безрезультатно, а им хочется во что бы то ни стало заставить сознаться. Тогда они идут на любые провокации: например составляется ложное признание арестованного в котором он

якобы запутывает дорогого ему человека - жену, отца, сына и т.д. Они имеют прекрасных фальсификаторов, состоящих у них на службе. И те подделывают подпись или даже фразу под почерк арестованного; такие "попадания" предъявляются затем тому, кого якобы арестованный запутывает и тот иногда готов отречься от арестованного или же наговорить на него. Или же вынуждают родителей, жен, детей писать письмо арестованному с мольбой сознаться, так как в противном случае им грозят всякие несчастья. Был такой случай: сыну одного арестованного было предъявлено подложное показание отца. От него потребовали подтверждения этих показаний. Но он заявил, что ничего не знает. Тогда он был арестован и вследствие пыток подтвердил показание отца. Показания сына были составлены таким образом, что он уличает отца в том, чего от него хотели добиться палачи. Эти показания сына были предъявлены отцу, но тот невзирая на пытки "не сознавался". Тогда им устроили очную ставку. На очной ставке сын, будучи предварительно обработан, повторил свои улики против отца, отец бросился на него и начал избивать. Но сын оправдывался тем, что лишь подтвердил показания данные отцом. Таким образом открылась провокация. Еще один пример: НКВД никакими средствами не могли "расколоть" коммуниста профессора С., показания которого видно были очень нужны. Тогда была арестована его жена и посажена на "конвейер". Он тоже сидел на конвейере. Его несколько раз приводили посмотреть на нее и все добивались сдаться, но он не сдавался, но когда жена упала в обморок его опять привели и тут он не выдержал и согласился "сознаться", но с условием, чтобы жену освободили. Правда ее освободили, взяв подписку о хранении тайны, а С. написал показание на 700 страницах, что заняло у него три недели. Так вот учтите, что вам будут грозить арестом и пытками жены. Вы должны в таком случае притворяться, что для вас это не имеет значения. В заключение хочу сказать об очень интересном явлении. Это о возмездии. Чрезвычайно показательным, что все кто творил злодеяния против народа и против его святынь, постепенно истребляются тем строем который они создавали и которому верно служили. Так случилось со старыми большевиками, от которых, пожалуй, уцелели единицы, затем с теми, чьими руками проводилась коллективизация и раскулачивание, чьими руками закрывались церкви, организовывался голод и т.д. Все эти люди, весь этот партийный актив теперь истребляется и вряд ли кто-нибудь из них уцелеет в эту волну террора. На их место выдвинуты новые, которые по-видимому, в начале

будут более фанатичны и более жестоки, но они не подозревают, что придет время и они также получат возмездие как получают их предшественники и коммунистическое здание будет строиться и на их костях.

Аресты сравнительно в небольшой степени коснулись пока низов НКВД, но в верхах почти уже все старые кадры пошли в "помойку", получив свое. Из числа низовых работников НКВД арестовываются пока больше всего те, кто по своим душевным качествам неспособен пытаться людей, добиваясь заведомо ложных показаний. Они главным образом из числа бывших студентов ВУЗОВ коммунистов, которые были мобилизованы партией для работы в НКВД. И вот за отказ пытаться или за высказанное ими недовольство тем, что от арестованных требуется оклеветать себя, они арестовываются.

Но все больше арестовывается и ярых палачей, можно надеяться, что рано или поздно их всех постигнет та же участь, что и партийный актив. Очень метко заметил по поводу периодической смены руководящего состава сидевший со мной колхозник. Он говорил: "Сталин мчится к коммунизму на перекладных". - Проф. М. закончил. После его простых, ясных объяснений для меня многие явления в жизни страны, многие события, свидетелем или участником которых я был, представились в совершенно ином свете. Открылась дверь и нас повели в уборную. Там вверху под самым потолком были написаны углем два изречения. Неизвестно как только враги народа смогли забраться под потолок. Каждый день я видел их эти изречения и не обращал внимания. Но теперь прочтя их я невольно улыбнулся и обратил на них внимание М. - Первое изречение представляло из себя снова Сталина: "человек самый ценный капитал". В этом изречении была подлая насмешка над безправной человеческой личностью. В нем было столько же правды сколько в его словах о счастливой, радостной жизни, о свободе и т.д. И второе изречение замечательно соответствовавшее истине, изобличающее лживость Сталинских слов гласило: "Кто не был в тюрьме тот побудет, кто был тот не забудет". Оба изречения как нельзя лучше соответствовали всему тому, что изложил мне М.

Сразу после ужина открылась дверь и на пороге стала круглая, как бочка фигура дежурного попки, имевшего кличку "Луна" за его совершенно круглое как луна лицо. Держа бумажку в руке он спросил: "кто хочет на допрос?" и физиономия его расплылась в широкую улыбку. Я быстро стал

надевать пальто. "Как твоя фамилия?" спросил Луна. Я ответил. "Нет ты обожди. Кто на букву И.?" Бедный И. настолько испугался, что не мог двинуться с места. Он только глядел на нас большими глазами как бы ища помощи. В дверях появился конвоир. "Давай быстрее, машина ждет!" крикнул он. И. быстро пошел к двери, забыв одеться, о чем мы ему напомнили и подали пальто и шапку. После моего пребывания на конвейере И. сильно нервничал и все говорил М.: "Куда мне такой ужас перенести, я и двух суток не выживу". И каждый день просил М., если ему посчастливится выйти на волю, чтобы он зашел к жене И. и рассказал все, что с ним случится. Одновременно он повторял свой адрес. На всякий случай мы все запоминали адреса друг друга.

Ночью завозились у двери нашей камеры, отпирая ее. Мгновенно проснувшись все мы устремили свои взоры на дверь предполагая, что возвратился с допроса И. Вместо И. в камеру вошел пожилой человек с лысой головой. Он был свежее выбрит и от него пахло одеколоном. Ясно было, что человек с воли. Он оказался коммунистом начальником почтамта. Первый вопрос, с которым обратился к нему Р. был на счет курева. Оказалось, что Свойский /так звали новичка/ имеет немного папирос. Их у него не отняли, ибо сейчас не было запрещено курить в спецкорпусе, но от всех были отрезаны мундштуки, дабы их нельзя было использовать для переписки. Он угостил всех папиросами. Р. и я с великим наслаждением закурили пьянея от затяжки без привычки /курева ни у кого в камере не было/. М. вовсе не курил. Хотя С. был коммунист, но как видно не из особо активных и он нам мало чего мог рассказать о текущей политике. Что он мог сказать, это то, что якобы уже состоялась первая сессия новоизбранного Верховного Совета СССР и приняла решение об амнистии для заключенных, имеющих малые сроки по уголовным делам. Что касается политических, то не только нельзя ожидать амнистии, а нужно ожидать еще большего количества арестов. Сейчас такая волна новых арестов все возрастающей со дня на день уже началась. Как оказалось потом, в наш корпус было привезено человек 10, а в другие корпуса очень много людей. Массовые поступления вновь арестованных длились затем определенный период. С. говорил, что начиная со следующего дня после выборов в Верховный Совет пошли непрерывные аресты его депутатов. Из 14 депутатов, избранных от нашей области к тому времени было уже арестовано 8. Это меньше чем за полтора месяца. Остались не арестованными только рабочие, колхозники и один ученый, а из числа

руководящих работников избранных в депутаты уцелел лишь один человек и то неизвестно на долго ли. Можно было предполагать поэтому, что первая сессия была фактически исключительно "рабоче-крестьянская" и что одним из главных вопросов ее работы было лишение депутатских мандатов, тех кто уже сидел под арестом. Вернувшись к 6-ти часам утра с допроса И. с большим волнением рассказывал что с ним было. Вечером когда его повели на допрос и во дворе НКВД вывели из машины, чтобы вести наверх, он так разволновался, что у него началось головокружение, потемнело в глазах, он не в состоянии был идти и падал так что конвоиры его за руки втянули в уборную, где он лежал на полу, постепенно успокаивался. Затем его повели наверх. Будучи проинформирован конвоирами о состоянии в котором И. был доставлен, следователь не преминул использовать это его состояние для энергичного допроса. И. был поставлен в угол лицом к стенке. Следователь то и дело бил его носками сапог под колени до тех пор, пока тот потерял способность стоять. Затем пришел Ш. и они вдвоем со следователем основательно его колотили. Усадив его на стул Ш. предупредил, что до тех пор пока он не даст показаний его не отпустят в тюрьму. В воображении И. рисовались картины моего пребывания на конвейере и он так разнервничался, что ему стало дурно и он свалился на пол. На него набросились следователь и Ш. Ш. жестоко хлестал его резиновой нагайкой. Приостановив избивание его спрашивали не готов ли он дать показания, затем опять били. Потом усадили на стул и Ш. его предупредил, что он отсюда не уйдет живым. Под утро И. был не в состоянии больше терпеть и ... согласился "сознаться". Так как у следователя протокол был заготовлен, то его оформили довольно быстро, И. признал себя "принадлежащим" к подпольной террористической организации. От него требовали назвать кто его завербовал и какие соучастники ему известны, но он никого не мог назвать. Тогда следователь опять его избивал, но И. был настолько уже напуган и взволнован, что не мог сообразить кого бы назвать. Обращаясь к следователю он просил его "напомнить" кто его И. "завербовал", так как он "забыл" фамилию и не может вспомнить. Тогда следователь изображая дело так, что он идет "на уступки", назвал директора техникума, в котором И. преподавал химию. И. подписал протокол допроса. Все мы очень сокрушались и жалели о том, что И. так сравнительно легко "сдался". М. предсказывал, что если группа к которой причисляют И., небольшая и кроме обвинения в терроре других обвинений нет, то можно ожидать скорого суда. И. говорил: "чем скорее,

тем лучше. Пуля лучше, чем пытки. Я думаю, что терпеть нужно уметь, я же не умею терпеть." Мы с М. настойчиво советовали отказаться от нужных показаний, набраться силы воли и терпеть. Р. в свою очередь высказывал мнение, что мол рано или поздно не одними, так другими средствами все мы будем принуждены признать себя виновными, ибо это нужно для партии. Поэтому нечего, мол, человека сбивать с толку. Когда М. спросил: "А почему же вы до сих пор не признали себя виновным" - Р. грубо ответил: "Не ваше дело". Новоприбывший С. был совершенно ошарашен рассказом и мало что понимал из разговора. Он только спрашивал, неужели бьют? А если дать сдачи?" Недоумение и все поведение С. при этом разговоре были для меня лишней иллюстрацией ко вчерашней беседе с проф. М., о том, что лишь познав личным опытом, испытав на своей шкуре подлинную большевицкую "правду", "мораль", "заботу" о живом человеке, - здесь в застенках НКВД можно исцелиться от своего наивно-легкомысленного детского доверия к власти. Мы сообща постепенно просвещали Р. (возможно С. а не Р.) Мой рассказ о конвейере повергал его в трепет. Затем он нам сообщил о том, что произошло с парторганизацией почтамта. Наша парторганизация насчитывала 18 человек. В то время как вокруг нас не было ни одной парторганизации, чтобы она уже не была основательно потрепана, наша оставалась цела. На собрании каждый раз ставился вопрос о бдительности, о борьбе с врагами народа. Мы проверили весь аппарат почтамта. Уволили с работы десятка полтора людей, к которым хоть как-нибудь можно было придраться. В том числе с болью в сердце мне пришлось согласиться на увольнение двух наилучших телеграфисток и хорошаго телефонного техника. Из горкома каждый день звонят секретарю парторганизации да и не раз, а несколько раз на день: "Сколько раскрыто, сколько исключено из партии, сколько уволено с работы, сколько арестовано?" Ни о чем больше не спрашивают только об этом. А секретарь у нас был молодой еврей, такой боевой парень. Каждый раз он как то умел заверить Горком, что чистка аппарата идет успешно, что все чуждые подозрительные элементы изгоняются, что идет также тщательная проверка парторганизации. Парторганизацию свою мы действительно несколько раз проверяли. Бывало сядем с секретарем да еще два три человека пригласим из наиболее стойких коммунистов, и вот начинаем перебирать всех членов и кандидатов партии. Но все же перед нами как на ладони. Почти все они кадровые работники почтамта, известные мне хорошо еще до вступления в партию. Я сам на почтамте работаю уже пятнадцать лет непрерывно,

начиная с экспедитора и до начальника. Но как мы не старались хоть что-нибудь, хоть какой-нибудь грех у кого-нибудь найти, ну никак. Социальное происхождение всех - или пролетарское, или из деревенской бедноты. Связи с чуждыми нет ни у кого и не было. Уклонов каких-нибудь не было. Работают все ребята хорошо. Ну, к чему придраться? Не к чему да и только. Так из Горкома звонили, звонили и наконец позвали на заседание секретаря парторганизации и меня, как начальника почты. В бюро Горкома стоял вопрос: "О ходе разоблачения врагов народа на почтамте". Сначала выслушали доклад секретаря, а затем мой содоклад. Секретарю задали вопрос: "Сколько исключено из партии разоблаченных врагов народа?" Секретарь ответил, что пока никого не нашупали. Секретарь Горкома стуча по столу кричал, что всюду раскрывается огромное количество врагов народа, а на почтамте не раскрыт ни один, что такое явление весьма подозрительно. Он внес предложение, о предупреждении секретаря, что если в 2-3 дня не будут разоблачены враги народа в нашей организации, то на бюро Горкома будет поставлен о нем вопрос, как о покровителе врагов народа. Наш секретарь молодой горячий, да и почву казалось под ногами имеет крепкую, он прямо вскипел: "Как говорит, а если у меня нет врагов народа, так что я их сделаю, что-ли?" Тогда секретарь Горкома внес резолюцию о вынесении строгого выговора с предупреждением секретарю нашей организации за политическую близорукость. Кроме того было принято решение, что если к следующему заседанию бюро Горкома он придет с таким результатом, как в этот раз, то будет исключен из партии. Тогда наш секретарь, обращаясь уже мягко к бюро спросил: "Но как же мне быть, кого же считать врагами народа? Я прошу прислать кого-нибудь из членов бюро Горкома." На что секретарь Горкома ответил: "уж если я пойду, то я найду. Там кажется никого не останется".

На следующий день было созвано собрание парторганизации, где секретарь доложил о том, как стоял вопрос в Горкоме. "Быть не может, говорил он, чтобы у нас не было ни одного тщательно замаскированного врага. Обязательно есть, но надо их найти, иначе нашу парторганизацию попросту распустят. Давайте же товарищи думать, иначе все полетим из партии, как покровители врагов." И вот начали думать. Ну что ты надумаешь, если все мы знаем друг друга как себя и столько лет живем как одна семья. Я не скажу, что мы примиренчески относились. Если кто-нибудь работу проваливает, или напьется, или еще что-нибудь сделает не по партийному, мы очень строго наказывали за всякое нарушение

партдисциплины, или партэтики и наша парторганизация в городе считалась всегда одной из первых во всех отношениях. Думали-думали и один член партии спрашивает одного кандидата: "Вот тогда то, слушай, месяцев шесть назад вечером я шел по кладбищенской улице и видел, что ты встретившись с человеком у него прикуривал, я признал в нем такогото, когда то исключенного из партии за троцкизм. Впоследствии он был арестован не знаю, что с ним теперь, с этим троцкистом". За это заявление многие схватились и приперли бедного кандидата к стенке. Он клялся, что никогда не знал никакого троцкиста, а прикуривать он мог в темноте у кого угодно, не спрашивая его кто он. Оправдание кандидата было признано недостаточным и его исключили из кандидатов партии и предложили удалиться. Но раньше чем уйти он сделал заявление, что жена такогото коммуниста вместе со своею матерью тайком крестили ребенка. Это обвинение уже было посерьезнее и этот член партии был немедленно исключен, как только сознался, что это имело место, хотя это делалось тайно против его воли, и он узнав об этом, поколотил жену. Но ничто его не могло уже спасти. Преступление было на лицо. Ну, а потом по мере разгорания взаимных страстей начали предъявляться обвинения одно за другим; тот у кого-то из неблагонадежных или подозрительных был когда то в гостях, у того тетка в Америке, значит он мог иметь связь с заграницей, у того первая жена, умершая 15 тому назад была из кулацкой семьи, у того отец был фельдфебелем в царское время, у одного дядя был когда то сельским старостой и т.д. Одного обвинили в том, что на собрании в канун праздника октябрьской революции, когда принимали приветственную телеграмму Сталину он не аплодировал и улыбался. Тот бедняга клялся, что он аплодировал, а улыбался от радости, но все же его исключили. На этом собрании, затянувшемся до 5 час. утра, проходившем с большим шумом и гвалтом было исключено 10 человек. В том числе почти все мои заведывающие отделами, каковых я должен был немедленно уволить и тем парализовать работу целого почтамта. После бессонной ночи мне было не до сна. Я как угорелый метался из одного отдела в другой. Утром же все было оформлено мною о снятии заведывающих. Я боялся как бы работа не застопорилась ибо мне потом пришьют дело, что я виноват. Вечером опять партсобрание. За день накопилось у секретаря целая пачка заявлений от исключенных на тех, кто еще оставался в партии, "разоблачая" их. Здесь пошло то же самое, но еще с большим ожесточением. Каждый старался пораньше обвинить другого, чтобы проявить бдительность и застраховать

себя. Тут пошли обвинения в том, что человек когда то еще до вступления в партию ходил в церковь, другой когда то якобы спекулировал, и третий использовал незаконно каких то 20 рублей. Наконец, сразу было предъявлено обвинение мне и секретарю парткома в том, что мы проглядели или приютили столько чуждых и враждебных элементов, т.е. всех исключенных из партии. И нас без долгих разговоров вон. Сдали мы партбилеты и ушли. Конечно я был сразу снят с должности начальника почты. В результате осталось неисключенными два члена партии, так как они друг друга не могли исключить. В виду "раскрытия" такого количества врагов на почтамте, было созвано экстренное собрание бюро Горкома, которое выслушав обоих членов партии, исключило и их. Таким образом целая парторганизация была ликвидирована. По этому поводу Горком разослал всем парторганизациям города письмо, где говорилось, что на почтамте раскрыто целое вражеское гнездо, что там орудовала целая большая шайка троцкистов, фашистов и прочих врагов народа, нанося страшный вред государству. Больше всех досталось мне, котораго наименовали матерым закоренелым и опытным троцкистом. Затем Горком каялся в том, что прозевал такое гнездо и призывал парторганизацию еще больше поднять бдительность, разоблачить и вычистить всех врагов до последнего. Меня арестовали почему то не сразу. До меня уже были арестован ряд бывших коммунистов и безпартийных, уволенных с почтамта, наконец и до меня дошла очередь. Можно полагать, что будут арестованы все коммунисты почтамта." Закончил свой рассказ С. По его заявлению нечто подобное творится во всем городе, во всей области и конечно во всей стране. Перестукиваясь с соседями мы с большой радостью узнали, что арестован председатель областного суда Ломакин и посажен сюда же в спецкорпус. Это после того, как он успел осудить к расстрелу по области только на показательных процессах, где он лично председательствовал, несколько сот человек. В 107 камеру был посажен один из прокуроров области, выступавший и требовавший расстрела обвиняемых не на одном процессе. Наш И. после дачи им показаний был в очень тяжелом нервном состоянии. Ночью он кричал во сне и временами вскакивал от страшных снов. Мы с М. старались его как-нибудь успокоить. И. очень любил петь, иногда еле слышным голосом напевал разные песни. Я уже давно на себе заметил, еще в одиночке, что песня чужая ли или своя значительно облегчает душевное состояние и я часто с наслаждением слушал как И. пел и порою подпевал ему. Теперь же я тихонько напеваю

старался увлечь И. и отвлечь его от тяжелых переживаний. Цель была достигнута и я и он вспоминали лучшие песни какие знали, особенно о страданиях человеческой души и о любви. Оказалось, что С. имеет прекрасный тенор и является также большим любителем пения. Сам он поляк, но знает очень много русских песен. Таким образом у нас создалось маленькое трио. Конечно пели мы немного громче жужжания шмеля, но все же находили в этом пении сильное смягчение страдания наших душ. Р., который всегда был ко всему в оппозиции, все отрицал, против всего спорил, не утерпел и также подсаживался к нам и включался. У него хороший бас и он знал множество чудных старинных русских песен. Конечно даже тут тихо петь было риском, ибо камеры были так узки, и волчки были так устроены, что проходя по корридору можно было слышать, как люди шепчутся в камерах. Поэтому мы пели лишь тогда когда надзиратель уходил вдаль. Хуже всех были два надзирателя: это некий "латыш" как мы его звали и второй "шпик Фома" - украинец. Фамилий мы ни чьих не знали. У них дело было поставлено так, что по фамилиям друг друга не называли никогда. Поэтому мы никак не могли уловить кого как звать и давали им свои клички. Каждая камера конечно давала свои клички. Но некоторые особенно удачные быстро распространялись по всему корпусу. Так вот эти два попки все время во время дежурства занимались только тем, что подслушивали и подглядывали. Очень трудно было уловить их хождение по корридору и при них ни петь, ни перестукиваться почти было невозможно, разве только при выдаче пищи, когда они были заняты. От И. и С. я научился многим народным задушевым песням, которых я не знал. Кроме пения мы уже и раньше отводили душу слушанием высокохудожественных пересказов проф. М. лучших произведений классиков литературы, как русской, так и мировой. Впоследствии им были пересказаны "записки из подполья", "Преступление и Наказание", "Братья Карамазовы" и др. Они доставили мне не только большое удовольствие, но явились также вкладом в мои знания в области литературы. Эти произведения нельзя было достать. Достоевский советами всячески затирался и был полу-запрещен и его совершенно неправильно освещали в школах и в библиографических изданиях. Кроме того, чтобы разнообразить времяпровождение и главное отвлекаться от переживаний, проф. М. попросил его дать нам некоторые объяснения о новейших открытиях химии. И. с радостью взялся за это и рассказывая, по-видимому, с не меньшим увлечением, чем это было у него перед студенческой аудиторией.

Черная стена была использована в качестве доски, а мыло в качестве мела. Поскольку оказалось, что не все достаточно знакомы с основами химии И. взялся провести ряд бесед, что он впоследствии выполнил с большим мастерством. Так мы сообща используя свои знания и наблюдения, старались хоть частично отгонять от себя бесконечный страх и тоску. После прихода к нам С. каждую последующую ночь только и слышно было как гремят запоры, скрипят двери, как открываются и закрываются разные камеры, поглощая все новых и новых арестованных. В эти ночи почти не было слышно, чтобы брали кого либо на допрос из нашего корпуса. Видно было что следственный аппарат занят операцией по арестам, тем же была занята очевидно и стая "черных воронов". В обе соседние камеры опять поступили новые. Оттуда стучали, что в городе и по всей области проходит настоящий ураган, захватывающий все новых и новых людей. Главным образом сейчас арестовывают руководящий актив, сталинскую касту. Уже почти все работники из суда и прокуратуры были арестованы, уже сидели все члены бюро Горкома партии, недавно разогнавшего парторганизацию почтамта и многие другие. Арестована очередная смена обкома /обисполкома/, разогнано много парторганизаций заводских и учебных заведений. Арестовано очень много профессуры и студенчества. Арестовано порядочное количество энкаведистов. При исключении из партии предъявляется всем почти одно и то же обвинение - отсутствие или слабость борьбы с врагами народа, покровительство им или связь с ними. Очевидно уже было немного наивных людей, верящих что аресту подвергаются люди, которые действительно во что-то замешаны. Однако, стараясь спасти свою шкуру, застраховаться от исключения и ареста, каждый коммунист, особенно из числа руководящего состава от самых маленьких до самых больших чинов стремился как можно больше людей отправить в лапы НКВД. Но это никого уже не могло спасти. Каждый утопающий неизбежно увлекал за собой на дно и других. Было совершенно ясно, что идет поголовная замена всего руководящего аппарата, что заменяется весь паразитический класс. Р. толковал происходящее по своему, он усматривал в этом разгул перегибщиков и предвидел большие наказания для них, когда об этом узнает папаша Сталин. По его мнению бедный Сталин ничего этого не знал, Ежов все это скрывал от него. Такое мнение было попросту недомыслием, ибо от "перегибщиков", которые еще неделю назад разгоняли целые организации и закрывали учреждения и институты, сегодня не оставалось почти никого, все уже сидели. Но ставшие на их место, руководствуясь

старыми директивами и получая новые в том же духе, продолжали погром.

В ночь с 23 на 24 января к нам впустили нового арестованного, Это был молодой человек лет 28, чистенький, выхоленный, хорошо одетый. На нем было новенькое драповое пальто, хорошая кепи, на ногах дорогие фетровые бурки, какие можно было видеть лишь на энкаведистах и крупных партийных работниках, а также темно-синий шерстяной костюм, каковой обычно носили почти все руководящие работники, состоящий из галифэ и гимнастерки под ремень. Лечь пока было негде и мы предложили ему хотя сесть. Но он с подозрением поглядывая на нас не отходил от двери. Видно, что он был в недоумении и по-видимому не столько волновался, сколько сердился. Мы пытались заговорить с ним, но он бросив подозрительный и сердитый взгляд на говорившего снова быстро поворачивал голову к двери и разглядывал ее, как бы чего ища. Затем он принялся быстро стучать. Из глубины корридора послышался голос надзирателя: "кака-а-а-ая?" - говорите 109. - подсказали мы новичку. Приоткрыв волчок надзиратель спросил чего нужно. Где тут телефон? спросил новичок. "Какой телефон, зачем тебе телефон?" "Безобразие!" кричал новичок, - схватили по недоразумению человека, бросили в какой то погреб, среди каких то... - тут он даже рукой повел в нашу сторону, - черт знает что делается, надо же разбираться!" -

- Так тебя значит по ошибке взяли? - Спросил якобы недоуменно с иронией надзиратель.

- А черт их знает, что они хотели, конечно по ошибке. Тут какое то недоразумение. Где телефон, я сейчас же позвоню в Обком, в НКВД, я потребую призвать к порядку этих идиотов, которые делают такие вещи! - кричал во всю новичок.

"Да ты заткни свою глотку, не ори так, а то я тебе заткну," - предупредил надзиратель строго. - "Ты мне не тыкай, я с тобой свиней не пас, сопляк, а то я тебе покажу, ты у меня узнаешь!" - закричал еще громче ретивый новичок.

Надзиратель быстро открыл дверь и достав карандаш и бумагу он спросил: "Как твоя фамилия?" - "Айзикович моя фамилия!" - громко сказал новичок. "Да тише ты, проститутка фашистская, а то я тебе зубы выбью" - крикнул надзиратель. "А ты кто такой, кто такой? Да ты знаешь, кто я? Я только позвоню, так тебя сразу схватят и ты пропал. Я сейчас же должен говорить по телефону!" не унимался А., и водил пальцем перед носом у надзирателя.

- Да ты что рехнулся, что-ли. Или хочешь, чтобы я тебя на сутки к стенке поставил. Пока для начала останешься 2 дня без прогулки. Да некогда мне возиться со всякой сволочью. Надзиратель быстро закрыл дверь и пошел по корридору к другим камерам, откуда стучали? Айзикович продолжал прыгать и вертеться около двери, заглядывал в стеклышко закрытого волчка. Он громко про себя ругался и начинал опять стучать, но надзиратель был занят другими камерами и не подходил. Айзикович стучал все громче.

Мы посоветовали ему быть очень вежливым и осторожным в обращении со стражей, иначе его изобьют и поставят к стенке, или закроют в холодный карцер без пальто и постели. - Пусть попробуют,- кричал Айзикович. - Я всю эту сволочь выведу на чистую воду. Я им по-ка-жу! - Он грозил куда-то, высоко поднимая кулак - они у меня узнают! - Он начал еще громче стучать в дверь, наконец стал бить ногами и кричал, что было мочи: "Товарищ дежурный, товарищ дежурный!!" На грохот и крик быстро шел надзиратель.

"Да ты уймешься, наконец-то!" - Закричал он, выходя из себя и скверно ругаясь. "Фашисты тебе товарищи. Я тебе дам "товарищ". - и удалился. Айзикович повернувшись лицом к камере повис спиной на двери и безнадежно опустил руки и голову. Он очень перенервничал. Спустя минуту он снова начал стучать. - "Эй ты, как тебя!" - Мы подсказали, что нужно обращаться "гражданин дежурный", или "начальник", как здесь большинство говорят.

"Эй дежурный!" - кричал Аарон Исаакович продолжая стучать. Подошел надзиратель. "Что надо?" спросил. "Я хочу в уборную," говорил Айзикович.

- "Ах, да это опять ты? Утром пойдешь в уборную, не большой барин!"

- "Как утром, я сейчас хочу, не в штаны же мне делать. Я требую немедленно пустить меня в уборную." Настаивал Айзикович. О телефоне он больше ничего не говорил.

- "Можешь делать в штаны или в сапоги, куда хочешь, но только не на пол, не то заставлю съесть," ответил надзиратель и ушел.

Такой ответ надзирателя страшно оскорбил и унизил Айзиковича. Он даже подпрыгнул от возмущения, он сыпал ругательства, угрозы, размахивал кулаками, топал ногами, временами поворачиваясь к нам, как бы призывая нас в свидетели. Он несколько раз повторил ни к кому не

обращаясь "Вы слышали, вы слышали!"

Видя, что человек безусловно из важных "шишек", которых сейчас арестовывают, к тому же уверенный в том, что всех арестовывают правильно, только его подхватили по ошибке, никто не стал его уговаривать или объяснять ему. Бесполезность такого предприятия была очевидна. - Свойский, который уже до тюрьмы многое понял, а в тюрьме за три дня успел еще больше понять только улыбался. - Пусть себя потешит - говорили мы между собою с Михайловым. Постепенно образуется и потом смеяться будет над своей нынешней наивностью.

Стукнув еще несколько раз и видя, что надзиратель не подходит, А. безнадежно махнул рукой и тихо про себя что-то бормотал, как видно ругался и грозил. На наше приглашение сесть, он не ответил и остался стоять у двери. Видать слишком ему были антипатичны черные и заросшие лица "врагов народа", к тому же некоторые еще оставались обезображенные после допроса. Да и к одежде нашей ему страшно было прикоснуться своей одеждой. Поэтому он, должно быть, решил постоять до утра - утро вечера мудренее. К 8 часам утра, как обычно, выдали хлеб и кипяток. От хлеба А. отказался. Мы переглянулись между собой и только пожали плечами: "Сытый голодного не разумеет." Айзикович не понимал и не хотел понимать, что мы голодны, как не понимал и не сочувствовал нам, доведенным условиями тюрьмы и следствием до того, что уже в значительной степени потеряли нормальный человеческий облик. Он не понимал нас и не сочувствовал не только потому, что чужое горе непонятно, а и потому, что мы для него были теми к кому у него привита "классовая ненависть". Мы были теми страшными фантастическими чудовищами, фашистами, троцкистами и прочими, которые попали наконец на свое место после неудавшагося ужасного "замысла", направленного против "отца и друга", против его режима и против "счастливой" и "радостной" жизни народа. В злобных взглядах, которыми временами окидывал меня А. я ясно читал эту ненависть, к "презренному врагу".

Синяки густо покрывавшие мое лицо, губы сплошь покрытые струпьями от ожогов и незажившие трещины - все это было для А. свидетельством того, что я может быть один из самых лютых и опасных врагов, каковому дают по заслугам благородные чекисты. Обед выдавал другой надзиратель вступивший на дежурство после раздачи хлеба. А. пытался с ним заговорить в надежде, что он сговорчивей. Но тот ему прикрикнул: "Сиди

пока тебя не трогают!" А. не стал брать обед, а затем отказался и от ужина. Рыбкин пару раз пытался заговорить с А., усевшемся на конце его кровати у самой двери спиной к камере, но А. только огрызнулся. После этого никто не пытался с ним заговаривать. Перед вечером М. посоветовал обратиться ему к дежурному на счет постели, но А. так быстро и нервно вздохнул и такими глазами взглянул на М., выражая должно быть свое возмущение заботой о нем врагов народа, что больше ему не стали напоминать. Вечером, когда все легли спать, "попка" заглядывая в волчки увидел, что А. не лежит, а ходит по камере. - "Ложись немедленно!" приказал он. Но А. ответил, что у него нет постели. Выяснив, что он не просил о выдаче ему постели, тот велел лечь на пол. После перебранки А. вынужден был сесть на пол и так просидел всю ночь. Утром он уже не отказался от хлеба. Часов в 11, когда в уборной побывали все камеры, нашей камере велели вымыть уборную, поскольку подошла наша очередь. Была дана для этой цели лишь тряпка. Трубы для стока в полу сделано не было. Некоторые садились на пол, особенно из тех камер, где было много людей и все не могли успеть воспользоваться двумя дырками в пять минут. Поэтому на полу накоплась каждый раз масса кала и целое море мочи. И вот все это мы должны были пригоршнями черпать и выливать в дырки, которые как обычно расхоложены на определенной высоте. Все работали в том числе и С., кроме А., который брезгливо отворачиваясь покуривая папиросу. Увидев, что мы закончили работу, попка открыл дверь и погнал нас в камеру, не дав всем вымыть руки.

25.1 вечером меня взяли на допрос. Надо мной работал тот же В., который без конца требовал давать показания, пытаюсь по разному убедить меня и "по хорошему" и иными средствами, сдать в виду безнадежности моего запирательства. Он пытаюсь напугать меня предстоящими конвейерами спрашивал: "Что, понравилось сидеть на конвейере?" "Опять хочешь?" На что я, несмотря на то что у меня мурашки шли по телу от одного воспоминания о конвейере, с усмешкой отвечал: "Пожалуйста, могу посидеть даже не 5, а 10 суток, а все же на путь лжи не стану." Конечно я умышленно так храбрился, желая показать, что я не боюсь конвейера, чтобы В. со своим начальством в самом деле не усадили меня повторно. В. начинал снова и снова заливать о том, что я уличен десятками соучастников, что все соучастники уже признались, что я хочу своей широкой спиной прикрыть свою к.-р. организацию, стараясь быть ее знаменосцем в надежде на получение от Гитлера трехпудового чугуна

ордена и прочее, и что следствие требует от меня рассказать всю правду. Я же в свою очередь заявил, что следствие требует от меня клеветы на себя и людей - я же говорю правду. Набив мне кулаками по зубам за то что я "клевету" не следствие, В. заявил: "Правда то, что нужно следствию, а не то, что ты нам говоришь." Так прошла ночь. Утром я был доставлен в тюрьму, но в 9 часов опять взят на допрос. Кроме вопросов по делу В. спрашивал меня: "Кто с тобой сидит и о чем вы говорили в камере". Я назвал фамилии своих сокамерников, а насчет разговора заявил, что говорим обо всем кроме политики. Далее В. пообещал мне давать папиросы, а также каждый раз подкармливать меня, если я соглашусь информировать о разговорах, ведущихся в камере, кроме того, обещал прекратить применение ко мне разных острых методов. На что я ответил: "Я не продажный, никогда не был шпиком и ненавижу шпииков". В. обругал меня на чем свет стоит и сделал из моего ответа заключение, что я неисправимый враг народа, неспособный "каяться", неспособный "искупить свою вину". В ответ на что я только улыбнулся и получил в ответ хорошие подзатыльники и пинки сапогами. Вернувшись вечером в камеру, я открыто рассказывал, как меня допрашивали ночью и днем. Как В. сказал, что "правда то, что нужно следствию", а также о предложении стать камерным шпииком в надежде, что я продамсь за папиросу и кусок колбасы. Я рассказывал, якобы не обращая внимания на А., но своим рассказом я имел намерение вразумить его хоть немного. Свежие "фонари" под глазами и разбитые губы служили вещественными доказательствами о прошедших допросах. Обращаясь к А., М. спросил: "если разрешите я хотел бы спросить вас, известно ли на воле какими методами ведется следствие?" - А. который все время старался избегать разговоров, но вместе с тем ему было очень мучительно сидеть молча и не поделиться своими незаслуженными переживаниями с кем-нибудь /конечно не с врагами/ ответил, что точно может быть и неизвестно какие методы здесь применяются, но вместе с тем каждый честный советский человек сочтет любые методы применяемые к врагам народа вполне законными и необходимыми. Слова "врагам народа" он произнес с нажимом, подчеркивая тем самым, что речь идет о таких как мы, но не он. Тогда М. спросил: "А были ли случаи, чтобы кого арестовали по ошибке, как вот например вас и потом выпустили?" На что А. ответил: "Я не знаю сколько таких случаев было, но я присутствовал на собрании городского комсомольского актива, где один комсомолец вернувшись из тюрьмы, куда он был ошибочно посажен

разсказывал о том, как обращаются с теми кого берут по подозрению или по ошибке. Пока его дело выяснялось он просидел целых три месяца. Тысячная аудитория слушала его длинный рассказ с большим напряжением. Он примерно рассказал следующее: "камеру, в которой я находился нельзя было бы назвать камерой, если бы не было решеток. Это скорее больничная или даже курортная палата. Это была большая, чистая, светлая комната с огромными окнами, завешанными чистыми занавесками. Большие никелированные кровати с пружинными матрацами, с прекрасными ватными и шерстяными одеялами, белоснежными простынями и пуховыми подушками. В комнате стояло два стола, один письменный с мягкими креслами рядом, и другой обеденный. В углу большая библиотека с богатым выбором разнообразной литературы. У каждой кровати радио-наушники. Стены комнаты увешаны картинами и портретами вождей. Полы застланы мягкими ковриками. Кормили нас как на убой. Мы даже не съедали всего. На следствие вызывали правда частенько. Вот привезут тебя к следователю. Не успеешь еще порог переступить, как следователь сидевший у стола встает и быстро идет к тебе навстречу и улыбаясь пожимает руку и спрашивает: "Ну, как ваше самочувствие? Надеюсь, что вы не обидитесь на нас, что мы вас держим в неволе и беспокоим своими допросами. Но сами вы понимаете, что в интересах нашего общего дела, да и в ваших же интересах мы обязаны проверить все, что у нас имеется. И если окажется, что вы невиновны, в чем я ничуть не сомневаюсь, вы будете немедленно освобождены, получите надлежащие компенсации и все прочее. Затем он меня усаживал в прекрасное кожаное кресло, сам же садился на жесткий стул. Он предлагал почитать свежую газету пока он освободится от некоторых текущих бумаг и тут же обычно спрашивал не угодно ли мне подкрепиться, но я как правило отказывался потому, что я и утренняго завтрака не съедал. Но он меня начинал уговаривать: "да съешьте, съешьте что-нибудь, ведь у нас такая прекрасная кухня, кофейку выпейте, какао, молочко с шоколадом, бутербродиками различными можете полакомиться и с маслицем и с прекрасной колбаской, хотите могу заказать для вас свеженькие отбивные биточки. У нас ведь кухня работает круглые сутки." Но я сначала отказывался, а потом соглашался, так настойчиво он меня упрашивал. Я больше люблю мясное, потому я обычно предпочитал отбивную или котлетку, а часто и бутербродик с колбаской, каковые я люблю есть с какао. За этим моим вторым завтраком или обедом, обычно идет беседа. Следователь кое-

что спрашивает, что ему нужно выяснить, а я отвечаю. Иногда заходят его коллеги, ну тогда уже коллективно беседуем, смеемся. До чего они все вежливые, воспитанные, просто прелесть! Вот что значит Сталинские кадры, да еще руководимые таким вернейшим соратником как Н. И. Ежов. После беседы мне еще и в камеру дают кое чего съестного и вдоволь папирос, следователь очень извиняется и проводит меня в корридор, а иногда и до машины, любезно распростившись возвращается к себе, а я уезжаю в свою комнату. Ну сами понимаете, хотя НКВД все делает для того, чтобы создать для каждого арестованного самые наилучшие условия и окружает всяческой заботой, но все же человек сознает, что он в неволе. Это очень отражается на настроении и потому я такой сильно худой".

Его рассказ, особенно когда он упоминал имена тов. Сталина или Ежова, неоднократно покрывались бурными овациями. Когда же он закончил, то мы целым залом не менее четверти часа кричали "ура" тов. Сталину и Ежову, а также в честь НКВД. Так что я и многие другие очень хорошо знаем, как обращается НКВД с невиновными или же только подозреваемыми. Конечно дело другое - разные там "враги народа".

Р. не утерпел и обращаясь к А. с возмущением сказал, показывая на мое лицо: "Вот вам, милый человек, отбивные котлеты, а если хотите посмотреть следы от резиновых колбас, которыми угощали вашего комсомольца, то попросите этого человека он покажет вам свою спину, живот, ноги и прочее". Здесь Р. указал на И. "Я кажется с вами не разговаривал" сердито отрезал ему А. "О тогда вам, как по ошибке арестованному, нечего бояться", сказал М. "Конечно неприятно, что вас держат пока в этой мерзкой камере". "А я ничего и не боюсь", ответил А. "А на счет камеры кое кто поплачет, я не прощу того, что меня заперли в такой погреб."

Поскольку А. начал разговаривать даже по столь серьезным вопросам, мы осторожно попытались спросить его, кто же он, высказывая мнение, что он какойнибудь крупный партийный работник. На что А. отвечал: "Я беспартийный и никакой не коммунист. Я себе просто культурник." Он должно быть не сообразил, что рассказав о своем присутствии на городском комсомольском активе, он уже выдал себя. Возраст его был не комсомольский и попасть на такой актив он мог только будучи коммунистом. Затем мы его спросили, что пишут в газетах, что решали на сессии Верховного Совета и на пленуме ЦК ВКП/б/, на что он ответил: "Я газет не читаю и не интересуюсь ими." Он также не сообразил давая этот

ответ, что культурник не может не читать газет, но видимо спохватившись и решив поправить дело он сказал: "Я украинец и плохо понимаю русские газеты". Но А. был не украинец, а еврей, о чем свидетельствовала его физиономия, его фамилия и акцент. Никакие попытки добиться чего-нибудь на счет сессии Верховного Совета и пленума ЦК и в дальнейшем ни к чему не приводили. Очевидно А., как "честный советский гражданин" считал преступлением "якшаться" с врагами народа, да еще и информировать их, что пишут газеты. Должно быть для них это тайна, раз им не дают газет. Прошла еще неделя. За эту неделю меня вызывали на допрос 5 раз. Вызывали также И. для объявления ему об окончании следствия. Дважды вызывали на допрос Р. Из старых арестантов только одного М. пока не трогали. Он тяжело переживал это. Он даже завидовал Иванову, что у него так скоро закончилось следствие. М. страшно тосковал по семье, состоявшей из жены и дочери. Дочь по его рассказам, 17 летняя девушка, была каким то феноменом в ее умственном развитии. Она знала в совершенстве несколько иностранных языков, была художницей, прекрасной пианисткой и великолепно владела скрипкой. В это время она училась в институте, причем переходила с курса на курс не обычно, а перескакивая через один год. С первого курса она перешла сразу на третий. Возможно она была весьма даровита от природы, но не в меньшей степени на ее развитии сказался особый метод воспитания самого М. Теперь когда отец сидит как враг народа, ясно, что ее из института выгнали и неизвестно какова судьба ждет ее с матерью. Я не раз с сердечной болью наблюдал М. склонившагося на стену и долго, долго глядевшего вверх сквозь белеющие, но непроницаемые стекла окон, в воображаемую даль, туда где была его семья, где была его любимая дочь. Тогда у него бывало скатываются по щекам одна за другой горькие слезы. Не раз он с сокрушением говорил: "Моя песенка спета, мне уже не выйти отсюда, но как спасти семью? Одно мыслимое спасение для них это отречься от меня. Но как им передать, чтобы они отреклись от меня, каким образом это сделать?" Несчастный благородный человек. Во имя спасения семьи, он жаждет, чтобы она отреклась от него, как от врага, предавая его проклятию. Конечно он знал при этом, что в душах их после такого отречения будет пылать к нему еще большая любовь, но отрекшись от него юридически, они могут спастись, главное дочь, для которой он только и жил. Но вместе с тем он был уверен, что если бы ему и удалось даже написать письмо им, требуя и моля отречься от него, они на это никогда не пойдут, - слишком чисты, слишком благородны их

души, ибо обе они и жена и дочь глубоко верующие. Я и И. пытались его уговорить, чтобы он не отчаивался. При столь многочисленных арестах невероятно, чтобы все семейства были репрессированы. А там может случиться, что волна арестов пойдет на убыль и он еще вернется домой. Но М. говорил, что он как то предчувствует свою гибель. Он рассказал о следующем случае: - не за долго перед его арестом его дочь возвращалась из города домой. Ей оставалось идти еще два квартала и она вдруг увидела его, идущаго также домой, взяла его под руку и пошли. Она все время весело говорила. Дойдя до своей квартиры и поворачивая к крыльцу, она увидела, что это не отец и, вскрикнув испуганная вбежала в квартиру и рассказала о случившемся. Все они были очень обеспокоены о происшедшем, боясь как бы оно не явилось нехорошим предзнаменованием на счет М. Тревога оказалась не напрасной. М. арестовали и вот он уже больше года в тюрьме. И ему кажется, что семью больше не придется видеть...

Ночью с 5 на 6 февраля в камеру вошло трое энкаведистов во главе с лейтенантом УГБ. Всем нам велели выйти в корридор. Сами же остались в камере. В корридоре мы были раздеты до гола, вся одежда прощупана, все швы тщательно проверялись. Белье просматривалось на свет. Нас даже голых тщательно обыскали, заставляя приседать, нагибаться растопыривать пальцы, подымать ноги, нам заглянули в нос, в рот, в уши и т.д. И все это делалось на голлом цементном полу, в холодном корридоре, где мы стояли голые и босиком. Вернувшись в камеру мы застали там все перевернутым вверх ногами. Несколько папирос, которые хранились в пальто А., а также спички, были изъяты. Значит наступал период запрета на курение.

7 февраля утром А. позвали на допрос. Хотя он за 11 дней немного свыкся с обстановкой и своими невольными сокамерниками, но он не переставал себя чувствовать среди нас белой вороной. Мой рассказ о "конвейере" на него почти не действовал. Видно, что у него не было сомнения, в том, что все мы преступники, один он является жертвой недоразумения. Когда его позвали на допрос, лицо его просияло такой радостью, как будто ему сказали, что он идет на свободу. Он даже сделал прощальный кивок в сторону остающихся в камере "врагов народа".

9.И взяли опять на допрос Р. Возвратился он очень разстроенный. Оказывается ему удалось подобрать пару окурков и их обнаружил сейчас

"шпик Фома" при обыске и отнял. Бедный Р. чуть не плакал. Он так ждал, что хоть пару затяжек сделает. Теперь когда было запрещено курить его особенно тянуло. - Ничего мне на свете не нужно, говорил Р. - только бы сделать пару затяжек. О свободе нужно забыть. Среди нас о ней может мечтать только глупец. А мне давали бы табак, хлеба вдоволь, побольше соли и воду и конечно не таскали бы на допрос, я бы ничего больше не хотел, так бы свою жизнь и прожил припеваючи в этой камере". Потом Р. вспомнил, что привез обрывки газет, подобранные им в уборной НКВД. Он их скомкал и сунул между ватой в бушлат. Странно, что "шпик Фома" их не нашупал. Они немного выпачканы - говорил Р., но не беда, мы не так пачкаемся, особенно убирая руками уборную.

Кроме меня никто не мог без очков читать. А очков ни у кого не было, так как они отбираются при попадании в тюрьму. На следствии же когда человек не в состоянии без очков прочесть написанное следователем и поэтому отказывается подписывать протокол, его побоями заставляли верить следователю на слово. И только при большом упрямстве приносили несколько пар очков, среди которых заключенный подбирал себе наиболее подходящие для прочтения написанного. Из урывков и отдельных фраз, которые удалось прочесть следовало, что состоявшийся январский пленум ЦК ВКЦ/б/ признает ведущуюся борьбу с врагами народа неудовлетворительней и требует от парторганизаций усиления этой борьбы. Отсюда становилось ясно почему произошла такая вспышка арестов с небывалой силой. Это делалось как и всегда: "в ответ на постановление ЦК и т.д..." О прочитанном я не замедлил простучать в одну камеру, а И. в другую.

Как то нас повели в баню. Власти видно боялись сыпняка, поэтому арестантов мыли в бане раз в 2 недели, главное же тщательно дезинфицировали всю одежду. Р. никогда не мылся, как равно никогда не мыл рук и не умывался, когда нас водили в уборную. У него бедняги от горя происходила "переоценка ценностей" и он даже придумал теорию о том, что именно "нечистота - залог здоровья". По изобретенной им "теории" разные болезни как кожные так и внутренние очень часто происходят от проникновения через имеющиеся в коже поры разных болезнетворных микробов и бактерий. Поэтому лучшей профилактикой против болезней является закупорка этих пор, что в условиях тюрьмы достигается тем, что попросту не нужно мыться. Конечно, это учение Р., как равно его учение о том, что человек должен употреблять все только в сыром виде (так вместо

хлеба он должен есть мучную болтушку, или просто тесто, мясо должен есть сырое и все прочие продукты, как животного, так и растительного происхождения должен употреблять исключительно в сыром виде) а также должен употреблять возможно большее количество соли, способствующей пищеварению и убивающей всякие болезненные начала, и побольше курить табаку, что способствует дезинфекции рта и дыхательных путей, и кроме того благотворно действует на нервную систему и умственные способности, эти его учения были попросту протестом против тех нечеловеческих условий, в которых мы находились. Он старался привить себе веру в эти учения и горячо пропагандировал их среди сокамерников.

Все остальные мылись с наслаждением и хоть банщики и пускали воду или же только горячую, или же только холодную, мы все же умудрились как-нибудь помыться. Нам доставляло наслаждение и тепло, которое было в бане после нашей холодной камеры и то, что тело могло соприкоснуться со свежим воздухом после двухнедельной закупорки в одежде. Придя из бани мы поздравляли друг друга с "легким паром" и делились тем, кто какое удовольствие от бани получил. И. спросил Р.: "Каково ему". Р. вечно против всего протестовал и все возненавидел, а в камере больше всех ненавидел М. очевидно за то, что М. заслуживал наибольшую симпатию среди всех нас за свою необыкновенную отзывчивость, искренность, доброту, уже не говоря о его высоком уме. И вот Р., приняв вопрос М. как насмешку над ним разразился ругательствами и оскорблениями по адресу М. Он еле сдерживал свой крик и скороговоркой, будучи весь побагровевший от ярости сыпал: "из за вас подлых "беляков" все несчастья народа. Если бы вас подлых скорее уже истребили, тогда не то было бы". М. пытался успокоить его, но это не помогло. Тогда М. спросил: "Если я, беляк, только потому, что был три дня в меньшевицкой партии, так вы такой же "беляк" и даже белее, ибо вы были офицером в царской армии и долго состояли в партии эс-эров. Почему же вас арестовали?" - "Из за таких негодяев как вы", кричал Р.; он до того расвирепел, что бросился к М. и закричал ему в лицо: "вон подлый беляк из этой камеры, чтоб духу твоего здесь не было!" Горько усмехаясь М, сказал: "может быть вы в силе меня выбросить вон из тюрьмы хоть на один час, я до смерти вас благодарил бы за это". Р. был совершенно вне себя. Побежав в свой угол он начал избивать себя по лицу кулаками, затем стоя на полу лег лицом на кровать. За несколько минут лицо напухло и сделалось, что арбуз. М. был необыкновенно взволнован, да и всем нам было не по себе после такой сцены. И. пытался с Р. заговорить, но он

прогнал его от себя сказав: "никто не смей разговаривать со мной," Мы его больше не трогали и лишь через сутки Р. начал понемногу включаться в разговор. Через несколько дней всю камеру позвали в канцелярию корпуса, помещавшуюся здесь же в коридоре. Начальник корпуса спросил, кто хотел бы написать заявление. Все изъявили такое желание и получили по листу бумаги и карандашу. Можно было написать лишь одно заявление. Я ломал голову кому и о чем написать. Я решил написать ... Сталину. В заявлении я указал, что я такой-то и такой-то честный гражданин труженик, не имею за собой никакой вины и подвергнут аресту на основании "показаний", данных на меня "такими-то" вследствие жестоких пыток, которым они были подвергнуты. Дальше я указал о жестоких методах применяемых ко мне с целью вынудить меня оклеветать себя и других людей, в чем я не вижу никакой пользы государству и что является бесспорно произволом местных органов НКВД. Я закончил тем, что я скорее умру от пыток, на очередном "конвейере", чем опозорю свое имя клеветой. В этом письме была некоторая хитрость. Я знал, что это письмо не попадет к Сталину, а если бы не дай Бог попало, то это могло бы погубить меня наверняка; но я рассчитывая на то, что энкаведисты прочтя мое столь смелое заявление и видя мое намерение скорее умереть, чем "расколоться", может быть оставят меня пока в покое, как М., а там гляди и стадия "раскручивания" начнется. Остальным было очень трудно писать без очков и они писали вслепую наугад. М. писал заявление в УНКВД об ускорении его следствия, Р. писал о том, чтобы его перевели в одиночку и дали ему возможность заниматься писательской деятельностью, а И. и С. писали заявления прося дать им свидание с женами, хотя это было бессмысленно, т.к. такие случаи были совершенно исключены. Заявление разрешалось писать примерно один раз в три месяца. М. утверждал, что ни одно заявление дальше НКВД не пойдет и что разрешают их писать вовсе не в интересах заключенных, а в интересах ведения следствия в желаемом НКВД направлении. Этими же днями для заключенных особаго корпуса было сделано великое облегчение. После того как было посажено много разного рода больших чинов гражданских и военных, которые еще не поняли куда попали и некоторые считали, как наш А., что попали по ошибке, другие еще храбрились поскольку им не успели сбить спесь, каждую ночь творилось нечто невообразимое, крику, гвалту, грохоту в двери еще прибавилось. Во многих камерах стали мочиться на двери откуда моча текла ручьями по коридору. Ни постановки к стенке, ни лишения

прогулок, ни лишения обедов или хлеба - ничего не помогало. Естественная потребность была сильнее всех страхов и наказаний. И вот НКВД вынуждено было пойти на уступки и в камеры были выданы ведра, что доставило нам большую радость.

16 февраля, часов в 10 утра открылась дверь в нашу камеру. Попка стоял в коридоре, держась за открытую дверь и кому-то говорил: "Скорей, скорей, давай!" И вдруг в дверях появился ... Айзикович. Но что это был за А.? Это уже совсем не тот А., который весело уходил на допрос. На месте его нежного и выхоленного лица были сплошь синяки и ссадины, левый глаз был совершенно закрыт большой синей опухолью, правый сильно подбит и непрерывно слезился. Нос был красный как бурлак и распухший. В ноздрях и на отросших усах целые комки застывшей крови. А рот. Боже мой, что сделали со ртом! Он был совершенно скривлен вправо, куда тянуто судорогой изувеченную нижнюю челюсть. Губы были точно котлета. Левое ухо было окровавлено. Правое плечо совершенно обвисло и рука еле шевелилась. Кисть правой руки была окровавлена, пальцы разбиты. Из открытаго рта виднелся распухший перекушенный язык. Шея вовсе не поворачивалась. Мы попросту не знали что делать с бедным А., чем ему помочь. Прежде всего решили немного пообмывать кровь. Хорошо что уцелела одна кружа кипятку. Мы также предложили ему пополоскать рот водой с солью с целью дезинфекции, что должно было ускорить заживание понесенных ран.

Усадив его поудобнее и не зная чем ему еще помочь, мы все предложили по кусочку хлеба, но он его вовсе не смог есть без воды своим искалеченным ртом. Не имея возможности поворачивать языком, чтобы что то сказать нам, А. только мычал и показывал рукой на грудь и спину. Одежда на нем не была застегнута. Отвернув ее на груди мы ужаснулись увидев грудь сплошь покрытую синяками и припухшими ссадинами. Всякое прикосновение белья к ранам причиняло несчастному нестерпимую боль. Оттянув сзади воротники мы увидели, что спина точно в таком же состоянии.

У меня невольно пронеслось в голове воспоминание, как А. требовал, чтобы ему дали говорить по телефону, как он грозил наказаниями тем, кто его незаконно арестовал, а также его рассказ о комсомольце, которого угощали битками, отбивными и прочим. Я постарался прогнать эти воспоминания. Теперь бедный А. целиком представлял из себя отбивную.

Дали обед. А. весь горел и не хотел есть. Но мы настояли, чтобы он съел обед. В суп ему накрошили хлеба и он глотал его не жевавши. По обеду он пытался говорить, но не мог, ибо ни языком, ни ртом не мог пошевелить. Ночью же сильно страдал от нанесенных побоев, так как он кажется не имел места на теле, которым мог бы лечь. На следующий день ему было немного легче, но говорить он мог лишь с большим трудом поэтому только всего лишь сказал: "теперь я знаю что такое "враги народа" и что такое НКВД. Теперь я больше не непорочная девочка..."

18.2. он смог нам рассказать, что с ним произошло: "вместо свободы, куда я шел, как мне казалось, когда меня вызвали из камеры, начал А., - меня заперли в кабинку "черного ворона" и повезли в НКВД. Там подняли на предпоследний этаж и ввели в кабинет 326, где сидел младший лейтенант УГБ. Он дал мне подписать бумажку, на которой значилось, что я, будучи уличенным как участник подпольной фашистской террористической организации молодежи, обвиняюсь по ст. 58 п.п. 8, 10 и 11. Я не стал подписывать бумажку, заявив, что это фашистская клевета и потребовал немедленно направить меня к начальнику управления НКВД. Следователь никак не хотел меня вести, но потом вышел и войдя сказал - сейчас придут к тебе. Действительно минут через 5 вошел начальник УНКВД и Шойхет. Обращаясь ко мне начальник УНКВД спросил меня: "Ты может быть хотел мне лично изложить свои показания, зачем ты хотел обязательно видеть меня?"

- Товарищ,... начал было я.

- Я тебе не товарищ... кончилось, - закричал он.

- Но позвольте, - говорил я, что же это делается. Схватили невинного человека, преданного большевика, предъявили какие то сумасбродные обвинения, да я немедленно же самому товарищу Ежову буду телеграфировать, товарищу Сталину напишу, я не оставлю безнаказанным такое безобразие...

- Довольно! - остановил меня начальник УНКВД. Т.т. Сталин и Ежов требуют от нас, чтобы мы всю такую фашистскую сволочь как ты истребили. - Но позвольте... - Молчать, проститутка фашистская. Попался, держи ответ! Вот ты лучше сознавайся пока по хорошему, а то жилы вытянем. Затем обращаясь к Ш. он сказал: "Если через полчаса не начнет давать показаний - в ледник". Он ушел, а Ш. подскочил ко мне схватил меня за грудь и как потряхнет - ты будешь давать показания?"

Видя, что он еврей, я к нему по еврейски заговорил: "чего от меня хотят, что это делается?"

Он еще больше начал кричать, да такой похабщиной сыпать, что я даже среди урок не слышал. Затем крикнув "Ну будешь ты у меня добр!" Он быстро ушел. Оставшийся следователь стал меня уговаривать, чтобы я "сознался". Я ему говорю, что это какое-то недоразумение, какая-то ошибка. А он мне отвечает: "НКВД не ошибается. НКВД арестовывает только тех на кого есть достаточные улики. На тебя же их довольно имеется, целый том, вот они". Он вынул из стола какую-то толстую папку и похлопал по ней.

В кабинет вошел конвоир и увел меня. Я думал что в камеру, но он меня повел в подвал. Завел в какую то комнату и там заставил раздеться и даже носки снять. Я остался только в одном нижнем белье. Он меня повел по корридору. Сырость, холод, полумрак, затхлость. Ужасное подземелье! Не на расстрел ли - думал я. Но нет, после нескольких зигзагов он подвел меня к маленькой двери, открыл ее и велел войти. Я вошел. О ужас, куда я попал! Я не слышал, чтобы в камере говорили об этом леднике. Представьте себе - маленькая комната со сводами вверху. Вверху же укреплена лампочка. На полу лужа, о, что это за лужа! Что это за лужа! Это кал и моча, это уборная, где люди оправляются прямо на цементный пол, может быть уже целый год. Посреди этой лужи какой то ящик, в квадратный аршин, перевернутый вверх дном и возвышающийся над лужей сантиметров на 15. Я переступил с порога на этот ящик, он подвинулся и я чуть не упал в лужу. Дверь закрылась.

Я почувствовал, что мне на лицо что-то садится, лезет в глаза, в нос, в рот, в уши, нет спасения. Я не успеваю отгонять, оно опять покрывает всего меня и лезет и лезет. Оказывается это целые тучи какой то мельчайшей мошки. Осваиваясь понемного с темнотой и продолжая воевать с мошкой, я увидел, что в луже что-то копошится, вся лужа как бы шевелится. Это были миллионы червей, они заполняли всю лужу, они лезли на стенку и обрываясь падали; лезли на ящик, уже лезли на ноги, я их с отвращением сбрасывал, они опять лезли, волоча за собой хвосты и оставляя мокрый след. Да и не только эти черви какие обычно водятся в уборных; были там и разные другие - настоящий питомник. Стены покрыты слизью, липкой отвратительной. Затем я почувствовал, что мне что-то жжет ноги. Я думал может быть черви уж стали кусаться, однако же нет. Клопы, сплошным

покровом покрывали мои ноги. Я был поражен, откуда тут взяться клопам. Достаточно было пошевелить ногами, как они моментально исчезали, прячась в щелях ящика. Я присел и стал разглядывать этот ящик и сообразил в чем дело. Ящик был не простой. В нем видно был вделан еще ящичек специально с клопами. Поразительно! Вы подумайте только, ведь специальные клоповники делают, клопов в них плодят, а затем кормят их человеком. И клопы, и черви, и мошка все использовано в качестве союзников НКВД. Можете ли вообразить мое положение? Я все время вынужден был топтаться ногами на ящике, чтобы на ноги не лезли клопы и черви, а руками непрерывно обороняться от мошки. Иной раз когда устав переставешь топтаться, моментально начинают кусать клопы. Ударишь ногой по ноге, смотришь вся нога в крови от раздавленных насекомых. А червей я сперва сбрасывал, а потом уж просто топтал их. Но это еще не все, чем дальше, тем больше меня пробирал холод и сырость. У меня уже не попадал зуб на зуб. Тело посинело. Чтобы разогреться я занимался гимнастикой, но ящик подо мной ходил ходуном и я должен был соблюдать осторожность, чтобы не сломать его, как единственного островка, иначе придется стоять в луже выше щиколоток. И вот так шло время час за часом. А сколько этого времени проходило я никак не мог определить. В коридоре могильная тишина. Изредка слышался кашель. Затем мне в стенку стали стучать, как вы перестукивались с соседями, но я же не умею стучать и только стукнул пару раз что жив еще и все. Так прошло очень много времени. Я промерз насквозь, смертельно устал, мне хотелось есть. Я готов был кричать, рыдать, но это было бесполезно. Мошка же, черви и клопы неустанно нападали на меня. Их были миллионы, а я один! Я уже не в состоянии был стоять и сел подбрав колени к подбородку. Усевшись так, я скоро задремал, но быстро проснулся от проклятых клопов, они меня жгли огнем, а черви уже забрались по одежде до самой шеи. Я схватился, стряхнул с себя всю нечисть, жестоко расправляясь с нею, но долго я не устоял. Опять сел и опять тоже повторялось. Я не знаю сколько это тянулось, мне казалось целую неделю. Руки же и ноги до того озябли, что я не мог разогнуть колен и выпрямить локтей и пальцев. Всего меня, как судорогой свело. Мне уже давно хотелось мочиться, но я все терпел, думая что поведут в уборную. Но никто не приходил. Да и зачем уборная, когда здесь уборная!

В коридоре слышались шаги. Открылась маленькая откидная форточка - кормушка, в двери и мне подали кусочек хлеба и кружку

кипятку. Я еще в жизни кажется не ощущал такого наслаждения и от еды и от тепла. Раньше чем выпить кипятка, я прикладывал кружку к разным местам совершенно озябшего тела, пытаюсь хоть немного отогреться. Затем немного вылил кипятку в щели, надеюсь хоть частично уничтожить клопов, а остальной выпил.

Затем пошло все по старому. Прошло бесконечно много времени. Вдруг кто то недалеко запел. Да так заунывно, такое страдание слышалось в его звуках и словах, что у меня потекли слезы. Вслед затем в коридоре послышались шаги. Прибежал надзиратель и спросил где то рядом: - Ты пел? - там ответили: "нет". Затем ко мне подошел и меня спросил, не я ли? Затем еще трижды спросил. Все сказали "нет". Так я узнал, что я не один, что у меня есть четыре соседа, которые, очевидно, находятся в таких же карцерах. Не успел дежурный отойти, как снова послышалось пение. Дежурный быстро вернулся и крича и грозясь снова опросил всех, но все ответили "нет". Не успел он и двадцать шагов сделать, как песня опять полилась. И так продолжалось 6 раз, пока дежурный ушел и больше не возвращался. Пение продолжалось часа полтора. Пелись все грустные больше тюремные песни.

Я снова садился и дремал, снова схватывался.

Чем дальше мне становилось невыносимей. Я готов был хоть в лужу лечь, но только бы лечь. Я засыпал тяжелым сном сидя, и просыпался, когда клопы и черви гуляли у меня даже по голове, лазили по ушам, падали за воротник. Я их сначала с отвращением вытряхивал, а потом, будучи страшно измученным махнул рукой и просто давил их на теле.

Снова дали хлеб и кипяток. И время потекло еще медленней, еще мучительней. Потом снова началось пение, хождение и ругань надзирателя.

Затем снова дали хлеб и кипяток. Я предполагал судя по времени, когда мне особенно хотелось спать, что это были ночи. В моем представлении я находился в карцере уже дней 5-6.

Затем пришли открыли мою дверь и повели меня. Повели меня наверх к следователю в таком виде как я сидел в карцере. Была ночь. Меня принял тот же мл. лейтенант и спросил, не готов ли я давать показания. Я сказал, что готов, но я же ни в чем не виноват, что же я буду говорить? В кабинет зашел Ш. и тоже начал меня спрашивать не надумал ли я каяться. Когда я сказал, что я ничего за собой не чувствую, он велел спустить меня в подвал

и держать пока я не вспомню своих преступлений. Меня снова отвели в карцер. Потянулись длинной цепью нескончаемые мученья. Мне было так тяжело переносить холод, недоедание и невыносимую усталость и меня так извели проклятые клопы, что я бы хотел скорее умереть, чем терпеть такие страдания. Время от одной до другой выдачи хлеба тянулось, казалось мне целый месяц. И вот снова прошла вечность пока мне выдали хлеб и кипяток. Я уже не знал живу я или это только кошмарный сон. У меня даже мозг промерз, я не в состоянии был соображать. Меня опять позвали из карцера. Меня всего так сводили судороги, что я еле был в состоянии ступить. На этот раз сказали одеться, но меня уже и руки не слушались, я с большими усилиями, как попало натянул на себя одежду, но застегнуться не сумел - пальцы совсем не слушались. Привели меня опять в тот же кабинет, к тому же следователю. Дело было опять таки ночью. Со всех сторон слышен был плач и крик, наполнявший корридор. Следователь начал ставить мне все те же вопросы. Но я никак не мог взять себе в голову чего от меня хотят. Я все же думал, что энкаведисты кем то введены в заблуждение. И я старался объяснить это следователю. Тогда он дал мне читать показания Зав.сельхозотделом Обкома комсомола, где я не веря своим глазам прочел: "в числе активных участников нашей террористической организации был культпроп. Обкома А". "Что тебе мало?" спросил следователь. "На тебе еще читай." Он дал мне показания заведующего отделом кадров Обкома, в которых говорилось тоже самое. Но ведь это провокация сказал я. Этих людей мы сняли с работы и исключили на обкомовской парторганизации из партии, как врагов народа и они теперь мстят мне. -

Ага, сказал следователь, - они мстят тебе? А этот тоже мстит, он ведь не арестован, закрывая большой лист бумаги и подпись он дал мне прочесть на нем одно место где говорилось: я уже давно замечал, что А. ведет в комсомоле разлагательную работу..." Это было написано рукой шофера обкома, моего питомца. Этого паренька 4 года назад я подобрал в деревне совсем нищего, сироту, неграмотного. Тогда я работал помощником начальника Политотдела МТС по комсомольской работе. Я его первоначально грамоте обучал, помогал ему материально, устроил его на работу в мастерские МТС, затем направил на курсы трактористов, а затем шоферов. Я же его устроил на работу в Обком в качестве шофера. И мне всегда казалось, что он очень признателен за то, что я его в люди вывел. И вот он такие вещи на меня пишет. Я ничего не мог сказать об этом парне, как только то, что его кто-то научил.

А этих кто научил, по твоему? спросил следователь, и дал прочесть постановление первичной парторганизации Обкома, которым я исключался из партии как враг, который долго маскировался и очень много натворил в комсомоле. У меня голова шла кругом, я не давал себе отчета, что это делается. Даже являлась мысль уж и в самом деле не творил ли я чего то страшного, враждебного, сам того не понимая? Я об этом сказал следователю.

Но он мне ответил:" Не удастся тебе преступнику оправдать свою преступную деятельность непониманием. Вот еще один документик окончательно раскрывающий твою звериную физиономию, прятанную за овечьей шкурой. Что же вы думаете я увидел?. Я чуть не упал. У меня даже потемнело в глазах - Это было заявление от моей собственной жены на имя начальника НКВД! Она тоже пишет, что я долго маскировался и она ничего не замечала. И что она рада, что меня разоблачили и просит НКВД, чтобы меня уничтожили, как опасного врага народа. Я был окончательно пришиблен. Даже жена отреклась, вот ужас! Но я по-прежнему думал, что все же это ошибка. Я думал, что враги народа меня оговорили, а Обком и даже жена моя поверили. И я даже сказал следователю, что НКВД тут ни при чем, раз так удалось всех опутать врагам народа. "Так вот, я тебя познакомил с кое какими документами, уличающими тебя. А теперь ты сам должен чистосердечно рассказать все" - говорил следователь.

Я продолжал все в том же духе - что меня враги народа оговорили, что я ни в чем не виноват. Потом пришел Ш. и спросил не намерен ли я сознаться. Я ему ответил тоже, что и следователю. Он внезапно и с такой силой ударил меня в зубы, что я покатился по полу.

Затем привели зав. кадрами Обкома комсомола. Нас посадили в нескольких метрах одного от другого. Я не сомневался, что он враг народа. И вот он повторяет тоже, что и написал. Я сразу же крикнул ему: "Фашистская морда твоя, провокатор! Попался так отвечай не путай честных людей." Ш. оставил свои бумаги и как набросится на меня, а вместе с ним и следователь! Они зверски били меня кулаками и сапогами, а повалив на пол били сапогами куда попало, в голову, в лицо, что подвернется. Ш. кричал, что зав кадрами бывший враг, ныне честно кающийся, я же являюсь самым страшным врагом поскольку не хочу сознаться. Как ни били, но я отрицал все улики. Когда моего обличителя увели, тогда меня снова стали бить. Били не менее часу вдвоем и больше

всего ногами. Я сначала кричал, а потом уже и кричать не мог так мне пбили грудь и лицо. После этого опять отправили в подвал и раздев бросили в карцер. Можете себе представить в каком я был состоянии, как я чувствовал себя в том отвратительном клозете, будучи так избит. Сел я на ящик и плакал, горько плакал от обиды. Передо мной прошла вся моя жизнь! Я еще совсем ребенком вступил в комсомол и был одним из самых активных ребят. Бывало отец грозил мне за то, что я не помогаю ему в работе, а бегаю на комсомольские собрания и целый день ношусь с разными поручениями. Я же его припугну бывало тем, что мол заявлю в ГПУ или в суд, что он мне мешает заниматься общественной работой, он испугается и не трогает меня. А сейчас, вот только сейчас мне стало его очень жаль, бедного старика, который имея семью из 7 человек должен был всех кормить, зарабатывая один портняжеством. Он бедный работал день и ночь. И мне тогда ничуть не было его жаль. Я считал, что он должен работать и меня кормить потому, что я был занят важными делами для пользы государства. Когда закрывали синагогу, то произошла драка между стариками и молодежью, и я подрался с отцом. Все же мы синагогу закрыли. Выбрасывали на улицу разные святыни, мы не давали их схватить старикам, а топтали ногами. После этого меня родные прокляли и выгнали из дому. Но меня комсомол успокоил, посоветовав махнуть рукой на глупых набожных родителей. Меня устроили работать в пекарню, а затем послали на учебу, где я получил коммунистическое образование. Там же я вступил в партию. По окончании КОМВУЗА я был направлен на работу в Политотдел МТС на должность помощника по комсомольской работе. Я всей душой отдавался работе. Я верил в святость того дела, которому служил. Я был фанатиком. Сталин для меня был богом. За мои большие заслуги на работе в политотделе я получил орден Ленина. После ликвидации политотделов МТС я работал секретарем Горкома комсомола, и наконец, культпропом Обкома. Я не переставал быть фанатиком коммунистических идеалов и служил партии, как вернейший сын ее. И вдруг арест. За что? Я думал ошибка. Я, попав в вашу камеру, не сомневался, что здесь сидят враги народа. Мне жутко было среди вас. И до самой очной ставки у меня была уверенность, что я являюсь жертвой какой то провокации. Но вот после очной ставки такие страшные избиения. За что же, за что же!

Так передо мной проходила картина моей жизни и я не мог найти в ней ни одной задоринки, направленной против партии, против Советской

власти. Но я еще окончательно не раскусил тогда в чем дело. Моя вера в партию, в Сталина, в их правоту и непогрешимость была такова, что я все же мог объяснить свое положение только вражеской провокацией. Снова потекла мучительная вечность. Страдания, переносимые мною не поддаются описанию. Еще 3 раза выдали хлеб и кипяток. И снова позвали меня на допрос, предварительно одев.

В кабинет следователя сразу прибежал Ш. Он даже дрожал от бешенства. Я в страхе ожидал избиения. Ш. спросил меня, готов ли я уже каяться. Я со слезами отвечал, что сколько я не думал, сидя в карцере, и все же не нашел ни в чем себя виновным.

"Мало думал, вот я тебе помогу думать," пригрозил он кулаком. Затем он вышел и через 2 минуты ввел зав. сельхозотделом Обкома комсомола. Этот также меня уличал в принадлежности к террористической организации. Я отрицал это, но, чтобы не сердить Ш. я на этот раз сказал: "Не знаю может быть в чем другом виноват, но не в терроре". Эти мои слова были записаны в протокол и я его подписал. Зав. с/х отделом вывели. Тогда Ш. сверкая бешено глазами и скрежеща зубами спросил меня: "ты проститутка фашистская, будешь сознаваться или нет?"

Не успел я еще сказать, что не знаю в чем сознаваться, как он меня со страшной силой ударил в живот ногой так, что я достал головой стены. Затем с меня сорвали пальто и начали бить. Я даже не соображал в каком я положении. Меня поднимали и бросали снова, били лицом об землю, а сапоги их так и мелькали в воздухе. Затем еще вошел какой-то один и Ш. крикнул ему - А ну ка давай! И тот тоже начал бить. Наконец, бить перестали и усадили к столу.

Ш. положил передо мной бумагу и ручку и закричал: "Пиши, пиши, б..... показания, иначе не выйдешь отсюда живым!" Он задыхался от усталости и бешенства, остальные тоже.

Вслед затем Ш. ввел секретаря Обкома комсомола Нечкина. Я и не знал, что он арестован. Он для меня являлся прекрасным образцом большевика и я старался во всем подражать ему. Он был старше и опытнее меня. Вид у Н. был такой же в каком вы увидели меня, когда я вернулся в камеру. Он прыгал на одной ноге, одну волочил. Левая рука видно была перебита.

Начались вопросы и ответы. Когда Ш. низко нагнувшись писал ответ Нечкина, он мне кивал, чтобы я сдавался и показал знаками, что у него

сломана нога, рука, выбиты зубы и разбиты половые органы.

У меня не было никакого сомнения в невинности Н. Я отлично понимал, почему он наговорил на себя. Его заставили оклеветать себя лишь ужасными пытками совсем изувечив человека.

И вдруг меня осенила мысль, что ведь все так "сознаются". Также "сознались" и зав. кадрами и зав. сельхозотделом. Неизвестно еще почему моя жена написала такое заявление. Может быть она его писала сидя в тюрьме.

Но я все же не решался признать себя виновным, что очень огорчило Н. - Ш. пригрозил мне, быстро закончил протокол и отправил Н.

И вот после этого опять за меня взялись. Ну тут уже я не мог больше противиться. Тем более раз Н. на себя наговорил, а вместе с тем и на меня и на других, значит нечего сопротивляться. И я сказал, что сдаюсь. Ш. опять посадил меня к столу и велел писать, но кисть правой руки так разбита каблуком, что и сейчас вот еще не могу шевелить ею и я сказал Ш.: "что угодно пишете, я все подпишу не читавши". Он написал страницу и прочел мне. Там говорилось о моей принадлежности к к/р организации, о покушении на Сталина, о развале комсомольской организации и много еще разных "преступлений". Затем он спросил кто "соучастники", которые мне известны. Я назвал секретаря Обкома Н. затем зав. отделом кадров и засельхозотделом.

"И все?" спросил Ш.

"Да всё, сказал я, - больше никого не знаю" Тогда Ш. вместе со следователем снова на меня набросились, после чего я назвал остальных членов бюро. Но Ш. было все мало. Он снова меня бил до тех пор пока я не назвал весь аппарат Обкома. Я думал, что уже на этом дело ограничится, но Ш. спросил - "А на периферии ты так никого и не знал? Говори!" -

Я сказал, что нет.

Тогда они снова набросились и били меня так, что я как мяч катался под ногами. Тогда я стал кричать: "не бейте, я забыл еще секретарей райкома комсомола." "Сколько?" спросил меня Ш., пока я лежал в своей крови. Я вижу что убьют и решил ему сразу заткнуть глотку. "Все" говорю. Это его удовлетворило. Однако, отправляя меня в тюрьму он предупредил - "ты там подумай хорошенько кого ты забыл." -

- Поверьте мне тов..., ой нет. Говорить "товарищи" мне теперь противно. Поверьте мне друзья, что я теперь стал совсем новым человеком, вовсе другим, каким никогда не был. Теперь я понял, что такое советская власть, партия, Сталин, Ежов и вся эта банда. Будь они трижды прокляты! Я только хочу, я только горю желанием, чтобы все такие каким был я попали сюда и были бы вылечены от полуды на глазах. Конечно, не все так слепо верили в партию и ее вождей как я. Большинство делало только вид ради собственной выгоды. И такие люди старались друг друга топить чтобы сесть на хлебные места самим. Вот уже сменилось 4 секретаря Обкома партии. Нынешний первый секретарь Обкома это пьяница и просто жулик. Может быть этот и удержится дольше других. Этот тип как ищейка, так и шнырял, так и нюхал всюду и копал и ковырял. Сколько людей он пересажал и наконец добился. Место секретаря Обкома соблазнительно: - квартира из 7 комнат, 2 авто, одно для него - другое для семьи, 2 прислуги, и все что в квартире на казенный счет и лучшая мебель и любая одежда в любых количествах, питание, все, все за казенный счет в неограниченных суммах. А кроме того, за городом дача с прислугой целый год. Живет лучше любого старого помещика. Тоже и председатель Облисполкома. О начальнике НКВД нечего и говорить. "Бытие определяет сознание человека", когда-то сказал К. Маркс. Это ведь точно. А попадет тот же секретарь Обкома в ежовые рукавицы, тогда уже другое "бытие" будет определять его сознание, - тюремное бытие, а кроме бытия здесь сознание определяется "битием". Этот новый лозунг "Битие определяет сознание человека" стоило бы написать в уборной наряду с лозунгом - "кто не был тот побудет, кто был тот не забудет".

Айзиковичу было трудно говорить столь много, но речь его вызванная страданиями, сильными душевными потрясениями и коренным перерождением взглядов так и рвалась наружу из изувеченных уст. Он закончил и закрыл глаза рукой. "Ах, как тяжело! Но ничего, хорошо то, что хорошо кончается", добавил он.

М. говорил, что очень хорошо, что А. прозрел, но очень печально то, что он оклеветал себя и других.

"Я об этом ничуть не жалею, - говорил он, - Пусть же побольше, побольше актива испытает на своей шкуре и узнает кому он служит. Я понял, что Нечкин дал показания как на "соучастников" на 100 человек. И очень хорошо сделал. Всех, всех сюда нужно запереть, всю партию, весь

комсомол! Может быть к этому дело и идет. Когда я был еще на воле, целый ряд партийных и комсомольских организаций было распущено. Было закрыто ряд учебных заведений, где большинство профессуры и половина студенчества были арестованы. В чем их только не обвиняли - и склады оружия, и адские машины! И я то олух всему этому верил, как маленький ребенок сказкам! Ну и получил я по заслугам!"

Все это он говорил горячо и нервно. Стали раздавать обед. И мы пользуясь занятостью надзирателей связались с соседями. Они сообщили, что вчера утром взяли на допрос прокурора и уже вторые сутки не возвращают. Очевидно на "конвейере". А. торжествовал. Не откладывая он попросил обучить его технике перестукивания.

Пообедав А. сказал: "Знаете, я вспомнил интересный анекдот, а может быть это была быль, не знаю. Во всяком случае, в этом анекдоте вложена большая народная мудрость. Он довольно распространен и за него, очевидно, не одна тысяча голов полегла. В Обкоме его передавали друг другу один на один, под большим секретом, к тому же для маскировки ругнув предварительно его авторов. Суть его в следующем:

Лет 40 или больше тому назад на улицах Тифлиса можно было слышать среди выкриков разнообразных торгашей и фокусников резко выделявшийся звонкий голос юноши, кричавшего так, что было слышно за несколько кварталов: "Подходи, подходи, ка-а-а-ждый сам себе гадает, пя-а-а-ть копеек опускает, палец вынимает! Подходи, подходи!" Известно охотников погадать всегда довольно много, особенно если это дело происходит где либо на базарной площади. Особенно привлекал необычный способ гадания сообщаемый юношей. Любопытные устремлялись со всех сторон к юноше, как железные опилки к мощному магниту. Но к нему не так то легко можно было подступиться. С утра до вечера вокруг него толпилась огромная толпа толкая и давя друг друга. Все жаждали сами себе погадать и уже издали тянули в направлении его свои пальцы. В толпе можно было заметить и старых и малых и мужчин и женщин и простых рабочих и сановитых господ. Издали за столь громадной толпой было никак не разглядеть, что там за юноша, без конца зазывавший всех попытать счастья. Наконец, достоявшись, или будучи более энергичным с большими усилиями протолкавшись к центру жаждущий погадать мог увидеть маленького юркаго юношу с рябым лицом и торчащей вверх шевелюрой. Звали его Сосо. Он был семинаристом духовной

семинарии, но вместо учения он находил более подходящее для него, к тому же весьма прибыльное, занятие. У него на шее висел ящик, опиравшийся вместе с тем на палку. Сверху ящика было два отверстия одно узенькое для монет и другое круглое для пальца. Вот счастливец, которому удалось, наконец, оказаться вплотную у самага ящика, поспешно опускал в плоское отверстие 5 копеек, а в круглое указательный палец правой руки. Лицо озарялось радостным ожиданием "счастья". Однако, вынув опущенный палец, он в недоумении глядел на него, так как палец оказался вымазанным в весьма подозрительную массу. С недоверием он подносил палец к носу и сильно поморщившись гадливо отворачивался и сердито кричал: "Да это же кал!"

На что бойкий Сосо невозмутимо скороговоркой замечал: "Отгадал! Следующий! Подходи, подходи, каждый сам себе гадает..." и т.д.

И странное явление наблюдалось. Ведь каждый опускал палец и вынимал его выпачканным в присутствии множества народа, окружавшего его и слышавшего как он возмущенно разоблачает мошенника, многие вплотную видели во что выпачкан палец, многие даже чувствовали мерзкий запах, но таких которые не пожелали бы сами "погадать" почти не находилось. Каждый уже издали тянул свой палец горя желанием скорее добраться до магического ящика. И только лично отгадав, испытав сам пакостную проказу семинариста с отвращением плевался и уходил ругаясь. Случалось, что при особенно большом стечении народа, содержимое горшка, в который опускались пальцы сквозь крышку красиво и привлекательно размалеванного ящика быстро расходилось. Тогда Сосо оставлял толпу и торопливо удалялся за ближайший угол, или же в уборную, где пополнял горшок. Жаждающая толпа напряженно и с нетерпением ждала его возвращения. Случалось, что за время его отсутствия очередь нарушалась и тогда гаданию предшествовала драка, за право, кому первому опускать палец, а дальше все шло своим чередом.

Бывало кто-либо из "отгадавших" обращаясь к Сосо сердито спрашивал его: "чем то ты мошенник займешься когда все отгадают"? На что семинарист, скаля зубы, во всеуслышание отвечал: "Не беспокойсь, на мой век дураков хватит!..." Вот и весь анекдот. Прошли с тех пор долгие годы, но прекрасный опыт, приобретенный Сосо Джугашвили не пропал даром. Он уже тогда хорошо изучил человеческую натуру, падкую на все яркое, размалеванное, не вникающую в существо скрывающегося за внешними

красками и красивыми лозунгами и готовую уничтожить всякого кто внушает недоверие к этому красивому ящику, заключающему в себе мерзость. Только проверив существо его на собственной шкуре он сам себе говорит с омерзением "отгадал".. Теперь уже многие миллионы "Отгадали", одним из них являюсь я. Однако, на вопрос: "А чем ты, мошенник, займешься, когда все отгадают?" Сосо Джугашвили ныне уже не семинарист, а совсем большой и даже "великий" во всеуслышание ответит: "Не беспокойсь, на мой век дураков хватит"...

КОНЕЦ 1-й ЧАСТИ.